

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М.
ДОСТОЕВСКОГО»

На правах рукописи

Гицевич Евгений Сергеевич

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ АНТИКОВЕДЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
д-р ист. наук С.Б. Крих

Омск – 2023

Содержание

Введение	3
Глава 1. Институализация антиковедения в системе высшего образования в конце XIX – начале XX веков	37
1.2. Домашние семинары в дореволюционном антиковедении.....	62
1.3. Подготовка высших научно-педагогических кадров	74
1.4. Заграничные командировки.....	91
Глава 2. Институализация отечественного антиковедения в области специальных периодических изданий	125
2.1 Специальные периодические изданий по антиковедению первой половины XIX в.....	129
2.2. Специальные периодические издания по антиковедению второй половины XIX – начала XX вв.	138
Глава 3. Научные общества и Императорская Академия наук в контексте институализации отечественного антиковедения	180
3.1. Научные исторические общества антиковедческой специализации	187
3.2. Археологические научные общества и их вклад в исследование античной истории	207
3.3. Российские антиковеды на международных исторических конгрессах.	220
3.4. Антиковедение в Российской Академии наук	237
Заключение	250
Список использованных источников и литературы	256
Список сокращений и условных обозначений	293
Приложения	294

Введение

Актуальность. Современная российская наука, унаследовавшая большую часть своего потенциала от Советского Союза, последние три десятилетия находится в состоянии длительных и глубоких организационных преобразований, необходимых в силу изменения общественно-политических реалий¹. Несмотря на ранее достигнутые в этом отношении результаты, новые вызовы времени, отказ от Болонской системы, изменение места и роли страны в международном сообществе вновь актуализируют продолжение подобных преобразований в ученой сфере. Таким образом, необходимость определения наиболее оптимальной модели организации науки и векторов ее дальнейшего развития, способного обеспечить эффективную выработку новых научных знаний, является насущной потребностью современного российского общества. В данном ключе целесообразно обратиться к опыту построения систем научно-исследовательских институтов, сформировавшихся в периоды наиболее продуктивного функционирования и развития самой науки в нашей стране с целью его изучения и поиска путей для дальнейшего возможного использования в вопросах оптимизации устройства современной ученой сферы.

Антиковедение в России традиционно является одним из важнейших направлений изучения истории не только ввиду глубоких традиций классицизма в областях культуры и образования, но также и в силу принадлежности отдельных территорий страны к ареалу распространения бывшей античной цивилизации. По мнению ряда исследователей, для отечественного антиковедения один из периодов наиболее плодотворного и

¹ Едророва В.Н., Овчаров А.О. Правовая база и институциональная структура современной российской науки // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 6. С. 2-16; Крылова А.И. Современное состояние российской науки и положение ученых в условиях реформирования // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. Вып. 15. С. 561-566; Комков Н.И. Условия и направления реформирования российской науки // Проблемы прогнозирования. - 2005. № 3. С. 3-16; Прытков П.П. Проблемы реформирования российской науки // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 64-69; Белый В.М. Проблемы реорганизации высшего образования и науки // ИнВестРегион. 2013. № 4.1. С. 7-13.

успешного развития приходится на вторую половину XIX – начало XX вв., когда данная область истории выделилась в самостоятельную дисциплину и имела значительные успехи, поставившие ее в один ряд с европейской наукой². Указанный период для исследования античности небезосновательно был охарактеризован в отечественной историографии как «высший эталон»³ для поколений последующих российских ученых. В результате чего представляется целесообразным глубже изучить институциональную структуру дореволюционной науки об античности и определить, насколько внешняя форма ее организации влияла на успехи в самой исследовательской деятельности ученых. Обращаясь к институтам дореволюционного антиковедения, как к внешней форме организации научного пространства, мы открываем возможность лучше понять внутринаучные процессы и тенденции и по-новому взглянуть на традиционные для историографии вопросы истории идей и биографий историков. Другими словами, через институциональную призму мы сможем увидеть особенности функционирования науки, которые не могли бы быть раскрыты через исследование жизни и творчества ученых.

Кроме того, взгляд на антиковедение через институциональную призму позволит нам по-новому увидеть ее эволюцию, с разных сторон оценить степень развитости на определенных исторических этапах, под иным углом рассмотреть вопросы, казавшиеся ранее решенными. По мнению Б.Д. Бакулова, развитие науки и ее состояние не может быть целостно оценено в отрыве от институций⁴.

² Иванчик А.И. Антиковедение в России: проблемы развития в современных условиях // Труды отделения историко-филологических наук РАН. М.: Изд-во «Наука». 2015. С. 229-237; Кармазина О.В. Антиковедение в России, 1834-1917 гг.: По материалам Журнала Министерства народного просвещения. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1999. С. 148-154; Гицевич Е.С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 80-87.

³Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб: СПбГУ. 1999. С. 216.

⁴Бакулов Б.Д. Основные этапы процесса институализации современной науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1. С. 2-7.

Также обращение к указанной проблематике позволяет нам внести вклад в исследование вопросов более высокого порядка. Антиковедение является частным случаем исторической науки, поэтому, исследуя его институциональное устройство, мы не только лучше поймем интересующую нас дисциплину, но, следуя от частного к общему, лучше поймем всю дореволюционную историческую науку, и более того, науку в целом.

Данное исследование, являясь по основной своей направленности историографическим, также затрагивает и вопросы конкретной истории, социологии науки и науковедения, что в свою очередь, расширяет наш взгляд на поставленную проблему.

Степень изученности темы. С момента возникновения историографии как самостоятельной научной дисциплины ее предметная область неоднократно расширялась, включая в себя новые вопросы. На этапе становления историография определяла свою задачу, как исследование истории исторической научной мысли, сосредотачивая внимание на изучении концепций и идей, основных достижений и открытий. Во второй половине XX в. стало очевидно, что для понимания происходящих в науке процессов этого недостаточно. Произошел «антропологический поворот», расширивший проблематику данной дисциплины за счет интереса к самому деятелю науки, как к творцу исторической научной мысли. Зазвучали призывы исследовать «творческую лабораторию ученого»⁵, обратиться к его жизненному пути, рассмотреть его становление в своей профессии, понять, что повлияло на его взгляды. Уже с середины 1970-ых гг. становится очевидно, что и этого недостаточно для воссоздания полной картины. Среди отечественных исследователей стал проявляться интерес к «социальной истории науки»⁶. В то же время делались попытки пересмотра предметной области историографии и включению в ее круг вопросов об организации исторической науки, изучению ее институтов, их становлению и их

⁵ Нечкина М.В. История и историки. Историография истории СССР: сборник статей. М.: Наука, 1965. С. 11

⁶ Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 18.

роли в выработке новых знаний о прошлом⁷. На сегодняшний день историография как историческая дисциплина рассматривается учеными через призму трех взаимосвязанных компонентов – концептуального, антропологического и институционального⁸.

Если история дореволюционной научной мысли в области антиковедения изучена относительно хорошо и жизненный путь наиболее крупных деятелей тоже, то институциональное устройство и то, как оно влияло на развитие самой дисциплины, остается на данный момент исследованным недостаточно. В первую очередь отметим, что на сегодняшний день отсутствуют работы, комплексно рассматривающие указанную проблематику. Во-вторых, существующие в науке труды, так или иначе касающиеся вопросов институционального устройства отечественного антиковедения, предоставляют нам крайне фрагментарную картину, так как рассматривают предмет как бы с разных углов зрения: либо через призму становления отдельных научных центров или институтов, либо через эволюцию самой научной дисциплины, либо через политику государства в области науки и образования в целом, либо в качестве иллюстрации контекста, в котором развивалась научная мысль. Однако ни один из указанных подходов не смог стать интегративной основой для того, чтобы свести все остальные к единому знаменателю, который позволил бы достичь целостной картины.

Безусловно, отдельные институты антиковедения или их элементы попадали в поле зрения отечественных исследователей. Таких работ в нашей науке немного, и поэтому они представляют для данного исследования особую значимость. В их числе мы можем назвать диссертацию и статьи

⁷ Степанский А.Д. К изучению организации исторической науки в дореволюционной России // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1974. Т. 30. Вып. 1. С. 96-103; Он же. Проблемы изучения общественных институтов дореволюционной России // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. М.: МГИАИ, 1983. С. 18-25.

⁸ Груздинская В.С., Метель О.В. Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х - вторая половина 1930-х гг.). Омск: Изд-во «КАН», 2018. С. 4.

А.М. Скворцова⁹. Автором рассматриваются такие вопросы как функционирование института заграничных командировок, оставления при университете с последующей защитой диссертаций и домашние семинары в период 50-70-ых годов XIX века по материалам школы М.С. Куторги. Прделанная им работа представляет собой своего рода фундамент по изучению ряда институтов уже в масштабах всей страны и в более широких хронологических рамках.

В этом же ряду отметим статью В.И. Чеснокова¹⁰, в которой освещается история возникновения специализаций в рамках историко-филологического факультета и создание классического отделения. Данная работа предшествует хронологически рассматриваемой нами проблематике и также выступает в роли отправного пункта при исследовании организации преподавания антиковедческих дисциплин.

Археологическая деятельность и работа по охране памятников Одесского общества истории и древностей была исследована в советское время М.С. Синициным¹¹ и продолжена уже в наши дни А.В. Шаманаевым¹².

⁹ Скворцов А.М. Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 2012. – 244 с; Он же. Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги // // РАХ BRITANNICA: история Британской империи и созданного ею мира. Челябинск. 2016; «Диссертационная культура» историков-антиковедов дореволюционной России // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX - середины XX вв.: опыт и перспективы изучения сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара). Челябинский государственный университет. 2016; Он же. М. С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения Михаила Семёновича Куторги) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12. С. 125-130; Он же. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11.

¹⁰ Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50 – 70-х годах XIX в. // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1993. С. 58-70.

¹¹ Синицин М. С. Развитие археологии в Одессе // ЗОАО. Одесса, 1960. Т. 1(34). С. 7—14.

¹² Шаманаев А.В. Организационные принципы деятельности Одесского общества истории и древностей // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. 2010. № 4. С. 243-254; Он же. Уставы» Одесского общества истории и древностей // Документ. Архив. История. Современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21-22 октября 2010 г. С. 226-230.

Последний расширил область научного интереса к данной организации, исследовав внутреннее устройство общества и его внутреннюю эволюцию. Отдельно отметим работы И.В. Тункиной посвященные ранним этапам развития и становления классической археологии в России¹³.

Ряд общенаучных институтов дореволюционной России в той или иной мере был исследован отечественными учеными, однако в таких работах, как правило, не уделялось сколько-нибудь значительного внимания специфике их работы в отношении антиковедения. Так, институт заграничных командировок впервые серьезно рассматривался в работе Е. В. Соболевой «Организация науки в пореформенной России»¹⁴, в которой были освещены подобные поездки в Европу в 1860-1870-ых гг. и оценено их значение для подготовки будущих научных кадров. Важно, что автор впервые отметила формирование двухступенчатого характера высшего образования в России этого периода. Первая ступень – внутри страны, вторая – за границей. Практически в одно время с Е.В. Соболевой выходит работа Р.Г. Эймонтовой «Русские университеты на грани двух эпох»¹⁵, в которой уделено особое внимание политическому аспекту заграничной учебы русских студентов. В

¹³ Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX вв.). СПб.: Изд-во «Наука». 2002. 676 с; К истории изучения Ольвии в первой трети XIX в. // Археология (Киев). 2001. № 4. С. 35-50; Классическая археология: академики и дилетанты (первая треть XIX в.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук. Мат-лы Междун. конференции (28 июня-4 июля 1999 г.) / СПбНЦ РАН. СПб.: б.и., 1999. Т. 2. С. 245-256; Рисунки находок из античных памятников Восточного Крыма 1820-1821 г. // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции / Гос. Эрмитаж, Гос. музей истории религии, Ин-т истории материальн. культуры РАН. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Ч. 2. С. 333-339; К столетию Первого международного археологического конгресса в Афинах // In situ: К 85-летию профессора А.Д. Стояра. СПб.: изд-во С. Петербургского ун-та, 2006. С. 377-386; Начальные этапы становления русской науки о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Печатный дом, 2009. Вып. 9: 170 лет Одесскому обществу истории и древностей, 50 лет Одесскому археологическому обществу. С. 295-317.

¹⁴ Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л.: Изд-во АН СССР, 1983. – 262 с.

¹⁵ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Изд-во АН СССР, 1985. – 350 с.

2007 г. А.Ю. Трохимовским¹⁶ было проведено диссертационное исследование командировок учащихся и преподавателей Московского университета в период с 1851 по 1881 гг. В своем исследовании автор обобщил достижения предшественников, реконструировав работу и устройство данного института.

Указанные выше работы рассматривали институт заграничных командировок в общенаучном плане. Уже применительно именно к историкам ей занимался А.В. Свешников¹⁷, впервые детально рассмотревший специфику занятий русских студентов-медиевистов. Изменения государственной политики применительно к заграничным командировкам в начале XX века рассматривал в своей статье А.Н. Дмитриев¹⁸. Отметим здесь статьи Н.Н. Зипунниковой¹⁹ и Ю.С. Обидиной²⁰, проясняющих некоторые отдельные аспекты заграничного командирования.

Институт «оставления при университете для подготовки к профессорскому званию» в нашей науке неоднократно привлекал внимание ученых. Среди них Г.У. Матушанский и О.В. Бушман²¹, Н.В. Гришина²², С.А.

¹⁶ Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856 – 1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 2007. – 235 с.

¹⁷ Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX - начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи - СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 849-887.

¹⁸ Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России, и Германии во время Первой мировой войны. СПб, 2007. С. 236-255.

¹⁹ Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской Империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3(24). С. 17-29.

²⁰ Обидина Ю.С. Роль академической мобильности в формировании русской науки об античности в XIX веке // Запад – Восток. 2013. №6. С. 5-11.

²¹ Матушанский Г.У., Бушман О.В. Организационные формы послевузовской подготовки научно-педагогических кадров в дореволюционной России // Казанский педагогический журнал №3. 2005. С.; Матушанский Г.У., Завада Г.В. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. №5. 2008. С. 58-64.

²² Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка. Омск: Изд-во Омского гос. Ун-та. 2014. С. 122-145.

Некрылов и С.Ф. Фоминых²³, Д.А. Хохлова²⁴, А.Н. Якушев²⁵, А.Я. Синицкий²⁶, О.Н. Лаут²⁷, Н.В. Демина²⁸. Стоит отметить, что в ряду указанных авторов никто не рассматривал данный институт с позиций его специфики для антиковедения.

Феномен домашних семинаров дореволюционного периода в нашей науке исследовал уже упомянутый ранее А.В. Свешников²⁹, а также Д.А. Цыганков³⁰, А.В. Антощенко³¹. Все указанные авторы старались дать картину работы этого неформального института с общенаучных позиций, но преимущественно опирались на материалы медиевистов и специалистов

²³ Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 51-65.

²⁴ Хохлова Д.А. История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804-1918). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М. 1998. – 23 с.

²⁵ Казначеев Д.А., Якушев А.Н. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 162-177.

²⁶ Синицкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1950. – 236 с.

²⁷ Лаут О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университете (начало XIX – XX вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Майкоп. 2000. – 21 с.

²⁸ Демина Н.В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. №1. С. 120-126.

²⁹ Свешников А. В., Антощенко А. В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд-во «Высшая школа экономики». 2012. С. 138-159; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. 2010. – 406 с.

³⁰ Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: история. история русской православной церкви. 2014. №4. С. 117-132.

³¹ Антощенко А. В. Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в. // Быть русским по духу и европейцем по образованию. Университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-начала XX в. Ответственный редактор серии А.В. Доронин. - Сер. Россия и Европа. Век за веком. XVIII-XX. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия». 2006. С. 263-278.

отечественной истории. Однако их выводы во многом распространяемы и на домашние семинары антиковедов.

Об университетской структуре в целом и о преподавании на историко-филологических факультетах в нашей науке сказано достаточно много еще с советского времени в работах, Е.А. Косминского и М.К. Корбута, В.П. Бузескула, А.С. Бутягина и Ю.А. Салтанова, Е.А. Ростовцева³², А.И. Аврус³³, А.В. Змеев³⁴. Н.Н. Зипунникова³⁵ рассматривала правовое регулирование работы университетов. С различных позиций рассматривал высшую школу А.Е. Иванов³⁶. Более конкретно преподавание истории исследовали Л.Д. Алексеева, Л.Г. Кислягина³⁷, А.М. Куликова, С.С. Дмитриев³⁸. Наибольшее значение для нашей работы имеет диссертация Г.А. Перковской³⁹, в которой автор рассматривает становление высшего исторического образования в России и его развитие вплоть до начала XX в., анализируется организация учебного процесса, изменение методов преподавания истории и правительственная политика по этому вопросу. Схожую проблематику, но уже предметно, по материалам Московского университета разрабатывал в

³² Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884-1917): Дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. СПб. 2016. – 946 с. (в 2-х томах).

³³ Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М.: Московский общественный научный фонд. 2001. 192 с.

³⁴ Змеев В.А. Высшая школа России на рубеже XIX - XX в. //Социально-гуманитарные знания 2000 № 1. С. 207 – 222; Университетский устав 1884 года. //Социально-политический журнал. 1998. № 6. С. 139 – 153.

³⁵ Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование университетского образования в России в XVIII — первой половине XIX в. Дисс.канд. юрид. наук. – Екатеринбург. 1998. 264 с.

³⁶ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX - начале XX века. М.: Изд-во АН СССР. 1991.392 с; Он же. Дискуссия о проблемах высшего педагогического образования В России на рубеже XIX — нач. XX в.в. //Педагогика. 1999. № 6. С. 83-91.

³⁷ Кислягина Л.С. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785-1803 гг. М.: Изд-во Московского ун-та. 1976. - 198 с.

³⁸ Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60-90-х г.г. XIX в. //Вестник Московского университета. 1954, №7. С. 95-115.

³⁹ Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII - начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь. 2005. – 258 с.

своей диссертации и ряде статей Д.А. Гутнов⁴⁰, Оба исследования имеют важное значение для нашей работы, так как освещают широкий спектр вопросов жизни и работы историко-филологических факультетов.

Академия наук в отечественной историографии стала предметом специального исследования Е.Ю. Басаргиной⁴¹. В своей диссертационной работе и научных статьях ей удалось дать широкое представление об истории и внутреннем устройстве учреждения, представив Академию, как один из главнейших столпов науки дореволюционной России⁴².

Определенных успехов отечественная наука достигла в области изучения научных обществ дореволюционного периода. Впервые они стали предметом исследования в статье А.М. Разгона «Исторические общества в России и СССР»⁴³, опубликованной в «Советской исторической энциклопедии». В рамках данной работы впервые была предпринята попытка раскрыть сущность исследуемого явления, выявить закономерности, дать определение. Однако возможности автора были ограничены форматом энциклопедии. Наиболее значимый вклад в исследование общественных организаций в целом и научных обществ дореволюционной России в

⁴⁰ Гутнов Д.А. Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX - начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1991. С; Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX – начале XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. №1. 1993. С. 57-71; Как преподавали историю на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX – начале XX вв. (по мемуарам преподавателей и слушателей) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 5. С. 59-71.

⁴¹ Императорская академия наук на рубеже XIX - XX веков (Очерки истории). М.: Изд-во «Индрик». 2008. - 656 с.

⁴² Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX-XX вв. М.: Индрик. 2008. – 656 с; Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История». 2004. – 467 с; Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889-1917 гг. Дисс. ... доктор. ист. наук: 07.00.02. СПб. 2009. – 435 с; Международная деятельность Императорской Академии наук в XIX- начале XX в. // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII-XX веках. Исторические очерки / Отв. ред. академ. РАН Ж. И. Алфёров. - СПб., 2003. - С. 300-316; Участие Императорской Академии наук в общественно-политической жизни страны на рубеже XIX-XX вв. // Институционализация отношений государства и науки в истории России / Под общей редакцией Б. И. Козлова. - Вып. 2. М., 2008. С. 18-59.

⁴³ Разгон А.М. Исторические общества в России и СССР // Советская историческая энциклопедия. Т.6. Стб. 548-551.

частности сделал А.Д. Степенский, написавший ряд обобщающих работ, заложивших основу комплексного изучения данной проблематики. Им впервые был предложен взгляд на развитие научных обществ как научных центров с учетом научных, социально-политических и экономических факторов. Несмотря на то, что Степенский проводил свои исследования еще в советское время, актуальность и значимость проведенной им работы сохраняется по настоящее время. Сегодня ни одно исследование данной проблематики не обходится без упоминаний его имени. В разработку данного вопроса значительный вклад был сделан также И.И. Комаровой, опубликовавшей издание «Путеводитель по научным обществам России»⁴⁴ и создавшей на его основе интернет-проект «Справочник научных обществ России». Последний представляет собой попытку собрать в одном месте по возможности наиболее полную информацию по этому вопросу и в режиме обратной связи с пользователями дополнять и дорабатывать имеющийся материал⁴⁵. Для удобства пользования на сайте проекта существует навигация по алфавитному, хронологическому и типологическому признакам. На данный момент Комаровой удалось собрать информацию о 539 научных обществах. О некоторых из них представлена достаточно подробная информация, включающая сведения о членах, заявленных обществом целях, осуществляемой деятельности, список изданий и трудов, о других известно достаточно мало. Проект находится в стадии развития и продолжает по мере возможности создателя пополняться данными, однако работа эта еще далека от завершения. Применительно к целям нашего исследования стоит отметить, что ряд обществ, о которых пойдет речь в данной работе, на сайте проекта не отмечены, в то же время по присутствующим здесь обществам мы имеем возможность не собирать информацию с самого начала, но углублять уже имеющуюся.

⁴⁴ Комарова И.И. Путеводитель по научным обществам России. Тверь: Изд-во «Ross», 2000. – 883 с.

⁴⁵ Комарова И.И. Справочник научных обществ России. URL: <https://www.snor.ru/index.html> (Дата посещения: 28.03.2022)

Наша работа была бы невозможна без опоры на ряд исследований, посвящённых отечественному антиковедению в целом, закономерностям его развития и представителям. Начало работы в этом направлении положил В.П. Бузескул в своем труде «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века»⁴⁶. Автор первым выделил основные направления в отечественном антиковедении и отметил тенденции развития данной научной области во второй половине XIX в. Фундаментальный характер в этом направлении имеет учебное пособие под редакцией В.И. Кузищина «Историография античной истории», где впервые была предпринята попытка вскрыть закономерности развития отечественного антиковедения в связи с развитием европейской науки. Наибольшую значимость для нашего исследования имеет работа Э.Д. Фролова «Русская наука об античности»⁴⁷ и ряд статей этого автора⁴⁸, в которых представлен взгляд на антиковедение дореволюционной России через совмещение антропологической и концептуалистической призм. Автор обрисовал жизненный путь и вклад в науку всех крупных исследователей античности, дополнил ранее выделенные направления в антиковедении, а также сделал общие заключения о состоянии и развитии интересующей нас научной дисциплины в рассматриваемый период. Институциональные вопросы в труде Фролова не исследовались специально, однако, частично затрагивались. Рассматривая жизненный путь того или иного персоналия, автор, так или иначе, затрагивал вопросы работы университетов и Академии наук, давал самые общие оценки качества преподавания античной истории и связанных с ней дисциплин, а также подчеркивал значимость заграничных командировок для становления будущего ученого. В то же время, Фролов практически не упоминал работу

⁴⁶ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. В 2 Ч. Л: Изд-во АН СССР, 1929-1931. – 2 т.

⁴⁷ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999. С. 170.

⁴⁸ Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. №3. С. 143-166; Он же. М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 143-166.

научных обществ, специализированных журналов, моменты, связанные с защитой диссертаций, участие отечественных ученых в международных конгрессах, без рассмотрения которых невозможно представить полную картину институционализации дореволюционного антиковедения.

Значительную роль для нашего исследования представляют труды, позволяющие через призму жизненного пути отдельных ученых проследить функционирование тех или иных научных институтов. В этом ключе мы отметим статьи И.В. Тункиной⁴⁹, П.А. Алипова⁵⁰, В.П. Яйленко⁵¹, Б.Н. Гракова⁵², Л.А. Сыченкова⁵³, Е.А. Смирновой⁵⁴, И.В. Куклина⁵⁵, Н.А. Акиншин и А.И. Немировского⁵⁶, Е.Ю. Басаргиной⁵⁷, В.Ю. Зуева⁵⁸.

⁴⁹ Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: изд-во Дмитрий Буланин. 1999. С.172-282; М.И. Ростовцев на перекрестке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. №4. С. 231-262; Неизданная библиография С.Н. Кондакова по отечественной археологии и истории искусств // «Памятники древнерусской культуры». (Материалы II-й Российской научной конференции 8-10 июня 1994 года, посвященной памяти Святителя Макария). Можайск. 1994. Вып. 2. Ч. 2. С. 73-79; "Дело" академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, Алетей, 2000. Вып. 2. С. 116-161.

⁵⁰ Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. №1. С.28-38.

⁵¹ Яйленко В.П. А.В. Никитский (к 50-летию со дня смерти) // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 175-188.

⁵² Граков Б.Н. Николай Иванович Новосадский (80 лет жизни и 55 лет ученой деятельности) // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 172-173.

⁵³ Сыченкова Л.А. Алексей Максимович Миронов – попытка реабилитации // Гасырлар авазы - Эхо веков: научно-документальный журнал. 2004. №1. С. 75-84.

⁵⁴ Смирнова Е.А. Покровский Михаил Михайлович. URL: <http://www.ras.ru/nappelbaum/d886705d-f2ee-4822-9c8d-71d77629f195.aspx?hidetoc=1> (дата посещения 02.09.2021).

⁵⁵ Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учёными и современниками // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. - СПб.: Дм. Буланин, 2004. - 832 с.

⁵⁶ Акиншин А.Н., Немировский А.И. Михаил Никитич Крашенников – историк литературы и педагог // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 33-47.

⁵⁷ Басаргина Е.Ю. К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына, С.-Петербург, 26-30 нояб. 2008 г. С. 228-231.

⁵⁸ Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман. М.: Изд-во «РОССПЭН». 1997. С. 50-85.

Таким образом, исследование вопросов институционализации науки еще с советских времен признается важным направлением историографии. Работа в этом направлении ведется плодотворно в области медиевистики и других областях исторического знания, но до сих пор не была в должной мере проведена применительно к дореволюционному отечественному антиковедению.

Подводя итог историографического обзора, резюмируем, что вопросы образовательной сферы и подготовки высших научно-педагогических кадров в отечественной науке исследованы достаточно широко. Тем не менее, в таких исследованиях с позиции общенаучного взгляда редко ставилась задача рассмотрения предмета применительно конкретно к антиковедению и раскрытия особенностей работы образовательных институтов именно в вопросах подготовки специалистов по античному миру. В рамках первой главы данного исследования предпринимается попытка восполнения указанного пробела. Вопросы, отнесенные ко второй и третьей главам работы, а именно – специализированные научные журналы по античному миру и научные общества, занимавшиеся его изучением, в отечественной науке практически не исследованы. В частности, журнал «Филологическое обозрение» и Отдел классической филологии ЖМНП никогда ранее не становились предметом интереса ученых. Журнал «Гермес» исследовался недостаточно полно и без отрыва от общего контекста развития антиковедения в дореволюционной России. Также Общество классической филологии и педагогики не исследовалось ранее. Иные общества, о которых идет речь в третьей главе, рассматривались достаточно подробно и в разных аспектах, но не в контексте институционализации науки об античности, что позволяет нам внести вклад в исследование их деятельности в этом направлении. Аналогичным образом, Академия наук неоднократно рассматривалась ранее в общем плане, но мы сделали акцент на работе антиковедов в ее составе. Исторические международные конгрессы специально исследовались достаточно подробно на широком материале

отечественных и зарубежных источников, поэтому применительно к ним сложно добавить что-то новое, но можно выделить составляющую их работы в области античности и классической филологии. Иначе обстоит ситуация с международными конгрессами по классической археологии. Лишь первый из них был рассмотрен в указанной ранее статье И.В. Тункиной, в то время как второй и третий конгрессы остались без внимания в отечественной науке. Таким образом, в данной работе затрагивается широкий круг вопросов ранее не исследованных или исследованных недостаточно подробно, а также уточняются в контексте антиковедения вопросы, ранее разрабатываемые с общенаучных позиций.

Объектом исследования выступает отечественное антиковедение в части его институционального устройства. Под последним понимается система организаций и учреждений, формальных и неформальных практик, призванных обеспечить более эффективное производство научного знания.

Предметом настоящей диссертации является институциональное устройство отечественного дореволюционного антиковедения в конце XIX – начале XX вв., с вниманием к влиянию различных институций на производство научного знания, включающее в себя: историко-филологические факультеты, систему подготовки высших научно-педагогических кадров, заграничные командировки, домашние семинары, научные специализированные журналы, научные общества, академические структуры.

При этом историко-филологические факультеты будут рассматриваться преимущественно на примере Московского и Петербургского университетов с некоторым обращением к материалу провинций, в основном Казани. Такой подход является оправданным ввиду того, что университетский устав 1884 г. унифицировал все университеты, попадающие под его действие в организационном и рабочем отношении.

В то же время, университеты Дерпта, Варшавы и Хельсинки (Александровский) не рассматриваются в рамках данной работы ввиду того,

что условия их работы и организация в значительной мере отличались от остальных университетов России, так как на них не распространялось действие устава 1884 г. Вместо этого каждый из них руководствовался своими собственными уставами, а делопроизводство и образовательный процесс велись на иностранных языках. В свете сказанного, указанные университеты следует считать особенной частью структуры имперского антиковедения и исследовать отдельно.

Также наше решение минимизировать рассмотрение других университетов продиктовано сложностью доступа ввиду современной политической ситуации к источникам Дерптского, Варшавского, Александровского, Новороссийского, Харьковского университетов и университета Святого Владимира, располагавшихся на территории западных губерний Российской империи.

В предметное поле исследования также не включен Петербургский историко-филологический институт. Несмотря на то, что его вклад в подготовку научных кадров антиковедов очевиден – из его стен вышли такие крупные ученые как П.В. Никитин, А.В. Никитский, В.В. Латышев, Н.И. Новосадский. Тем не менее, данный институт имеет весьма специфичный характер, так как предназначался для подготовки преподавателей классических языков, но не историков, что значительно выделяет его из прочей системы образования и подготовки высших научно-педагогических кадров, что также требует специального рассмотрения.

Целью исследования является конструирование процесса институционализации дореволюционного отечественного антиковедения и анализ его влияния на результаты работы научной дисциплины.

Для достижения заявленной цели необходимо решение следующих **задач**:

– выявить параметры институциональной структуры антиковедения в области высшего образования и подготовки высших научно-педагогических кадров;

- раскрыть институционализацию антиковедения в области специализированной научной периодической печати;
- установить элементы институциональной структуры в области научных обществ и иных форм объединения ученых;
- выявить факторы завершенности процесса выделения антиковедения в самостоятельную научную дисциплину с точки зрения институционализации науки;
- определить роль институциональной структуры для развития отечественного антиковедения;
- предположить степень влияния институциональной структуры на результативность научной работы антиковедения.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с конца XIX в. по 1917 г., так как именно относительно этого времени можно утверждать тезис о выделении отечественного дореволюционного антиковедения в самостоятельную научную дисциплину и наблюдать наиболее совершенную форму его развития за весь дореволюционный период. В качестве нижней границы мы обозначаем принятие нового университетского устава в 1884 г., так как данное событие в значительной степени повлияло на организацию высшего образования в России, в том числе и в области подготовки специалистов по античному миру. В то же время, по ряду вопросов необходим выход за нижнюю границу. Так, например, Общество классической филологии и педагогики было создано в 1871 г., а Отдел классической филологии ЖМНП возник в 1874 г. Кроме того, вопрос возникновения специализированных научных журналов по античному миру в отечественной науке ранее не был исследован, и для лучшего понимания состояния таких изданий в интересующий нас период представляется необходимым обратиться к более раннему периоду начала XIX в., когда осуществлялись первые попытки их создания. На наш взгляд такой подход является оправданным ввиду того, что результативность работы института становится очевидна и может быть исследована не в день

его официального учреждения, но лишь с течением времени, когда нормы, заложенные в уставных документах или программе начнут воплощаться в жизнь. При этом основной акцент исследования будет сделан на хронологическом отрезке с 1884 г. по 1917 г.

Верхняя граница хронологических рамок установлена 1917 г. ввиду того, что с начала революционных событий в стране коренным образом меняется институциональное поле. Дореволюционные институты, безусловно, не исчезают в течение одного года, поэтому данная граница является условной, но оказавшись оторванными от политической системы, создавшей их, они оказываются в переходном, трансформационном состоянии, для исследования которого необходимы принципиально иной подход и методология.

Теоретико-методологическая основа исследования. В качестве теории институализации науки в данной работе мы опираемся на концепцию социолога науки И. Жэнгра⁵⁹, согласно которой институализация новой дисциплины, в нашем случае антиковедения, происходит по трем основным аспектам: 1) включение дисциплины в систему образования; 2) появление специализированных периодических научных изданий; 3) возникновение официальных и неформальных сообществ исследователей, занимающихся разработкой вопросов данного направления науки⁶⁰. Согласно идее автора, новая научная дисциплина в полной мере институализируется и может полноценно функционировать при складывании всех трех аспектов. В нашей работе выделенные И. Жэнгра аспекты были трансформированы в основные задачи исследования и разделены по тематическим главам. По нашему мнению, следование таким путем является основанием для того, чтобы претендовать на попытку создания наиболее завершенного взгляда на вопрос институционального устройства антиковедения в дореволюционной России.

⁵⁹ Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд-во «Высшей школы экономики». 2017. С. 111.

⁶⁰ Там же. С. 28-38.

В силу того, что предметная область исследования затрагивает вопросы социологии науки, данное исследование опирается на исторический институционализм. Последний представляет собой относительно новое направление в науке, сформировавшееся в конце 1970-1980-ых гг. на базе неинституционализма в работах Т. Сковполы и Д. Норта. Его отличает введение временного фактора и исторической перспективы, а также внимание к формированию и трансформации институтов в историческом контексте.

В качестве отправных терминологических единиц в работе выступают: институт и институционализация, которые будут рассматриваться через синтез традиционного институционализма и неинституционализма. Первый понимает социальный институт как организацию или учреждение, выступающее субъектом социальных отношений и действий, к которым мы отнесем конкретные учебные заведения, научные общества, периодические издания. Неинституционализм расширяет понятие «социального института», рассматривая его как набор правил, норм, привычек, стереотипов поведения и мышления, регулирующих деятельность человека в разных сферах деятельности, относя сюда официально существующие практики подготовки научно-педагогических кадров в виде «оставления при университете» и заграничных командировок, а также институты неформальные, возникшие в ходе самоорганизации ученой деятельности, как, например, домашние семинары или устоявшиеся на практике, но нигде не зафиксированные в качестве нормативов способы организации маршрутов для командировок или формирования структуры специализированных изданий.

Под элементами институтов мы будем понимать социальные, нормативно-правовые и организационные единицы, составляющие их структуру.

Под институционализацией мы будем понимать процесс формирования новых социальных институтов или трансформацию уже имеющихся в

соответствии с логикой и потребностями развития науки, а также превращение неформальных отношений и неорганизованной деятельности в организационные структуры.

Еще один термин, требующий нашего уточнения, – это «антиковедение». Терминологический словарь по теории и методологии исторической науки предлагает следующее определение: «комплексная научная дисциплина, предметом которой является изучение греко-римской культуры во всех ее проявлениях: языка и письменности, социальной и политической истории, экономики и права, религии и мифологии, литературы и искусства, философии и науки, техники и быта. Кроме собственно истории греко-римского мира антиковедение включает в себя и другие дисциплины: классическую филологию, античную философию, археологию, эпиграфику, папирологию, нумизматику, сфрагистику, историю литературы и искусства, историю права, историографию античной истории»⁶¹. На наш взгляд, перечисление дисциплин, которые включает в свой состав антиковедение, является важнейшим моментом в определении его сущности. В сегодняшних реалиях мы сталкиваемся с тем, что под антиковедением чаще всего подразумевают именно античную историю, в то время как прочие дисциплины, включенные в его состав в приведенном определении, в современной России существуют достаточно обособленно. Связь между ними становится со временем все менее очевидна. Однако для исследуемого нами периода данное определение намного более справедливо. В дореволюционной России, где дифференциация науки еще не достигла такого уровня, который она имеет сегодня, разделение этого ряда дисциплин представляется практически невозможным, особенно античной истории и классической филологии, которые, на наш взгляд, в дореволюционной России выступали синонимами. Поэтому в данной работе мы будем отталкиваться от предложенного определения и ставить знак равенства

⁶¹ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Изд-во «Аквилон». 2014. С. 16.

между понятиями античной истории и классической филологии, равно как и между антиковедом и филологом-классиком. В то же время мы будем проводить различие между учеными, которые занимались изучением греко-римского мира в широком смысле, и теми, кто сосредотачивал свое внимание на вопросах сугубо филологических, то есть занимался исследованием грамматики, семантики, семасиологии, синтаксиса классических языков и т.д., не включая их в число антиковедов, а институты, специализирующиеся почти исключительно на указанных вопросах, не станем включать в число антиковедческих.

Методологическую базу диссертационного исследования составляет общенаучный принцип историзма в трактовке неоклассической модели исторического исследования⁶². В работе используется ряд исторических и специальных историографических методов.

Из числа первых: историко-генетический метод позволяет раскрыть генезис интересующих нас явлений, особенно в части специальной научной периодики и научных обществ, так как вопросы их возникновения в настоящий момент остаются недостаточно исследованными; ретроспективный метод обеспечит возможность оценить рассматриваемые элементы институциализации антиковедения с позиции их развития и устройства в более поздние этапы, в том числе с современной позиции.

Из числа специальных историографических методов⁶³: сравнительно-исторический метод применяется при анализе схожих типологически и функционально явлений, в частности, специализированных по антиковедению научных журналов, издаваемых в рассматриваемый период. Метод позволяет раскрыть различия в целях и задачах создателей этих изданий, выявить различия в подходах к отбору материала и оценить в

⁶² Лубский А.В. Историзма принцип // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Под ред. А.О. Чубарьян. М.: Изд-во «Аквилон». 2014. С. 149-151; Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 75-91.

⁶³ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высш. шк., 1987.– 160 с.

целом, чем отличалась редакционная политика. Аналогично данный метод применяется при рассмотрении научных обществ в области целей и задач, а также основных направлений работы. В этой части исследования он также применим для оценки роли антиковедения в повестке научных обществ не заявленных как специальных по античному миру, но уделяющих большое внимание его исследованию. Системный подход применяется для рассмотрения сложных структур, в составе которых антиковедение представляет собой лишь часть от общего. В частности, речь идет о системе высшего образования. В рамках применения данного метода из общей университетской структуры выделяются те элементы, которые непосредственно относятся к подготовке будущих историков-антиковедов и определяется их место и роль в общем организационном пространстве.

Кроме того, метод реконструкции применяется в работе в историческом и историографическом ключе. В первом случае для воссоздания истории научных сообществ, таких как Общество классической филологии и педагогики, Одесского общества истории и древностей, а также научных журналов, во втором случае, при исследовании историографических фактов, как результатов творческой переработки фактов исследователями.

Источниковая база исследования. При исследовании институтов одной из главных задач и главной сложностью является необходимость установить различия между тем, что заявлялось официально в нормативных документах, уставах, программах и т.д., и тем, что представлял собой институт на практике. Зачастую разница оказывалась достаточно существенной. Следуя этой необходимости, к исследованию каждого из интересующих нас институтов необходимо подойти, с одной стороны, через призму нормативно-правовых и делопроизводственных документов различного уровня, а с другой – через призму источников личного происхождения, передающих живое субъективное восприятие. Кроме того, реальное положение дел позволяет оценить как публицистика, так и историографические работы современников, посвящённые исследуемым

институтам. Таким образом, обращаясь к вопросу классификации используемых в работе источников, мы обозначили четыре группы: 1) нормативно-правовые акты, 2) делопроизводственные документы, 3) источники личного происхождения, 4) публицистика и историографические источники.

К числу первых мы отнесем все многообразие нормативно-правовых документов: 1) два университетских Устава 1863 г. и 1884 г. и идущие за ними следом по значимости распоряжения и постановления Министерства народного просвещения, отражающие различные стороны организации высшего образования, например, постановление, регламентирующее порядок отправки за границу «аспирантов» с целью подготовки к профессорскому званию.

Уже более детально рассмотреть интересующие нас вопросы, связанные с институализацией антиковедения, позволяют источники второй группы, к которым мы отнесли различные делопроизводственные документы, такие как: протоколы заседаний Совета Петербургского университета, переписка различных ведомств, например, внутри Министерства народного просвещения по вопросу устройства в Лейпциге постоянно действующего русского института, или его же с Министерством внутренних дел по вопросу утверждения устава Общества классической филологии и педагогики, оценки ученого комитета по вопросам функционирования тех или иных обществ и решения, принятые в соответствии с ними. Учредительные документы, такие как уставы учебных заведений и научных обществ. Документы по основной деятельности различных организаций: учебные планы и обзоры преподавания демонстрируют нам распределение предметов по специальностям внутри историко-филологического факультета, а отчеты и протоколы заседаний различных научных обществ показывают, чем занимались и каких успехов в своей работе добились те или иные организации. Прочие документы, относящиеся к делопроизводству организаций и государственных органов:

служебные записки, прошения (заявления), переписка, выписки, экспертные оценки.

К группе источников личного происхождения мы отнесем автобиографии, воспоминания, частную переписку. Выделим из них, как наиболее значимые автобиографии Н.П. Анциферова и Ф.Ф. Зелинского, воспоминания ученицы последнего С.Д. Рудневой о своем учителе, а также автонекролог С.А. Жебелева и его воспоминания о студенческих годах, которые выпали на время проведения реформы преподавания на историко-филологическом факультете, в которых автор сообщает уникальные сведения об отношении учащихся и преподавателей к произошедшим изменениям, раскрывают причины отмены новых порядков. Увидеть реальный опыт работы тех или иных институтов позволяет нам и другой источник личного происхождения – переписка. Письма М.И. Ростовцева к его другу С.А. Жебелеву, написанные во время заграничной командировки, раскрывают особенности и детали занятий ученого за рубежом, некоторые вопросы организации таких командировок, содержат сведения о том, чем занимался конкретный деятель во время их прохождения, показывают сложности и проблемы, с которыми он сталкивался. В этой же группе источников можно отметить письма И.И. Толстого к отцу и родственникам, которые содержат хоть и очень фрагментарные, но, тем не менее, бесценные для нас в силу недостаточности иных данных упоминания о домашних занятиях со студентами по чтению Софокла.

К четвертой группе источников мы отнесем публицистику и историографические источники, связанные с анализом интересующих нас институтов, проведенным современниками. Многообразие тем и вариаций публицистических работ, использованных при исследовании весьма велико. В первую очередь отметим некрологи, с оговоркой на то, что рассматриваем их как особый тип публицистики. Для предпринятой нами работы они представляют особое значение. Историография дореволюционного периода интересовалась преимущественно трудами и идеями деятелей науки,

зачастую оставляя за пределами поля своего внимания биографический материал. Однако к нему обращались и приводили в известную упорядоченность при составлении некрологов. Благодаря данному типу источника мы получаем возможность рассмотреть работу тех или иных институтов отечественного антиковедения через призму жизненного и профессионального пути отдельных личностей, наблюдая на их примерах, как в действительности работали эти институты. Более того, некоторые сведения о деятельности известных представителей науки более нигде невозможно почерпнуть, кроме как в этом типе источников. Здесь мы можем отметить некрологи Ф.Ф. Соколова, А.Н. Щукарева, В.К. Ернштедта, Ф.Г. Мищенко, И.В. Помяловского, В.Г. Зубкова, Г.Ф. Шульца, А.В. Адольфа, В.Г. Аппельрота⁶⁴.

Также в качестве примеров публицистики можно привести труды, в которых рассматривались вопросы организации работы отдельных институтов, например, по поводу дискуссии о переустройстве историко-филологических факультетов в конце 1880-ых гг., в которой приняли участие А.И. Георгиевский, М.Н. Катков, М.И. Владиславлев, П.В. Никитин, И.В. Помяловский⁶⁵. Каждый из участников высказывал свое представление о том,

⁶⁴ Латышев В.В. Ф.Ф. Соколов 1841-1909 (некролог) // Известия Императорской Академии наук. 1909. Серия IV. Том 3. Выпуск 14. С. 949-954; Никитин П. В. В. К. Ернштедт [некролог]. Извлечение из протокола заседаний Академии // Известия императорской Академии наук. 1902. Т. 17. № 2. С. 1-6; Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 177-202; Он же. В.К. Ернштедт (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Часть СССXXXIII. С. 778-791; Шестаков С.П. Ф.Г. Мищенко (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть X. 1907. С. 39-74; Холодняк И.И. И.В. Помяловский (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть VI. 1906. С. 20-21; Соболевский С.А. В.Г. Зубков (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Часть ССCLII. 1904. С. 98-107; Бузескул В.П. Г.Ф. Шульц (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XIV. 1908. С. 118-122; Любомудров С.И. Памяти А.В. Адольфа (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть III. С. 199-202; Редакция. Владимир Германович Аппельрот: некролог // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. 91-93.

⁶⁵ Георгиевский А.И. Записка «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 22 с; Владиславлев М.И. Заметки на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 35 с; Никитин П.В. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 14 с;

как должны быть организованы работа и устройство факультетов. Сюда же можно отнести воспоминания ученых о своих командировках⁶⁶, или отчеты, публикуемые в периодических изданиях, или, например, статьи публицистического характера, написанные участниками международных конгрессов, повествующие о том, как проходили такие мероприятия. О своем участии в исторических и археологических конгрессах, состоявшихся до 1917 г., на страницах различных изданий рассказали Ю.А. Кулаковский, П.Н. Ардашев, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, М.М. Хвостов, И.Н. Бороздин, Б.А. Тураев, Б.В. Фармаковский, П.Н. Черняев, А.А. Павловский⁶⁷.

Помяловский И.В. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 14 с; Катков М.Н. Записка М.Н. Каткова представленная им в 1885 году. СПб. 1889. – 22 с;

⁶⁶ Ростовцев М.И. Александрия (путевые заметки) // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381; Кагаров Е.Г. Из заграничных впечатлений // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381.

⁶⁷ Жебелев С.А. Первый международный археологический конгресс в Афинах. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Часть CCCLX. – 27с; Бороздин И.Н. Международный археологический конгресс в Риме // Древности. Труды Московского археологического общества. 1914. Т. 24. С. 275-278; Ростовцев М.И. Третий международный археологический конгресс в Риме // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Новая серия. Часть 41. С. 105-111; Черняев П.Н. Третий международный конгресс классической археологии в Риме. Отчет о заграничной командировке. Варшава: тип. Варшавского уч. окр. 1913. – 37 с; Павловский А.А. Первый международный археологический съезд в Афинах // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. Т. 27. С. 31-39; Фармаковский Б.В. Второй международный конгресс классической археологии в Каире // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Новая серия. Часть XXV. С. 1-25; Тураев Б.А. Второй международный конгресс по классической археологии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 576-582; Хвостов М.М. Международный Исторический конгресс в Берлине 6-12 августа 1908 года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXV. Вып. 5. Казань, 1909. С. 1-25; Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 3. № 13. С. 343-345; Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Новая серия. Часть XVIII. С. 25-36; Кулаковский Ю.А. Международный конгресс исторических наук в Риме // Университетские известия. 1903. № 5. С. 1-21; Ардашев П.Н. Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб.: Сенатская тип. 1913. – 59 с.

Для рассмотрения деятельности научных обществ весьма ценными и в своем роде уникальным историографическим источником являются труды, написанные в юбилейном жанре к какой-либо круглой дате их существования. Как правило, почетную обязанность по написанию подобных работ возлагали на секретаря или библиотекаря общества. Таким образом, автор источника выступал в двойном отношении к рассматриваемому им предмету. С одной стороны, как ученый, пользующийся документами из архива своей организации, официальными отчетами, протоколами заседаний, корреспонденцией, поступающей в ее адрес, и опрашивающий своих коллег по организации. Стоит отметить, что документы, на которые опирались авторы юбилейных работ, зачастую не сохранились, что повышает ценность сведений приводимых в юбилейных работах. С другой стороны, он одновременно являлся непосредственным наблюдателем и активным участником жизни общества и в этом отношении выражал свои субъективные взгляды, впечатления и давал оценки, что придает данному источнику характер многосторонности. В этом отношении мы можем отметить работу А.И. Малеина «Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования», Н.И. Веселовского «История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846-1896» и С.А. Жебелева, посвященного той же организации спустя четверть века «Русское Археологическое общество за третью четверть века его существования 1897-1924. Исторический очерк», М.Г. Попруженко «Императорское Одесское общество истории и древностей (По поводу 75-летия его существования)», и «Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатилетие 1889-1914» авторства Н.И. Кареева⁶⁸.

⁶⁸ Малеин А.И. К истории классической филологии в России. Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования // Филологическое обозрение. 1899. № 17. С. 53-78; Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его

К этой же группе мы отнесем и сами журналы, такие как «Амалтея», «Минерва», «Пропилеи», «Филологическое обозрение», «Гермес», Отдел классической филологии ЖМНП. Они содержат в себе исчисляемые сотнями научные и публицистические статьи, с разных сторон раскрывающие жизнь научного сообщества и работу тех или иных институтов. Но, кроме того, эти издания интересны нам не только отдельными статьями, опубликованными на их страницах, но в рамках данного исследования они сами по себе выступают историческим источником, которые отражает важные для исследования науки аспекты. С этой точки зрения, нам интересны их структура, периодичность, организация выпуска номеров, характер статей, политика по подбору материала, организация работы редакции, состав авторов, различные материалы, публикуемые на страницах издания о самом издании, например, финансовые отчеты редакции.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке была представлена попытка наиболее полного рассмотрения институционального устройства отечественного антиковедения дореволюционной России. Любая работа по воссозданию целостной картины сложного является состоящей из многих элементов и неизбежно столкнется с неравной степенью изученности предметного поля. Одни элементы этой картины уже хорошо исследованы предшественниками, нам остается лишь использовать результаты их трудов, другие исследованы отчасти, но недостаточно хорошо, чтобы быть в таком виде помещёнными в разрабатываемую картину, и требуют уточнений, третьи вовсе не были ранее серьезно рассмотрены наукой, поэтому будут исследованы нами впервые.

существования. 1846-1896. // СПб: Типография Главного Управления Уделов. 1900. 516 с; Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк / Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. 672 с; Попруженко М.Г. Императорское Одесское общество истории и древностей (По поводу 75-летия его существования) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1914. Том СXXXVIII. С. 544-555; Кареев Н.И. Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатилетие 1889-1914 // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 188-200.

Таким образом, наш труд отчасти подразумевает собой обобщение ранее достигнутых наукой выводов, но в то же время предполагает оригинальное исследование тех сторон институционализации антиковедения, которые ранее не были освещены вообще в науке или освещены недостаточно.

Более конкретно мы можем отметить, что в рамках первой главы данной работы была проведена работа по обобщению ранее сделанных в науке выводов касательно высшего образования и подготовки высших научно-педагогических кадров в дореволюционной России, добавлены некоторые уточняющие данные источников, позволяющие конкретизировать существующие выводы применительно к вопросу подготовки специалистов антиковедов, что обеспечило элементы новизны в этой части работы. Аналогичным образом обстоит дело с рассмотрением антиковедения в Академии наук в структуре четвертого параграфа третьей главы диссертации. В рамках второй главы впервые рассмотрены сюжеты происхождения первых специализированных научных периодических изданий по античной истории и классической филологии, а также исторические предпосылки их создания. Проведенное исследование позволяет нам выдвинуть вывод, оппонирующий ранее существовавшим в науке мнениям о появлении первых таких изданий в России. В рамках третьей главы данной работы на материалах широкого круга источников впервые проанализирована деятельность Общества классической филологии и педагогики, по архивным документам реконструирована его история, оценен вклад организации и ее членов в развитие науки об античности. Иные научные общества, рассмотренные в данной работе, ранее разрабатывались в науке недостаточно, что позволило нам добавить новые данные и впервые проанализировать их вклад в развитие отечественного антиковедения. Также в рамках указанной части диссертации впервые исследованы второй и третий международные конгрессы по классической археологии и внесен вклад в уточнение данных об участии российских антиковедов в первом

международном конгрессе по классической археологии за счет подключения новых источников, ранее не применявшихся в науке при его рассмотрении.

Теоретическая значимость. Полученные автором результаты имеют серьезное значение для развития историографических исследований в современной отечественной науке с точки зрения более целостного и углубленного понимания устройства дореволюционного отечественного антиковедения, позволяют под новым углом рассмотреть вопросы концептуальной и антропологической парадигм в изучении данной области науки и создают предпосылки для пересмотра или уточнения некоторых выводов, ранее сделанных в их рамках. В частности, мы можем утверждать значительное влияние институциональной среды на результаты научного творчества ученых и сам процесс производства нового знания, а также уточнить некоторые аспекты жизненных путей деятелей науки обнаруживая их вовлеченность в работу тех или иных институтов, ранее не исследованную.

Научно-практическая значимость диссертации связана с возможностью использования сделанных автором выводов в учебных курсах по истории исторической науки, а также применения их для подготовки учебной литературы и научных трудов по истории отечественной науки конца XIX – первой половины XX в.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Институциональный подход к рассмотрению антиковедения в конце XIX – начале XX в. в научно-образовательном плане позволил в рамках данной работы в новом ключе подтвердить уже существующий в науке вывод о том, что организация преподавания и подготовки высших научно-педагогических кадров специалистов по античной истории представляла собой развитую систему институтов, позволяющую эффективно осуществлять подготовку ученых специалистов по античному миру. Она включала в себя специализированную кафедру классической филологии и ряд кафедр, связанных с изучением античного мира, классическое отделение,

позволяющее студенту сосредоточить свое обучение на выбранной области истории, институты подготовки высших научно-педагогических кадров, «оставление при университете» и командирование за границу.

2. Официальная система высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров антиковедов органично дополнялась неформальным институтом «домашних семинаров», значительно повлиявшим на формирование в России первых научных школ в среде антиковедов и внесшим важный вклад в профессиональное становление ряда крупных ученых, прошедших через него.

3. Первые специализированные и строго научные журналы по антиковедению появились во второй половине XIX в. К их числу мы можем отнести «Филологическое обозрение» и Отдел классической филологии ЖМНП. Данное положение и материал, на котором оно построено, опровергает ранее сделанные в историографии выводы, отводящие эту роль «Вестнику древней истории»⁶⁹ или «Гермесу»⁷⁰.

4. Во второй половине XIX в. одной из черт институализации дореволюционного отечественного антиковедения является обретение своих печатных органов, работающих исключительно в его интересах и отделяющих его от других разделов всеобщей истории. Такое положение дел, безусловно, способствовало развитию антиковедения в России, обеспечивало обмен информацией и научными достижениями внутри сообщества антиковедов, консолидировало их работу и обеспечивало доступ к массиву публикаций как отечественных, так и отчасти зарубежных авторов.

5. Научные общества в дореволюционной России являлись важными элементами организации науки и своей деятельностью во многом способствовали ее развитию. Важнейшая их функция, как показало исследование, заключалась в кооперации и координации работы больших

⁶⁹ Карпюк С.Г. «Вестник древней истории»: начало // ВДИ. 2017. № 3. С. 769-778.

⁷⁰ Абакумов А.А. Антиковедческие журналы в дореволюционной России // Книжная культура Ярославского края – 2013. Сборник статей и материалов. Ярославль: Изд-во «ВНД», 2014. С. 41.

коллективов ученых, благодаря чему оказывалось возможным реализовывать по-настоящему амбициозные проекты. При этом работа научных обществ была тесно связана со специализированными журналами, тем более что некоторые из них (отдел классической филологии ЖМНП и «Филологическое обозрение») являлись официальными печатными органами общества классической филологии и педагогики, другие («Гермес»), не имея такого официального статуса, были прочно связаны с научными обществами благодаря составу их участников и сотрудников самих изданий. Эта взаимосвязь объясняется не только научными причинами и составом участников/сотрудников, но и финансовыми соображениями. Следовательно, в дореволюционной России и научные общества, и специализированные журналы, занимающиеся историей или классической филологией, даже будучи частными по своему характеру, не могли существовать и функционировать полностью самостоятельно в этом отношении, поэтому их эффективная работа и реализация каких-либо крупных проектов оказывались возможными только при государственной поддержке.

6. Участие российских ученых в исторических и археологических международных конгрессах в начале XX в. стало важным элементом развития науки об античности в самой России. Благодаря таким съездам, отечественные антиковеды оказались самым активным образом включенными в расследование новейших научных проблем, участвовали в постановке вопросов о будущем движении науки, имели возможность работать и наладить сотрудничество с крупнейшими европейскими коллегами, а также совершенствовали практические навыки ведения музейного дела и раскопок, обучаясь им у ведущих специалистов тех стран, где такая работа налажена наилучшим образом.

7. Академия наук в конце XIX в. отошла от работы по исследованию античного мира в силу смены научных интересов в сторону византиноведения ее членов по разряду классической филологии и археологии.

Апробация работы. Полученные в ходе исследования результаты:

1. Представлены в качестве докладов на конференциях: «Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи. Международная научно-образовательная конференция». Казань, 18-20 ноября 2021 года; XLVI региональная студенческая научно-практическая конференция «Молодежь третьего тысячелетия». Омск, 4 апреля – 13 мая 2022 г; Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии». Омск, 14-16 октября 2022 г.

2. Опубликованы в качестве статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК: Гицевич Е. С. Влияние классического и духовного среднего образования на развитие антиковедения в дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 127-134; Гицевич Е.С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 80-87; Гицевич Е.С. «Филологическое обозрение». Судьба первого специализированного научного периодического издания по античному миру дореволюционной России // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2023 (в печати).

3. Публикации в других изданиях: Гицевич Е.С. Преподавание античной истории и классических языков в Омской первой мужской гимназии // Архивный вестник. Информационно-методический историко-краеведческий журнал. 2022. № 26-28. С. 179-186; Гицевич Е.С. Заграничные командировки антиковедов: специфика, содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX вв. // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи. Сборник статей и сообщений. Казань: изд-во казанского ун-та. 2022. С. 333-340.

Структура исследования построена на основе проблемного принципа и включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Глава 1. Институализация антиковедения в системе высшего образования в конце XIX – начале XX веков

1.1. Антиковедение в университетской структуре

В рассматриваемый нами период классические университеты являлись одним из важнейших институтов антиковедения в Российской Империи. Здесь, на историко-филологических факультетах, ковались будущие научно-педагогические кадры для отечественной науки под руководством наиболее выдающихся ее представителей с опорой на выработанные в предшествующие периоды академические традиции. В рамках данного исследования мы рассмотрим, как жили и работали историко-филологические факультеты, чему обучали студентов, какие лекционные курсы и практические занятия вели здесь преподаватели-антиковеды. Проследим процесс становления будущего ученого-антиковеда, включающий в себя «оставление при университете для подготовки к профессорскому званию», сдачу испытаний, защиту диссертационного исследования и заграничные командировки. Одним из наиболее важных для нас аспектов станет вопрос о том, какое место занимало преподавание античной истории внутри структуры факультета, а также в какой мере состоялось выделение антиковедения в самостоятельную специальность.

Начнем рассмотрение устройства отечественных университетов в целом и историко-филологических факультетов в частности с краткого обзора того, каким было положение дел накануне принятия университетского Устава 1884 года, чтобы наглядно показать внесенные им изменения, и далее рассмотрим устройство и организацию факультета на протяжении рассматриваемого периода. В этом нам помогут университетские Уставы 1863 и 1884 года, воспоминания современников, нормативные акты Министерства и «Обозрения преподавания» Петербургского, Московского и Казанского университетов.

Последний источник наиболее интересен для нас, так как позволяет наглядно рассмотреть, как жил и работал факультет в части преподавания

наук и подготовки будущих историков. «Обозрения» издавались университетами ежегодно на предстоящий учебный год⁷¹. Изначально их формировал факультет по заявлениям преподавателей о планируемых ими для чтения лекциях и практических занятиях, далее они утверждались Советом и передавались на утверждение в Министерство народного просвещения⁷². Структура «Обозрений» отличалась в разных университетах и в разные периоды, но основная суть документа всегда оставалась неизменной. В разных редакциях «Обозрений» мы можем обнаружить следующие составные части:

1) перечисление преподавательского состава университета, а в некоторых случаях всего личного состава с распределением по должностям и структурным подразделениям;

2) распределение преподавателей по кафедрам с перечислением читаемых ими лекционных курсов и практических занятий;

3) таблица с расписанием занятий по недельным часам и семестрам;

4) с момента восстановления специализации добавлялся раздел, в котором курсы разделялись на обязательные и специальные;

5) пояснительная часть к учебному плану с рекомендациями по его прохождению для студента.

Сохранность источника позволяет нам достаточно подробно рассматривать изменение учебных планов и принципа организации учебного процесса, наблюдать его эволюцию. Например, относительно Петербургского университета «Обозрения» сохранились за весь рассматриваемый период с 1886 по 1917 у.г., за исключением 1893-1894, 1898-1899, 1902-1903, 1908-1909, 1913-1914 у.г. Схожая ситуация наблюдается в Московском и Казанском университетах.

⁷¹ Жарова Е.Ю. Издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как исторический источник по истории высшего образования в дореволюционной России // Историческое обозрение. Вып. 14. 2013. С.68-73.

⁷² Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов [1884] // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1887. Т. IV. № 2404. Пункт 71.

Накануне принятия Устава 1884 г. в Российской империи было восемь университетов. Они управлялись ректором, Правлением, Советом и Собраниями факультетов, одновременно находясь под контролем Министерства народного просвещения и попечителя учебного округа. Структурно они состояли из четырех факультетов, одним из которых являлся историко-филологический. В свою очередь он состоял из 11 кафедр: философии, греческой словесности, римской словесности, сравнительной грамматики индоевропейских языков, истории русского языка и русской литературы, истории всеобщей литературы, славянской филологии, всеобщей истории, русской истории, церковной истории, теории и истории искусств. Устав являлся общим для всех университетов и предписывал соответствующую структуру им всем. Исключением были Дерптский и Варшавский университеты, не попадающие под действие Устава. Также в 1888 г. был открыт Томский университет, однако историко-филологический факультет на нем начал функционировать лишь в 1917 г., поэтому он не попадает в поле нашего рассмотрения.

Руководство факультетом осуществлял декан совместно с Советом факультета. Учебный процесс был организован в соответствии с разделением курсов и практических занятий факультета на отделения или разряды; выбирая один из них, студенты выбирали свою будущую специальность.

Процесс выделения специализаций внутри историко-филологического факультета начал происходить в середине XIX в., многократно обсуждался и был представлен различными проектами, но в итоге к началу 80-ых гг. XIX в. во всех восьми университетах сложилась единая система специализаций. Первые два года учебы студент осваивал так называемые общие предметы, а третий и четвертый годы обучения специальные по одному из трех отделений: историческому, отделению классической филологии и отделению славяно-русской филологии. Однако наполнение учебных программ везде было разным, исходя из возможностей университета и обеспеченности

кадрами⁷³. В рамках данной системы именно на отделении классической филологии учебные программы были ориентированы на углубленное изучение античного мира во всех его проявлениях. Если рассматривать данное отделение через призму современного разделения научных дисциплин, можно сказать, что на нем готовили специалистов по античной истории, классической археологии, классической филологии (в понимании ее как науки, исследующей проблемы латинского и древнегреческого языков), истории античного искусства и философии⁷⁴. Однако в исследуемый период дифференциация исторической науки не имела такой глубины, и все перечисленные дисциплины были объединены в одну, именуемую классической филологией, а выпускники отделения именовались филологами-классиками. Даже в советское время ученые дореволюционной школы продолжали именовать себя именно так⁷⁵.

Университетский Устав 1884 г. принес немало перемен в жизнь и устройство университетов. В рамках данного исследования мы не ставим цель осуществить комплексный обзор и анализ Устава, однако считаем необходимым дать его общую характеристику и сосредоточить внимание на тех его сторонах, которые больше относятся к теме исследования. Уже современники нарекли Устав «реакционным»⁷⁶, и данная оценка получила аргументированное подтверждение в исследовательской литературе⁷⁷.

⁷³ Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50 – 70-х годах XIX в. // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1993. С. 58-70.

⁷⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1880-1881 академического года. №24. СПб., 1881. Заседание 27.04.1881, представления, вопрос №3. С. 74.

⁷⁵ Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 177-179.

⁷⁶ Воропонов В. Ф. На рубеже двух уставов. Воспоминания студента 80-х гг. // Исторический журнал для всех. 1909. № 4. С. 315-334; Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755-1884 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том LXXIX. 1900. С. 328-356; Трубецкой С.Н. Университет и студенчество // Антология русской классической социологии. М.: Изд-во Московского ун-та. 1995. С.51; Милуков П.Н. Очерки истории русской культуры. Ч.2. СПб. 1897. С. 338-339.

⁷⁷ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Университетский вопрос» в 1866-1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. №1. 2014. С. 22-33; Виноградов П.Г. Россия на

Показательно и то, что большинство членов Государственного совета было против принятия разработанного проекта Устава, но Александр III занял сторону меньшинства⁷⁸.

Устав в значительной мере ограничил автономию и самоуправление университета, урезав степень самостоятельности ректора, Правления и Советов в принятии решений, одновременно увеличив бюрократическую зависимость университета от внешнего управления, расширил средства надзора. Теперь очень значительный спектр вопросов, в которых ранее руководство университета принимало самостоятельные решения, стал требовать утверждения министра и попечителя.

Университет, как и прежде, управлялся ректором, Правлением, Советом университета и собраниями факультетов, высшее руководство делами университета было поручено попечителю учебного округа. В его руках оказались все нити управления, ранее распределявшиеся между органами самого университета. Должности ректора и деканов перестали быть выборными. Первого назначал министр, а второго попечитель, что усиливало контрольно-надзорные возможности государства в управлении университетом. Ректор теперь и вовсе становился похож на помощника попечителя, ответственного теперь перед ним и министром, но уже не перед научным сообществом.

Значительно урезался спектр вопросов, по которым Совет мог самостоятельно принимать решения. Теперь большинство решений требовало утверждения министра или попечителя, в том числе утверждение учебных планов и обзоров преподавания, назначение профессоров и приват-доцентов, создание и преобразование кафедр, вознаграждение приват-доцентов, учреждение научных обществ при университетах,

распутье: Историко-публицистические статьи. М.: Изд-во «Территория будущего». 2008. С. 167-178.

⁷⁸ Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII - начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь. 2005. С. 144-145.

утверждение сметы расходов и доходов, решения о присуждении ученых степеней, присуждение ученой степени доктора без испытания, минуя степень магистра, меры по совершенствованию учебно-методической работы.

Утверждения министерства требовали и проекты нормативных актов, издаваемых университетом: правила приема студентов, допуск «посторонних слушателей», инструкция для инспекций над студентами, об обязанностях учащихся, правила поведения в университете, в том числе при проведении испытаний, в библиотеке, в университетской клинике⁷⁹.

Историко-филологический факультет был больше остальных затронут новым Уставом. Во-первых, был изменен состав кафедр. Изначально их по-прежнему оставалось одиннадцать, но кафедры греческой и римской словесности объединены в одну по классической филологии. Кроме того, добавлялась кафедра географии и этнографии, но в 1888 г. она была передана физико-математическому факультету, после чего их количество сократилось до десяти. Такая номенклатура кафедр оказалась устойчивой, не вызвала недовольства профессоров и просуществовала в неизменном виде до 1917 г.

Во-вторых, серьезным изменениям была подвергнута система специализаций, вылившаяся в их временную отмену и переустройство структуры факультета. Еще с 70-ых гг. XIX в. в Министерстве народного просвещения зрело недовольство этой системой⁸⁰. Причиной тому стала тенденция к сокращению числа студентов, выбравших своей специальностью классическую филологию, что сокращало количество кадров учителей древних языков в гимназиях и противоречило новому гимназическому Уставу 1871 г., по которому количество часов на преподавание греческого и

⁷⁹ Зайцева Л.А. Общий устав российских императорских университетов 1884 г. как комплексный акт по управлению высшим образованием // *Lex Russica*. №7. (128). 2017. С. 198-200.

⁸⁰ Зайцева Л.А. Общий устав университетов 1863 г.: предистория, характеристика, значение // *Lex Russica*. №9 (118). 2016 С. 227.

латыни только увеличивалось, а также шло вразрез с общим направлением политики Министерства в области образования в целом.

Одним из разработчиков Устава 1884 г. был член Ученого комитета Министерства А.И. Георгиевский, убежденный сторонник классицизма и необходимости решительного увеличения его роли во всей образовательной сфере. Свое представление о роли и месте среди наук классической филологии он изложил в записке «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов»⁸¹.

По мнению А.И. Георгиевского, филология, преимущественно классическая, являлась центральным звеном всего историко-филологического образования и соответствующих наук, в то время как самим этим наукам отводилась лишь вспомогательная роль: «Из нее, как из общего источника исходят и ею главнейше питаются все отрасли историко-филологического знания»⁸². С.А. Жебелев утверждал, что в представлении Георгиевского классическая филология – «альфа и омега всех гуманитарных дисциплин, в ней залог блага и спасения России»⁸³. А коллега и единомышленник Георгиевского М.Н. Катков в своей записке, направленной на поддержку переустройства факультета, прямо заявлял, что именно деление факультета на отделения погубило его⁸⁴.

В современных исследованиях была предпринята попытка найти в мотивах Георгиевского политическую подоплеку. Бурный рост общественного движения, особенно в студенческой среде, интерес к переосмыслению общественных процессов и политических вопросов побудил авторов Устава предпринять попытку отвлечь студентов от изучения

⁸¹ Георгиевский А.И. Записка «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889.

⁸² Указ. соч. С. 3.

⁸³ Жебелев С.А. Из университетских воспоминаний // *Анналы*. 1922. Т. 2. № 2. С. 169.

⁸⁴ Катков М.Н. Записка М.Н. Каткова представленная им в 1885 году. СПб. 1889. С.1-4.

исторических и философских дисциплин, «утопив» их в толще филологических штудий⁸⁵.

В результате их деятельности одновременно с введением Устава 1884 г. посредством издания ряда нормативных документов, среди которых особое место занимают Экзаменационные требования 1885 г., было проведено переустройство историко-филологических факультетов, в соответствии с которым упразднялись специализации и деление на отделения⁸⁶.

Теперь все студенты факультета должны были стать, в первую очередь, филологами-классиками. Примерный учебный план для историко-филологического факультета устанавливал 18 часов в неделю на занятия, из которых 14 часов отводилось классической филологии (кроме одного 7-го семестра), и только 4 полугодичных часа в неделю оставалось всем остальным предметам, которые были разбиты на две группы по выбору (группа А – словесная и группа Б – историческая). Даже полугодичные зачетные испытания проводились только по предметам классической филологии – для этого сдавались зачетные сочинения.

По задумке Георгиевского, реформа устройства факультета должна была решить целый ряд важнейших проблем: способствовать выходу отечественной науки на новый уровень, повысить качество университетского гуманитарного образования, обеспечить страну высококлассными кадрами для гимназий. Но четырехлетний опыт применения на практике нового учебного Устава привел факультеты в «печальное состояние»⁸⁷ Жебелев с юмором отмечал, что создатели Устава «стремились превратить историко-филологические факультеты в семинарии по древним языкам и тем самым в корне подрезать на них нормальные научные занятия по историческим и словесным – в широком смысле – дисциплинам»⁸⁸.

⁸⁵ Гутнов Д.А. Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX - начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1991. С. 49.

⁸⁶ Гутнова Д.А. С.58.

⁸⁷ Помяловский И.В. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. С. 5.

⁸⁸ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 171.

Реформа факультета вызвала серьезное недовольство студентов и профессорско-преподавательского состава. Первые продемонстрировали свое отношение к переустройству факультета нежеланием учиться в новых реалиях. Так, количество студентов сократилось почти вдвое с 260 до 127⁸⁹. Вот как Герье охарактеризовал непопулярность факультета в новых реалиях: «На этот факультет будут поступать лишь те молодые люди, которые будут чувствовать себя способными в зрелом возрасте подвергаться механической дрессуре в древних языках или же которых нужда в стипендиях заставит приняться за приготовление к учительству как за ремесло. При таких условиях преподавание истории в Университете низойдет на ту ступень знания, которое оно имеет, например, в военных и юнкерских училищах»⁹⁰.

Профессорско-преподавательский состав, в свою очередь, принял «навязанные им законы к сведению, но далеко не к исполнению»⁹¹, а в 1889 г. инициировал дискуссию с чиновниками Министерства. Ректор петербургского университета М.И. Владиславлев⁹², декан историко-филологического факультета И.В. Помяловский и профессор греческой словесности П.В. Никитин⁹³ составили записки, в которых показали несостоятельность аргументов Георгиевского в защиту нового устройства факультета и обрушились с критикой на созданные им порядки.

Помяловский охарактеризовал новый учебный план как «насилование всей науки», преподавание ряда предметов, на его взгляд, было «сведено до низкого уровня», а «историко-филологический факультет утратил свое значение и получил характер 9-го и следующих классов гимназии»⁹⁴. Показательным является тот факт, что выступивший против Георгиевского

⁸⁹ Помяловский И.В. Указ. соч. С. 5.

⁹⁰ Герье В.И. Заметка об университетской программе. Цитировано по: Гутнов Д.А. Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX – начале XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. №1. 1993. С. 57-71.

⁹¹ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 172.

⁹² Владиславлев М.И. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889.

⁹³ Никитин П.В. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889.

⁹⁴ Помяловский И.В. Указ. соч. С. 6.

Помяловский был его близким приятелем, а Никитин – идейным сторонником в приверженности классицизму, о чем указал в своей записке: «...нелегко филологу-классику выступить с возражениями против мыслей, внушенных, очевидно, глубоким уважением к классической филологии и самой настоящей заботой о ее преуспевании. Но ему же, классику, привыкшему читать золотое правило μήδέν ἄγαν [ничего лишнего], более чем кому-либо иному, должно быть свойственно осторожное отношение ко всему, что отзывает преувеличением и крайностью»⁹⁵.

Отток студентов, критика и недовольство профессоров, угроза самоликвидации факультета вынудили Министерство отступить в 1889 г. Специализация на третьем и четвертом курсе была восстановлена⁹⁶. В разных университетах количество отделений, по которым можно было выбрать специализацию, было разным. Так, в Петербургском университете отделений было четыре (классическое, славяно-русской филологии, историческое и романо-германское)⁹⁷, в Казанском университете – три (классическое, славяно-русской филологии и историческое)⁹⁸. В Московском университете, согласно учебному плану 1907 г., планировалось разделение факультета на одиннадцать групп (группа русского языка и словесности, славянской филологии, классической филологии, западноевропейской литературы, сравнительного языковедения, всеобщей истории, русской истории, истории славян, истории церкви, истории искусства и археологии, истории философии)⁹⁹. В «Обзрении преподавания» Московского университета за 1910-1911 у.г. мы видим распределение курсов лишь между девятью

⁹⁵ Никитин П.В. Указ. соч. С.1.

⁹⁶ Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. С. 66-67.

⁹⁷ Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1904-1905 учебный год. СПб. 1904. С. 1-29.

⁹⁸ Обзорение преподавания в Императорском Казанском университете на 1903-1904 учебном году. Казань. 1904. С. 1-29.

⁹⁹ Учебный план историко-филологического факультета Императорского Московского университета на 1907 учебный год. Москва. 1907. С. 1-27.

группами¹⁰⁰, а уже в «Обзрении» за 1915-1916 у.г. мы видим, как на смену групп приходят пять отделений (классическое отделение, славяно-русское, историческое, романо-германское, философское)¹⁰¹.

В «Обзрении преподавания» Петербургского университета за 1891-1892 у.г. таблицы с расписанием предметов наглядно демонстрируют нам, что первые четыре семестра студенты изучают общие предметы, и с пятого по восьмой семестры учебный процесс идет в рамках отделения в соответствии со специализацией по выбранным курсам. И в декабре 1889 г. в Протоколах заседаний Совета Петербургского университета данная перемена в учебном плане также находит отражение. Опубликованные здесь новые «Экзаменные требования, коими должны удовлетворять студенты на испытаниях по историко-филологическому факультету» уже содержат в себе разделение предметов на обязательные и специальные по четырем отделениям.

Таким образом, мы видим, что в разных университетах система специализаций была восстановлена. Она имела свои особенности и несколько отличалась как количеством направлений, так и их содержанием. Для нашего исследования институализации антиковедения важно обратить внимание на то, что отделение или группа, именуемая «классической», существовала в каждом университете. Как и прежде, до инициатив Григорьевского, здесь были объединены все дисциплины, связанные с изучением греко-римского мира при значительном уклоне программы в сторону классических языков. Таким образом, студент не мог сосредоточить свое внимание только на истории или только на языках в зависимости от своих предпочтений, но такое положение дел кажется вполне оправданным, так как серьезное научное исследование античности на тот момент, как,

¹⁰⁰ Обозрение преподавания в Императорском Московском университете на 1910-1911 учебный год. Москва. 1911. С. 1-34.

¹⁰¹ Обозрение преподавания в Императорском Московском университете на 1910-1911 учебный год. Москва. 1911. С. 1-34.

впрочем, и в наше время, является невозможным без способности работать с оригинальными текстами источников.

Каково было содержание учебного процесса студентов-антиковедов, мы можем проанализировать, обратившись к набору курсов и предметов, изучаемых студентами.

Проиллюстрируем набор учебных курсов на примере Петербургского университета в 1899-1900 учебном году: (Приложение 1).

Мы видим, что предмету «Древние авторы», учебный план отводит существенно больше количество занятий для студентов, выбравших классическое отделение. Он представлял собой прохождение целого ряда курсов, читаемых разными преподавателями. Почти каждый год набор этих курсов менялся во всех рассматриваемых университетах в связи со сменой преподавателей или изменением их научных интересов. Содержание подобных курсов, как правило, подразумевало чтение и комментирование под руководством преподавателя тех или иных текстов античных авторов. Здесь студенты-антиковеды получали основные навыки и приемы научной работы с источниками. На примере «Обозрения преподавания» Петербургского университета за 1904-1905 у.г.¹⁰² набор курсов на выбор был следующим:

Ф.Ф. Зелинский – «Трахинянки» Софокла», «Поэты александрийской эпохи»;

М.И. Ростовцев – «Тацит «Historiae»;

И.И. Холодник – «Марциал «Избранные эпиграммы», «Стаций «Избранные Сильвы», «Ars poetica» Горация», «Теренций «Adelphi»;

С.А. Жебелев – «Ахарняне» Аристофана», «Речь Андокида «О мистериях»;

Б.В. Варнаке – «Толкование комедии Плавта «Amphitruo»;

Г.Ф. Церетели – «Медея» Еврипида».

На этом изменения в университетской системе в целом и в организации образовательного процесса не остановились. В 1905 г. под влиянием

¹⁰² Обозрение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1904-1905 учебный год. СПб. 1905. С. 1-29.

студенческих волнений и недовольства преподавателей действующим уставом были приняты «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», вернувшие долгожданную автономию в университеты, по утверждению Ф.Ф. Зелинского «заклучавшие в себе возвращение к принципам устава 1863 года»¹⁰³. Должности ректора и деканов вновь стали выборными, а Советы получили больше самостоятельности в принятии решений¹⁰⁴.

Следом, в 1906 г. приняты «Правила о производстве испытаний в испытательных комиссиях».¹⁰⁵ Данный нормативный документ ознаменовал собой долгожданный и требуемый студентами¹⁰⁶ переход от курсовой системы к предметной, а университеты получали право сами формировать учебные планы¹⁰⁷. Привязка общих (обязательные курсы теперь названы общими) и специальных курсов к семестрам или годам обучения была отменена. Теперь студент сам выбирал, какие курсы и в какой последовательности изучать и, соответственно, когда сдавать по ним зачеты и экзамены, записываясь на них по своему усмотрению, но с обязательным условием, чтобы общее число учебных часов в неделю было не менее 18¹⁰⁸. При этом специализация по отделениям сохранялась. Теперь перед студентами классического отделения открывалась ранее недоступная им возможность самим выстраивать свой учебный план: «С каким радостным

¹⁰³ Зелинский Ф.Ф. Университетский вопрос в 1906 году // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть IV. 1906. С. 111.

¹⁰⁴ Проект главных положений устава университета выработанный Советом Императорского Петербургского университета. СПб. 1905.

¹⁰⁵ Правила о производстве испытаний в испытательных комиссиях (12 июня 1906 г.) // ЖМНП. Новая серия. 1906. Часть IV. С. 71-74.

¹⁰⁶ Покровский М.М. Мысли о реформе университетского учебного строя на основе «предметной» системе // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть II. 1906. С. 1-43.

¹⁰⁷ Жарова Е.Ю. Система обучения в университетах Российской империи: между академической свободой и государственной регламентацией // Genesis: исторические исследования. 2017. № 12. С. 25-34.

¹⁰⁸ Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1906-1907 учебный год. СПб. 1907. С. 1-25; Ивановский И.В. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XII. 1907. С. 1-47.

волнением купил я тоненькую книжку с расписанием занятий. И с тем же чувством ожидания духовных благ покупал ее каждую осень. В ней заключался перечень всех лекций, семинариев и просеминариев. На особой сложенной таблице — расписание дней недели и часов занятий. На ее основе можно было совершенно самостоятельно строить свой годичный план работ»¹⁰⁹. Для желающих посвятить себя изучению античной истории это позволяло включить в свой личный учебный план больше курсов по античной истории или по классической филологии в зависимости от того, чему студент отдавал предпочтение и в каком направлении стремился работать. Однако, как мы увидим далее, наборы специальных предметов выстраивались таким образом, что «пространства для маневра» было не слишком много, будущий антиковед в любом случае должен был значительную часть своей учебы посвятить классической филологии.

В примечаниях прямо указывается, что студенту разрешено записываться на специальные предметы с первого семестра обучения, однако в тексте все же присутствует рекомендация пройти обязательные предметы в первые два года учебы. Следовать ей или нет – оставалось на усмотрение студента. В Казанском и Петербургском университетах курсы и предметы делились на специальные и общие¹¹⁰. В Московском университете система была более разветвленной. Курсы здесь делились на пропедевтические – «восполняющие общее и среднее образование или подготавливающие к специальному изучению», основные – «центральные в группе и к ним примыкающие», дополнительные – «как дополнение и развитие курсов основных»¹¹¹.

¹⁰⁹ Анциферов Н.П. Из дум о былом: воспоминания. М.: Изд-во «Феникс». 1992. С. 157.

¹¹⁰ Обзорение преподавания наук в Императорском Казанском университете на 1911-1912 учебный год. Казань. 1912. С. 1-15.

¹¹¹ Учебный план историко-филологического факультета Императорского Московского университета на 1907 учебный год. Москва. 1907. С. 1-27.

По «Обзору преподавания» Петербургского университета 1906-1907 у. г. мы видим следующую программу обучения для студентов-классиков: (Приложение 2).

Студенты Московского университета учились по такой программе¹¹²: Пропедевтические курсы: «Психология», «Логика», «Обзор философских проблем» (с включением гносеологии в один из указанных курсов), «Введение в языковедение» (обзор физической и духовной стороны явления языка).

Основные курсы: «Греческие авторы» (шесть авторов), «Латинские авторы» (шесть авторов), «Греческая литература», «Римская литература», «История древней философии», «Греческая или латинская эпиграфика», «История Греции и Рима» (два курса), «Государственное право греческое и римское» (два курса), «История античного искусства». Или, вместо последних трех курсов, «История грамматики греческого языка», «История грамматики римского языка», «Сравнительная грамматика индоевропейских языков».

Помимо лекционных курсов студенты историко-филологического факультета обязаны были принимать участие в практических занятиях двух видов: просеминарии и семинарии. Как и лекции, практические занятия были разделены по отделениям в соответствии со специальностями. В учебном плане Московского университета суть их поясняется так: «...просеминарий как начальные практические занятия в избранной области, не требующие предварительного специального изучения», «семинарий как практические занятия для лиц, получивших соответствующую специальную подготовку»¹¹³. При этом требования к ним и условия допуска в течение рассматриваемого периода менялись. Более того, они были различными для разных специальностей. Так, в Петербурге в 1906-1907 у.г. студент для допуска к экзамену должен был иметь зачет по двум просеминариям и двум

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

семинариям. А уже в 1912-1913 у.г. получение зачетов в семинариях становится необязательным, но в то же время количество обязательных просеминариев увеличивается до трех для студентов классического отделения¹¹⁴. В Московском университете учащимся в группе классической филологии было необходимо пройти два семинария.

В рамках практических занятий студенты получали умения и навыки критической работы с источниками под руководством своих наставников: осваивали методы научного исследования, рассматривая факты, добытые из источника, сами выстраивали цепочки рассуждений и приходили к оригинальным выводам, что является совершенно необходимым для будущих самостоятельных научных изысканий историка. В отличие от лекций, ключевым здесь было не получение знаний, а извлечение из источника новых знаний и развитие навыка их извлечения.

Как конкретно будет выстраиваться работа в семинарии, определял сам преподаватель на свое усмотрение. Существовало несколько распространенных вариантов того, как можно было организовать практические занятия для антиковедов¹¹⁵:

- 1) чтение, интерпретация и критический разбор текстов источников;
- 2) написание студентами самостоятельных работ (сочинений, рефератов) по заданным темам с их дальнейшим зачитыванием в семинарии и совместным со студентами разбором;
- 3) упражнения в переводах с разбором ошибок под руководством преподавателя (важный вид занятий для антиковедов и филологов-классиков);
- 4) обсуждение научной литературы.

¹¹⁴ Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1912-1913 учебный год. СПб. 1913. С. 1-38.

¹¹⁵ Антощенко А. В., Свешникова А. В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд-во «Высшей школы экономики» 2012. С. 138-160.

При подготовке будущих антиковедов практические занятия имели важнейшее значение. Здесь упор делался на развитие у студентов навыков перевода с латинского и греческого, а также критического разбора источников. Делать упор именно на эти формы занятий рекомендовало министерство¹¹⁶. Написание и обсуждение сочинений самих студентов среди антиковедов было менее распространенной формой практических занятий.

Для примера рассмотрим воспоминания современников. Н.П. Анциферов о семинарах Ростовцева отзывался с большим восхищением: «Казалось, еще пристальнее всматривался он в ткань Клио, словно перед ним стоял микроскоп. Студенты разбирали египетские папирусы александрийского периода. Каждая ничтожная деталь давала ему материал для превосходных комментариев. Ростовцев воссоздавал быт и борьбу минувших тысячелетий».¹¹⁷

Жебелев в воспоминаниях сообщает нам, что на практических занятиях П.В. Никитский обучал своих студентов критике и интерпретации текстов античных авторов на примере Софокла и Корнелия Непота. А В.В. Латышев, помимо разбора Плутарха и Фукидида, в своих семинариях упражнял студентов в знании языков, заставляя их переводить тексты с русского на греческий. Под руководством И.В. Помяловского студенты разбирали латинские надписи и часто беседовали с преподавателем о научной литературе¹¹⁸.

Ф.Ф. Зелинский в начале преподавательской карьеры делал основной упор на практические занятия. У него было два направления работы:

- 1) критика и интерпретация произведений античных авторов на примере писем Цицерона и «Истории Рима» Ливия;
- 2) упражнения в переводе с русского на латинский отрывков из «Истории» Н.М. Карамзина и «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина.

¹¹⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского с.-Петербургского университета за вторую половину 1885-1886 академического года №34. СПб. 1886. С. 48.

¹¹⁷ Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 161.

¹¹⁸ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 176.

Преподаватель сначала проверял переводы сам, но не исправлял найденные ошибки. Далее он выбирал из числа студентов рецензента, который, в свою очередь, разбирал переводы, отмечая, что такой-то фрагмент переведен так-то в одной работе и так-то в другой, затем выносил свой вердикт об успешности проделанной работы. В завершение Зелинский сам оценивал разбираемый фрагмент и предлагал наиболее точный вариант перевода.

Информацию о содержании семинариев можно встретить в отчетных документах. Например, в отчете Московского университета 1885 г. сообщается о том, чем были заняты студенты. Они «объясняли первую песнь Илиады, преимущественно в отношении языка и метрики» и переводили труды Авла Геллия¹¹⁹.

Министерство народного просвещения в данный период времени, разделяя взгляды профессорско-преподавательского состава о важности семинариев для историко-филологического образования, положительным образом способствовало внедрению семинарской практики в образовательный процесс. По Уставу 1884 г. практические занятия становятся обязательной частью учебной программы. А уже в следующем году Министерство обратило внимание на недостаточность данного вида работы в университетах и потребовало увеличение количества часов, отводимых на него. К проведению семинариев было разрешено привлекать не только профессоров, но и приват-доцентов с назначением им вознаграждений, были выделены дополнительные средства для организации практических занятий на историко-филологических и юридических факультетах в размере 32 400 рублей в год, в университетах создавались особые кабинеты с библиотеками для проведения семинариев¹²⁰.

В рамках нашего исследования важно обратить внимание на то, какие именно практические занятия проходили студенты-антиковеды, записавшиеся на классическое отделение. В Петербургском университете

¹¹⁹ Наши учебные заведения. Московский университет в 1884 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССXXXVIII. 1885. С. 116.

¹²⁰ Перковская Г.А. Указ. соч. С. 184-186.

обязательным для них являлось прохождение трех просеминариев: «Чтение и интерпретация греческого автора», «Чтение и интерпретация римского автора», «Греческая и латинская стилистика».

Кроме того, студенты классического отделения в Петербурге могли дополнительно выбрать для посещения следующие занятия: Ростовцев М.И. – «Папирология»; Жебелев С.А. – просеминарий «Фукидид», семинарий «Павсаний»; Холодняк И.И. – просеминарий «Избранные мысли из Ливия»; Малеин А.И. – просеминарий «Чтение избранных отрывков из Ливия»; Придик Е.М. – «Чтение Ксенофонта»; Митрофанов П.П. – просеминарий «Саллюстий, Заговор Катилины»; Хилинский К.В. – просеминарий по истории древней Греции «Афинские надписи, относящиеся к V веку до Р.Хр.»¹²¹.

В Московском университете студенты-классики в 1910-1911 у. г. должны были обязательно пройти два семинария, и на выбор им предлагались следующие варианты: Новосадский Н.И. – семинарий по греческой филологии: «Объяснение и историко-литературный анализ «Медеи» Еврипида»; Покровский М.М. – семинарий по латинской филологии «Толкование «Формиона» Теренция», «Толкование «Пира Тримальхиона» Петрония»¹²².

Студенты классического отделения Казанского университета в 1911-1912 у. г. проходили два обязательных практических занятия (здесь не было разделения практических занятий на семинарии и просеминарии): Нагуревский Д.И. «Практические занятия по латинскому языку и истории римской литературы», Богородицкий В.А. «Практические занятия по языковедению»¹²³.

¹²¹ Там же.

¹²² Обзор преподавания наук в Императорском Московском университете на 1910-1911 учебный год. Москва. 1911. С. 1-34.

¹²³ Обзор преподавания наук в Императорском Казанском университете на 1911-1912 учебный год. Казань. 1911. С. 1-15.

Мы видим, что практическая работа строилась преимущественно в филологическом русле и, в отличие от лекций, здесь было меньше возможности выбора. Но так будущие антиковеды совершенствовали знание классических языков и приобретали навык работы с античными источниками, с их критикой, что было весьма полезно и даже необходимо.

Устройство системы кафедр и отделений по специальностям, а также рассмотренное нами многообразие преподаваемых курсов и предметов, практических занятий по античной истории указывают нам на серьезный уровень институализации антиковедения в образовательной системе, позволяющий будущему специалисту сосредоточить свою подготовку не только на античном мире в целом, но организовать свой личный учебный план на определенных, более узких и конкретных вопросах античной истории. Данная ситуация значительным образом отличается от положения дел, существовавшего еще в 30-40-ые гг. XIX вв., когда студенты черпали знания об античном мире лишь из общего единого курса всеобщей истории, который зачастую вели профессора, не являющиеся специалистами по Греции и Риму, следовательно их способность преподавать историю данных разделов находилась на ненадлежащем уровне¹²⁴. Институциональные перестановки здесь органично шли рука об руку с улучшением ситуации в кадровом вопросе.

Рассматривая структуру университета и особенности образовательного процесса в рамках классического отделения историко-филологического факультета, мы должны также обратить внимание на его участников: профессорско-преподавательский состав и студентов. Отчеты министра народного просвещения показывают нам, что в 1900, 1901, 1903 и 1904 гг.¹²⁵ ни в одном университете кафедра классической филологии не была

¹²⁴ Бороздин И.Н. Изучение истории древнего мира в 30-40-х гг. XIX в. // Очерки по истории исторической науки в СССР. Под ред. М.Н.Тихомирова. Т 1. М.: Изд-во АН СССР. 1955. С 115.

¹²⁵ Отчеты за прочие годы содержат информацию в целом о количестве вакантных кафедр, но без подробного указания какие именно кафедры пустуют.

вакантной, а кафедра всеобщей истории была вакантна лишь в 1904 г. в Казани¹²⁶. Сравнительно с другими кафедрами, эту ситуацию можно оценить как высокую степень укомплектованности преподавательскими кадрами. К аналогичному выводу об обеспеченности исторической науки кадрами приходит в своей работе О.Н. Лаут¹²⁷, анализируя более подробно Московский университет.

Иначе обстоит дело с количеством студентов-антиковедов. Несмотря на то, что ряды студентов, обучающихся на историко-филологических факультетах, с годами неуклонно пополнялись (885 чел. в 1888 г., 1619 чел. в 1905 г.), относительно других факультетов историко-филологические были самыми малочисленными. Их студентов было менее десяти процентов от общего числа (всего студентов 12321 чел. в 1888 г., 22082 чел. в 1905 г.¹²⁸).

Более того, классическое отделение в воспоминаниях современников предстает перед нами как не самое популярное в сравнении с прочими. Так, негодование Ф.Ф. Зелинского вызывало то, что не более десятка студентов посещали его лекции: «Когда я думал, какой успех имели лекции по философии молодого Александра Ивановича Введенского, лекции по истории России его ровесника Сергея Федоровича Платонова или, наконец, лекции по всеобщей истории их ровесника Форстена, мне становилось стыдно: неужели нельзя разбудить интерес к античности?»¹²⁹ Та же ситуация имела место быть на лекциях и практических занятиях других

¹²⁶ Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1900 г. СПб. 1902. – 699 с; Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1901 г. СПб. 1903. – 641 с; Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1903 г. СПб. 1905. – 731 с; Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1904 г. СПб. 1906. – 726 с.

¹²⁷ Лаут О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX – XX вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Майкоп. 2000. С.15.

¹²⁸ Приложение №5 //Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1904 год. СПб. 1906. С. 8; Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1888-1889 годы. СПб. 1903. С. 8.

¹²⁹ Зелинский Ф.Ф. Автобиография. Пер. с нем. А.И. Рубана, коммент. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2012. С. 119.

преподавателей: «То что и у других моих коллег-классиков – Помяловского, Никитина, Ернштедта – дело обстояло точно таким образом, утешало не слишком»¹³⁰. Вспоминая лекции К.Я. Люгебиля, Жебелев говорит о 5-6 студентах на самом первом занятии и двух (включая его самого) под конец курса¹³¹.

Рассмотренный нами материал позволяет заключить, что сохранение и развитие специализаций являлось главным вектором эволюции системы организации преподавания в рамках историко-филологического факультета. Начиная с восстановления и признания важности специализаций со стороны Министерства, мы наблюдаем постоянное развитие системы в сторону углубления специализации. Количество общих или обязательных курсов значительно уменьшилось после 1906 г. при одновременном увеличении курсов специальных, что должно было концентрировать образовательный процесс в рамках выбранного студентом отделения (или группы в Московском университете). Результатом этого становилась возможность учащихся сосредотачиваться на избранных ими разделах науки и глубже погружаться в них.

Рассмотрев структуру образовательной системы университетов во второй половине XIX – начале XX вв., мы можем утверждать, что возникновение кафедр греческой словесности и римской словесности, а позже их объединение в кафедру классической филологии и создание классического отделения для специализации студентов является важным шагом в процессе институализации отечественного антиковедения. Благодаря их созданию антиковедение и классическая филология получили обособленное положение по отношению к прочим историческим дисциплинам и определенную степень самостоятельности в разработке вопросов, связанных с содержанием и наполнением учебного процесса в тех рамках, которые устанавливались нормативами. Теперь только сами

¹³⁰ Там же. С. 119.

¹³¹ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 174.

филологи-классики выступали экспертами по вопросу о том, каким образом, через прохождение каких именно предметов и практических занятий, через изучение какого именно материала должна осуществляться подготовка специалиста по истории античного мира. Если ранее антиковедение в учебном процессе составляло лишь набор курсов наравне с прочими историческими дисциплинам, а в период торжества инициатив Григорьевского и вовсе лишь «придаток» классической филологии, то теперь это отдельные учебные планы, собственный набор курсов и предметов, практических занятий на избранные темы, соответствующие специальности требования для сдачи выпускных экзаменов, коллектив профессоров и приват-доцентов, объединённых общим направлением научных интересов вокруг одной кафедры, а также студенты, имеющие возможность сосредоточить свои силы, время и внимание на более глубоком, нежели ранее, изучении выбранного раздела истории.

Однако в рассматриваемый период процесс институционализации антиковедения в рамках системы университетского высшего образования был еще далек от завершения, что отражается структурой кафедр. В то время как кафедра всеобщей истории существовала отдельно от кафедры романо-германской филологии, кафедра русской истории отдельно от кафедры отечественной филологии и кафедры славянской филологии, античная история по-прежнему продолжала сосуществовать в рамках одной кафедры с классической филологией. Содержание «Обзрений преподавания» позволяет нам заключить, что курсы филологической направленности, например, такие, как «Древние авторы», «Латинская и греческая историческая грамматика», «Практические занятия по древним языкам» имели больше часов, чем курсы конкретно-исторические, даже после отмены инициатив Григорьевского.

Система специализаций, вновь созданная в 1889 г. и эволюционирующая на протяжении рассматриваемого периода, также не произвела четкого водораздела между филологией и античной историей.

Вместо этого она дублировала идентичную проблему отсутствия четкого дисциплинарного разграничения между антиковедением и классической филологией.

Причина этого кроется, на наш взгляд, в представлении отечественных ученых о месте античной истории среди наук. В Европе, особенно в Германии, процесс выделения античной истории из лона классической филологии произошел в начале XIX в.¹³², что нашло отражение в устройстве германских университетов и оценках корифеев европейской науки, таких как Белох, Виламовиц-Меллендорф, Мейер, Нибур, высказывавшихся в своих трудах о том, что изучением античного мира должны заниматься именно историки, но не филологи, а попытки сведения этих наук вместе не могут быть плодотворны и дать необходимого результата¹³³. В России рефлексия на эту тему началась еще в 50-ые гг. XIX в. Т.Н. Грановский высказывался о том, что «история... должна выступить из круга наук филолого-юридических, в котором она так долго была заключена, на обширное поприще естественных наук»¹³⁴. Он полагал, что истории пора разнообразить свой арсенал методами естественных и общественных наук, опираться в своих исследованиях не только на текст, но и на археологические, нумизматические, географические, этнографические материалы и, таким образом, отойти от филологии, оставив ей вопросы грамматического характера. С практической точки зрения этому призыву последовали многие исследователи, что нашло отражение в их трудах, но представление о месте античной истории среди наук осталось неизменным. По-прежнему господствовало представление о единстве историко-филологической науки и

¹³² Кармазина О.В. Антиковедение в России, 1834-1917 гг.: По материалам Журнала Министерства народного просвещения. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1999. С. 11.

¹³³ Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб: Изд-во «Коло». 2005. С. 642-646.

принципиальной невозможности ее разделения, на чем настаивали ведущие отечественные ученые рассматриваемого периода¹³⁵.

Таким образом, институциональное устройство университетов и построение учебного процесса по классическим отделениям (группам) соответствовало сложившемуся в дореволюционной России конца XIX – начала XX вв. представлению о том, чем является классическая филология, и как она соотносится с историей античного мира.

¹³⁵ Зелинский Ф. Ф. Филология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том Т. XXXVa. Фенолы – Финляндия. СПб: Изд-во «Семеновская Типолитография». 1902. С. 811–816.

1.2. Домашние семинары в дореволюционном антиковедении

Во второй половине XIX – начале XX вв. практические занятия в семинариях являлись неотъемлемой и важной частью исторического образования в целом и занимали не менее важное место в подготовке антиковедов. В рассматриваемый нами период существовали две институционально различные формы таких занятий – университетские и домашние.

Об университетских семинариях было сказано несколько слов в предыдущем параграфе и более детально они рассматриваться здесь не будут. Данный раздел будет посвящён домашним семинарам и нам кажется необходимым уточнить, почему мы рассматриваем домашние семинары отдельно и посвящаем им значительное место в данной работе.

Домашние семинары являются уникальной институциональной формой и значительно отличаются от занятий в стенах университета, что обуславливается их неформальным статусом и самоорганизационным происхождением. Если университетские семинарии, были закреплены и регламентировались Уставом 1884 г. и прочими нормативными документами, они были внесены в учебный план, а их тематика и содержание утверждались руководством университета и Министерством народного просвещения, то домашние семинары не регламентировались нормативами, их возникновение зависело не от государства или университета, а от инициативы того или иного преподавателя и учеников, готовых их посещать. Организатор определял тематику занятий, форму их проведения, методы, которыми он будет пользоваться при обучении, состав обучающихся.

Некоторые профессора, такие как Куторга, приглашали лишь избранных, строго отсеивая студентов по уровню знания древних языков и способностям к научной деятельности, другие же приглашали всех

желающих¹³⁶. Таким образом, на наш взгляд, домашние семинары могут рассматриваться как самостоятельный неформальный институт по подготовке будущих ученых, в том числе антиковедов, и заслуживают отдельного разбора.

В нашей науке о домашних семинарах писали А.В. Свешников¹³⁷, Д.А. Цыганков¹³⁸, А.В. Антощенко¹³⁹. Эти авторы рассмотрели семинары по материалам преимущественно медиевистики и сделали ряд важных выводов об их значимости для становления будущих ученых. В исследованиях был отмечен школообразующий характер домашних семинаров.

В данной работе мы считаем целесообразным проанализировать домашние семинары именно по материалам антиковедческого направления исторической науки и рассмотреть вопрос о том, насколько применимы выводы, сделанные указанными исследователями, по материалам медиевистики к антиковедению. Относительно антиковедения работу в этом направлении проводил А.М. Скворцов, исследовавший зарождение домашних семинаров в Российской Империи по материалам «Вечерних бесед» Куторги¹⁴⁰, однако развитие этой практики в более поздние периоды им не рассматривалось.

¹³⁶ Скворцов А.М. Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги // // PAX BRITANNICA: история Британской империи и созданного ею мира. Челябинск. 2016. С. 173.

¹³⁷ Свешникова А. В., Антощенко А. В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд-во «Высшая школа экономики». 2012. С. 138-159; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. 2010. – 406 с.

¹³⁸ Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: история. история русской православной церкви. 2014. №4. С. 117-132.

¹³⁹ Антощенко А. В. Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в. // Быть русским по духу и европейцем по образованию. Университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-начала XX в. Ответственный редактор серии А.В. Доронин. - Сер. Россия и Европа. Век за веком. XVIII-XX. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия». 2006. С. 263-278.

¹⁴⁰ Скворцов А.М. Указ соч. С. 168-182.

Домашние семинары в дореволюционной России были первой формой практических занятий историков и предшествовали появлению семинаров университетских. Возникновение данной практики в России исследователи единогласно связывают с М.С. Куторгой, однако дискуссионным является датировка ее появления. Согласно устоявшейся в науке точки зрения¹⁴¹, Куторга начал проводить свои домашние семинары, именуемые «вечерними беседами», в конце 40-ых гг. XIX вв. Однако А.М. Скворцов указывает на первые «пробы пера» в 1839 г., а с 1842 г., по его мнению, занятия приобретают систематический характер¹⁴². Важно отметить, что своим возникновением в России домашние семинары обязаны заграничным командировкам наших ученых в Германию, о чем пойдет речь в другом параграфе.

Уже в середине XIX в. «вечерние беседы» Куторги приобретают определённую славу и известность в научных кругах историков. Прошедшие через них ученики отмечают значимость этих занятий для своего профессионального становления, а некоторые продолжают данную практику в своей работе. Из учеников Куторги свои домашние семинары стали вести Ф.Ф. Соколов и византист В.Г. Васильевский¹⁴³, развивая эту традицию дальше. В рассматриваемый нами период второй половины XIX – начала XX вв. домашние семинары стали относительно распространенным видом занятий среди историков. Из числа антиковедов их организовывали Ф.Ф. Соколов¹⁴⁴, Ф.Ф. Зелинский¹⁴⁵, В.К. Ернштедт¹⁴⁶, С.А. Жебелев¹⁴⁷, И.И.

¹⁴¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999. С. 170.

¹⁴² Скворцов А.М. Указ. соч. С. 169-171.

¹⁴³ Цыганков Д.А. Указ. соч. С. 128.

¹⁴⁴ Жебелев С.А. Федор Федорович Соколов (1841-1909) // URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003757812?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 3.06.2021).

¹⁴⁵ Зелинский Ф.Ф. Автобиография. Пер. с нем. А.И. Рубана, коммент. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. IV. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2012. С. 130-131.

¹⁴⁶ Жебелев С.А. В.К. Ернштедт (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Часть СССХХХХIII. С. 789.

¹⁴⁷ Скворцов А.М. «Диссертационная культура» историков-антиковедов дореволюционной России // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX -

Толстой¹⁴⁸. Такая тенденция была отчасти связана с осознанием важности домашних занятий, отчасти с изменением учебных планов университетов.

В конце 1850 – начале 1860-ых гг. в научных кругах возникает и набирает обороты дискуссия о методах преподавания истории студентам. Среди значительной части профессоров зрело недовольство лекционной формой проведения занятий как способом пассивной передачи знаний. Учащиеся при этом воспринимали информацию некритично. С точки зрения подготовки будущих научно-педагогических кадров отмечалась важность и необходимость привлечения студентов к самостоятельной научно-исследовательской деятельности посредством написания рефератов и сочинений для получения медалей. Также в ходе лекций невозможно было приобщить студентов к работе с первоисточниками.

Ответом на данную дискуссию стало закрепление в учебном процессе практических занятий Уставом 1884 г. Но их широкое внедрение в учебный план не привело к забвению практики домашних семинаров. Исследователи отмечают, что многие студенты не понимали назначения таких занятий и считали требования к их прохождению завышенными, вследствие чего относились к подготовке с определенной долей формализма и не проявляли активности во время занятий. Некоторые студенты и вовсе относились к семинариям негативно по политическим соображениям, видя в семинариях насаждаемое министерством средство контроля за успеваемостью учеников. Таким образом, имела место рутинизация университетских семинариев, занятия все больше были ориентированы на среднего по уровню знаний и языковой подготовке студента, не планировавшего посвятить себя науке. В

середины XX вв.: опыт и перспективы изучения сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара). Челябинский государственный университет. 2016. С. 72.

¹⁴⁸ Ананьич Б.В., Толстая Л.И. Петербургский университет в январе-феврале 1911 г. (Власть и профессура) [Переписка приват-доцента И.И. Толстого (1880-1954) со своим отцом И.И. Толстым (1858-1916) и сестрой Л.И. Толстой (1882-1948), 1911]. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. — СПб.: Издательство «Нестор-История». 2007. С. 102-104. Письмо от 3.02.1911, письмо от 5.02.1911.

то же время некоторые профессора оставались заинтересованными в проведении дополнительных занятий сверх учебного плана для тех студентов, которые хотели изучать предмет более глубоко, развивая навыки исследовательской работы с источниками и новейшей литературой, чтобы затем попробовать себя в написании первых научных работ. В результате практика домашних семинариев сохранилась и продолжила существовать наравне с занятиями университетскими¹⁴⁹.

Полагаем, что будет справедливым распространить этот вывод и на антиковедение. В своей автобиографии Ф.Ф. Зелинский вспоминает: «Среди моих старост был некий Леонид Семенов... Однажды я спросил его, не найдутся ли среди его товарищей желающие составить кружок для совместного чтения античных авторов. Он предположил, что при нынешнем настроении это едва ли возможно, но обещал попробовать... Семенов вскоре сообщил мне, что, к его удивлению, идея нашла отклик»¹⁵⁰. Стоит подчеркнуть, что интерес студентов к таким занятиям был лишен корыстного умысла в надежде на получение более высокой оценки на экзамене профессора, ведь было хорошо известно, что к своим ученикам Зелинский относится более строго и требовательно. Сам он не без доли юмора вспоминает, как одного из его студентов кто-то со стороны спросил, повлияет ли посещение домашних семинаров на экзаменационную оценку, и получил такой ответ: «Конечно, у Вас будет больше шансов получить «неуд» у профессора Зелинского»¹⁵¹.

Наиболее детально можно узнать о том, как проходили домашние семинары, в обширном некрологе Соколова, написанном Жебелевым, который рассказал о занятиях со своим учителем. На их примере мы рассмотрим, как проходили домашние семинары антиковедов в данный период времени, дополняя их менее богатыми, но также важными сведениями о домашних семинарах других профессоров-антиковедов.

¹⁴⁹ Антощенко А. В. Указ. соч. С. 275-276; Цыганков Д.А. Указ. соч. С. 125.

¹⁵⁰ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 130-131.

¹⁵¹ Там же.

Соколов проводил домашние семинары с конца 70-ых г. вплоть до 1909 г., то есть последнего года своей жизни. Столь продолжительный период жизни ученый посвятил безвозмездной заботе о формировании молодых ученых, жертвуя личным временем, которое могло быть посвящено и собственным научным изысканиям (Соколов за длительное время научно-преподавательской деятельности так и не защитил докторскую диссертацию). Это указывает на большую значимость подобных занятий в подготовке нового научного поколения, в первую очередь, в глазах самого учителя. Жебелев подчеркивает, что эта сторона работы Соколова получила высокую оценку даже среди тех, кто не относился к нему с сочувствием¹⁵².

Встречи с учениками происходили по пятницам после занятий. Обычно они начинались в 7 часов вечера и могли продолжаться неопределенно долго. По воспоминаниям Жебелева, ученики могли засиживаться у Соколова за полночь, однако в последние годы жизни он ограничил время встреч со студентами до двух часов, что произошло, по предположению автора нашего источника, из-за возраста Соколова и состояния его здоровья.

Что касается состава участников, здесь мы вынуждены не согласиться с Э.Д. Фроловым, утверждавшим, что Соколов работал лишь с избранными учениками подобно Куторге, приглашавшему к себе на «вечерние беседы» лишь выдающихся студентов¹⁵³. Жебелев не упоминает о каком-либо цензе при отборе, вероятно, потому что его не было. Соколов был рад делиться знаниями со всеми, желающими изучать греческую историю по первоисточникам, чтобы углубить свои знания. Количество же их было небольшим, однако достаточным, чтобы Соколов продолжал с полной отдачей посвящать себя этим занятиям. В течение тех двух или трех лет¹⁵⁴,

¹⁵² Жебелев С.А. Федор Федорович Соколов (1841-1909). С. 47. // URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003757812?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 3.06.2021).

¹⁵³ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 192-193.

¹⁵⁴ В разных работах Жебелев указывает разное количество лет, на протяжении которых он посещал домашние семинары Соколова. Жебелев С.А. Указ. соч. С. 47; Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922. Т. 2. № 2. С. 182.

которые Жебелев посещал домашние семинары, количество участников постоянно менялось, но не превышало восьми, а постоянных посетителей всегда было два-три. На это влияла сложность материала и большой объем работы, которые отпугивали одних, но расплывали интерес и энтузиазм в других¹⁵⁵. Вероятно, таким «естественным» образом в процессе работы на семинарах и происходил отсев учеников, не подходящих для подобных занятий.

На встречах у Соколова читали и комментировали оригинальные тексты греческих надписей. В качестве материалов использовались надписи из сборника «*Sylloge inscriptionum Graecarum*» В. Диттенбергера или иных сборников, а также те, которые были недавно обнаружены и опубликованы в научных журналах или записках археологических обществ.

Все участники домашнего семинара по очереди переводили одну или несколько надписей разом, если они оказывались маленькими. Перевод требовался точный и буквальный, а допускаемые ошибки исправлялись и обсуждались. После прочтения надпись комментировалась иногда самим Соколовым, а иногда учениками: «Дело велось не спеша, никакая деталь, как бы она ни была незначительна, не оставалась без всестороннего разъяснения... Одно объяснение принималось, другое критиковалось, третье – если оно было уже совсем неудачным – добродушно высмеивалось»¹⁵⁶. Таким образом, учащиеся приобретали навыки критического анализа первоисточников и практиковались в самостоятельном извлечении из них знаний о прошлом. Разбирались при этом и объяснения самого Диттенбергера, чтобы студенты учились не доверять никакому авторитету и подвергать сомнению любую точку зрения. Но самое главное заключалось в обретении учащимися твердой убежденности в необходимости строго научного исследования древней истории. В ходе объяснений Соколов часто делал экскурсы в историю вопроса, к которому относилась исследуемая

¹⁵⁵ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁵⁶ Там же.

надпись, и зачастую достаточно обширные, напоминавшие собой целые лекции¹⁵⁷.

В результате своей педагогической деятельности Соколов взрастил целую плеяду успешных ученых (В.К. Ернштедт, В.В. Латышев, С.А. Жебелев, А.В. Никитский, Н.И. Новосадский, Д.Н. Корольков, С.А. Селиванов, Р.Х. Лепер, В.В. Варнеке, А.Н. Щукарев, И.И. Толстой). Некоторые из них в дальнейшем ушли от изучения античной истории к другим разделам науки. Соколов не навязывал ученикам свои научные интересы и выступал за свободу выбора тем научных изысканий¹⁵⁸. Однако и те, кто затем выбрал предметом своих научных интересов другие направления, отмечали великий вклад этих занятий в свое становление. Те же, кто остался предан исследованию античности, по мнению современных историографов, образовали собой целое направление в антиковедении, именуемое историко-филологическим¹⁵⁹, а самого профессора считали «отцом русской эпиграфики»¹⁶⁰.

Безусловно, ключевую роль в этом играли домашние семинары, где в ходе совместной работы наиболее тесным образом формировались связи ученика и учителя. Так, А.Н. Щукарев отмечал в предисловии своей диссертации, что ее тема родилась на одной из таких встреч: «Глубокую благодарность считаю своим долго выразить здесь моему многоуважаемому учителю Ф.Ф. Соколову, на вечерних беседах которого родилась первая мысль настоящей работы»¹⁶¹. Другой выдающийся ученый, В.К. Ернштедт, утверждал, что к работе с эпиграфикой, которой он посвятил большую часть своей научной деятельности, его подготовил именно Соколов, и называл

¹⁵⁷ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 197.

¹⁶⁰ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия)//Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. - СПб.: Дм. Буланин. 1999. С. 177.

¹⁶¹ Щукарев А.Н. Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р.Х. (300-265 гг. до Р.Х.). СПб. 1889.С. 1.

последнего своим главным руководителем¹⁶². Сам Жебелев в заключении некролога говорит о существовании «соколовской школы» как о бесспорно сложившемся факте¹⁶³, и в воспоминаниях об университетской жизни причисляет себя к ней¹⁶⁴. Таким образом, мы полагаем возможным утверждать, что домашние семинары в антиковедении конца XIX – начала XX в. играли роль школообразующей практики.

Несмотря на то, что Соколов во время написания своей диссертации числился учеником М.С. Куторги, происхождение его домашних семинаров от «вечерних бесед» учителя не является очевидным. Во время учебы Соколова в университете, его будущий наставник практически все время отсутствовал. В 1859 г. Куторга совершил путешествие с научной целью в Грецию, Малую Азию и Египет и, вернувшись в 1861 г., вскоре вновь отправился в те же страны для продолжения своей работы¹⁶⁵. Вероятно, аналогично своему учителю, подобную методику обучения Соколов почерпнул во время пребывания в Германии.

Помимо соколовских семинаров, мы также располагаем некоторыми сведениями о домашних семинарах Зелинского и Толстого. Зелинский начал проводить свои домашние семинары с 1901 г. и прекратил их, судя по всему, только в 1917 г¹⁶⁶. В его автобиографии мы также не находим упоминаний о каких-либо ограничениях при наборе участников. Напротив, очевидно, в них принимали участие все желающие и не только студенты университета. «Слава о кружке распространилась за пределы университета»¹⁶⁷. Вскоре в составе участников оказались некоторые ученицы Высших женских

¹⁶² Никитин П. В. В. К. Ернштедт [некролог]. Извлечение из протокола заседаний Академии // Известия императорской Академии наук. 1902. Т. 17. № 2. С. 2.

¹⁶³ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 50.

¹⁶⁴ Жебелев С.А. Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922. Т. 2. № 2. С. 182. С. 178.

¹⁶⁵ Жебелев С.А. Федор Федорович Соколов (1841-1909). С. 5.

¹⁶⁶ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 130.

¹⁶⁷ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 131.

курсов¹⁶⁸. Встречи проходили по воскресеньям с одиннадцати до часу полудни. Численность таких собраний у Зелинского мы не можем определить, однако в период наименьшей их популярности в 1911-1912 гг., когда сам профессор оказался в опале общественного мнения, он вспоминает, что численность просителей домашних семинаров снизилась до пяти, и тогда он всерьез задумался о прекращении таких занятий. Однако ученики отговорили профессора от такого радикального решения¹⁶⁹. Следовательно, в лучшее время участников было существенно больше. Основная тематика работы семинара заключалась в чтении античных авторов, преимущественно связанных с театром и греческой мифологией¹⁷⁰.

О домашних семинарах И.И. Толстого нам удастся узнать значительно меньше. В письме отцу от 3 февраля 1911 г. И.И. Толстой упоминает о том, что у него дома, как обычно, собралась компания «классиков» для чтения Эсхила. Однако во время данной встречи больше обсуждали вопросы работы университета в условиях студенческих волнений. Судя по тому, как откровенно высказывались здесь студенты, Толстой проводил свои домашние семинары в достаточно свободном и открытом формате, был не против делать отступления от самой темы и пускаться в обсуждение злободневных вопросов, а также позволял открыто высказываться участникам. Встречи происходили по пятницам в 4 часа. Полное количество участников установить из письма не представляется возможным, однако сам автор упоминает троих: С.С. Лукьянов, С.В. Казанский (или Б.В. Казанский) и А.В. Гриневич. Двое из упомянутых дальнейшем стали учеными, один из них антиковедом, что указывает на «сильный» состав учеников, однако мы не можем наверняка утверждать, что Толстой приглашал на свои занятия

¹⁶⁸ Воспоминания счастливого человека: Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения "Гептахор" в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Главное архивное управление города Москвы; [авт-сост. А. А. Кац]. - Москва: Изд-во Главархива Москвы: ГИС. 2007. С. 129; 144.

¹⁶⁹ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 154.

¹⁷⁰ Кащеев В.И. Инновационные подходы к развитию личности. Часть 2: Серия монографий. Одесса: Изд-во «Куприенко СВ». 2019. С.66.

лишь избранных¹⁷¹. В другом письме от 5 февраля 1911 г. автор упоминает не только о занятиях по чтению Эсхила, но и о том, что к нему на дом продолжают приходить молодые студенты заниматься греческим языком¹⁷².

Практически ничего нам не известно о домашних семинарах Жебелева, кроме того факта, что на этих встречах также читали античных авторов¹⁷³. Однако можем предполагать, каков был формат работы. Совместное чтение античных авторов у всех трех профессоров, очевидно, должно было сопровождаться критикой текста со стороны учеников под руководством учителя и его совместным обсуждением, как это происходило и с надписями у Соколова.

Примеры Зелинского и Толстого указывают нам на то, что практика домашних семинаров вышла за пределы школы Куторги, так как Толстой не был его прямым учеником, а Зелинский и вовсе получил образование в Лейпциге. Преемственность между «вечерними беседами» Куторги и Соколова также находится под вопросом, ведь в период учебы Соколова в университете Куторга практически все время находился за границей и для нас остается неясным, имел ли Соколов возможность их посещать¹⁷⁴.

На наш взгляд, главная функция подобных домашних семинаров в этот период заключалась в предоставлении студенту возможности совершенствовать свои знания и навыки работы с источниками под руководством опытного ученого сверх университетской программы, а также углубить свою специализацию на конкретном разделе античной истории. Увеличение количества преподавателей, готовых посвящать свое собственное время подобным занятиям, указывает на осознание их важности в деле подготовки будущих антиковедов и подчеркивает невозможность на

¹⁷¹ Ананьич Б.В., Толстая Л.И. Указ. соч. С. 102. Письмо от 3.02.1911.

¹⁷² Там же. С. 104. Письмо от 5.02.1911.

¹⁷³ Брагинская Н.В. Домашние семинары в 1970-ых гг. URL: <http://ivgi.rsu.ru/article.html?id=54014> (дата обращения 18.09.2021).

¹⁷⁴ Жебелев С.А. Федор Федорович Соколов (1841-1909). С. 27.

данном этапе развития высшего образования полной замены их университетскими семинарами.

Подводя итог всему сказанному, мы можем заключить, что практика домашних семинаров в рассмотренный период продолжала существовать как самоорганизованный и неформальный институт, способствующий подготовке научных кадров историков-антиковедов. Со времени Куторги данная практика не только сохранилась, но и получила определенное распространение в профессорско-преподавательских кругах специалистов по античной истории. Кроме того, мы можем выделить некоторую специфику домашних семинаров антиковедов, отличающую их от прочих. В первую очередь следует обратить внимание на большой уклон в сторону развития навыков перевода оригинальных текстов источников. Участие в подобных занятиях либо требовало от студента изначальной хорошей языковой базы, либо навыки должны были быть приобретены и развиты в процессе. Во-вторых, ориентир на критический разбор текстов источников с их последующим обсуждением, вероятно, как и в случае Соколова, прочие профессора также не скупилась на обширные экскурсы в историю вопроса.

Также отметим, что в дореволюционной России, судя по всему, не выработалась своей собственной специфической методики организации и проведения домашних семинаров, вместо этого имело место стандартизированное заимствование из немецкой практики, что демонстрируют нам все рассмотренные примеры. Тем не менее, такая опора на классический образец несколько не умоляет их значимости для подготовки будущих ученых и на наш взгляд обусловлена тем, что заимствованная из немецкой науки практика удовлетворяла требованиям самих ученых и справлялась с задачами, возлагаемыми на такие занятия.

1.3. Подготовка высших научно-педагогических кадров

К рассматриваемому периоду в Российской Империи сложились два института подготовки высших научно-педагогических кадров: «оставление при университете для приготовления к профессорскому званию», а также заграничная стажировка. Данная глава будет посвящена анализу данных институтов и специфики их функционирования в отношении антиковедения.

Успешно сдав итоговые испытания, студент, желающий посвятить себя служению науке, переходил на следующий этап научного становления, представляющий собой институт, примерно соответствующий современной аспирантуре, а в то время именуемый «оставлением при университете для приготовления к профессорскому званию»¹⁷⁵. Оставленные при университете на протяжении нескольких лет готовились к сдаче экзаменов и работали над диссертацией для дальнейшей ее защиты и получения ученой степени магистра.

Прежде чем переходить к рассмотрению сути вопроса, следует сказать несколько слов о терминах. Термин «аспирант» в этот период времени постепенно входит в научный оборот для обозначения тех, кто готовится к получению ученой степени, но в рассматриваемый период времени еще неофициально, в нормативных документах мы его не встречаем¹⁷⁶. Кроме того, лиц, оставленных при университете, часто именовали «профессорскими стипендиатами»¹⁷⁷, однако данное обозначение охватывало лишь тех, кому была назначена стипендия на время оставления при университете. В то же время значительная часть «оставленных» стипендию не получала, о чем

¹⁷⁵ Жебелев С.А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их вырождения в будущем. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: Изд-во «Наука». 2002. С. 146.

¹⁷⁶ Степанов Я.С. По поводу пересмотра устава университетов. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1878. С. 24–25.

¹⁷⁷ Матушанский Г.У., Бушман О.В. Организационные формы послевузовской подготовки научно-педагогических кадров в дореволюционной России // Казанский педагогический журнал №3. 2005. С. 58-64; Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка. Омск: Изд-во Омского гос. Ун-та. 2014. С. 122-145.

пойдет речь позже. Поэтому данный институт мы будем именовать именно как «оставление при университете для приготовления к профессорскому званию».

Мы разделяем мнение А.М. Скворцова, что Российская империя не знала термина «научный руководитель». Мы также не найдем его в официальных документах, как и не найдем упоминаний о назначении руководителя, курирующего подготовку к испытаниям и написание диссертации будущего магистра. Однако на неформальном уровне каждого магистранта наставлял и направлял один из профессоров, чаще всего обозначаемый, как «учитель»¹⁷⁸.

Рассмотрим круг документов, составляющих нормативно-правовую базу данного института. Хотя его истоки уходят в более ранний период, впервые в Уставе 1863 года за Советом университета закрепляется право «оставления при университете стипендиатов для приготовления к профессорскому званию»¹⁷⁹. Новый Устав 1884 года данную практику сохранил, но право окончательного утверждения кандидатов было передано Министерству народного просвещения и попечителю¹⁸⁰. В том же 1884 году было принято Положение «О порядке оставления молодых людей при университетах и командировании за границу с целью приготовления их к профессорскому званию», регламентирующее функционирование данного института. Циркуляр министра народного просвещения от 20 мая 1884 года №7187 и распоряжение Министерства народного просвещения от 15 ноября 1910 года №31979 устанавливали правила получения стипендии, а законом 1905 года «Об отпуске средств государственного казначейства

¹⁷⁸ Скворцов А.М. «Диссертационная культура» историков-антиковедов дореволюционной России // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX - середины XX вв.: опыт и перспективы изучения сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара). Челябинский государственный университет. 2016. С. 71-72.

¹⁷⁹ Общий устав императорских российских университетов [18 июня 1863] // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб., 1865. Пункт 42.

¹⁸⁰ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов [1884] // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1887. Т. IV. № 2404. Пункт 135.

дополнительного кредита на приготовление профессоров при университетах» увеличивался ее объем¹⁸¹.

Логическим завершением процесса приготовления к профессорскому званию являлись испытания и защита диссертации в публичном диспуте, после чего присваивалась степень магистра. Их регламентировало положение «Об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени», утвержденное Министерством народного просвещения в 1864 году. Кроме того, важным источником при рассмотрении данного института выступают воспоминания Жебелева и статьи из журналов, освещающие ход публичных диспутов по защите диссертаций позволяющие увидеть «оставление при университете» через призму живого опыта, иногда отличающегося от того, что предписывали нормативные акты¹⁸².

Инициатором «оставления при университете» всегда выступал один из профессоров, сами студенты инициировать этот процесс не могли. Увидев потенциал и соответствующие способности в одном из студентов, хорошо сдавшем экзамены и получившего диплом первой степени, профессор подавал в Собрание факультета мотивированное ходатайство. Далее в Собрании проводили обсуждение и закрытое голосование. В случае положительного решения факультета ходатайство передавалось в Совет университета, а далее через попечителя в Министерство народного просвещения для утверждения. По замечанию Жебелева, факультеты были «щедры» в вопросе «оставления», особенно если кандидат не претендовал на стипендию: «Всякого мало-мальски подающего надежды на то, что из него вырабатается учёный, оставляли при университете»¹⁸³. Попечитель и Министерство также не были слишком требовательны к отбору кандидатов

¹⁸¹ Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 52-54.

¹⁸² Жебелев С.А. Указ. соч. С. 146-194.

¹⁸³ Жебелев С.А. указ. соч. 148-149.

(без стипендии, об этом пойдет речь ниже), обычно их интересовала только политическая благонадежность персоны. Результатом такого «отбора» стали достаточно низкие показатели эффективности. В Московском университете 44,8% оставленных со стипендией даже не приступили к экзаменам¹⁸⁴.

Будущего ученого оставляли при университете сроком на два года, но в случае необходимости срок мог быть продлен на еще несколько дополнительных лет. В течение этого срока он должен был под руководством своего учителя, а также консультируясь по отдельным вопросам с профессорами других кафедр, подготовиться к магистерским экзаменам, написать научно-исследовательскую работу, подготовиться к ее защите, а также мог включиться в педагогическую деятельность, помогая профессору при проведении практических занятий или занимая должность приват-доцента до защиты магистерской диссертации, но после сдачи магистерских экзаменов и чтения двух пробных публичных лекций, при этом регулярно сдавая отчеты и каждое полугодие письменные работы¹⁸⁵. На примере Казанского университета Д.А. Хохлова продемонстрировала, что работа данного института в провинциальных университетах не отличалась от столичных и проходила по тем же правилам¹⁸⁶.

Прохождение «института оставления» при университете завершалось экзаменами и защитой диссертации. Экзамены сдавались в совете факультета под председательством декана. Их можно было сдавать в любом порядке, но в течение одного полугодия. В случае неудачи возможность пересдачи наступала только лишь через год¹⁸⁷. Положение 1864 г. вводило 39 разрядов наук, из которых 10 относилось к историко-филологическому факультету.

¹⁸⁴ Гришина Н.В. Указ. соч. С. 126.

¹⁸⁵ Матушанский Г.У., Завада Г.В. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. №5. 2008. С. 52.

¹⁸⁶ Хохлова Д.А. История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804-1918). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М. 1998. – 23 с.

¹⁸⁷ Положение «Об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» 1864. Пункт 10.

Антиковеды преимущественно защищались по кафедре классической филологии, которой соответствовали разряды греческой и римской словесности, реже по разряду всеобщей истории (Например, С.А. Жебелев, А.Н. Щукарев, И.М. Гревс, М.М. Хвостов, И.И. Семенов, В.П. Бузескул)¹⁸⁸, философии (А.Н. Гиляров, Д.В. Айналов, С.Н. Трубецкой, А.П. Казанский) и теории и истории искусств (В.К. Мальмберг, В.Г. Аппельрот, А.М. Миронов)¹⁸⁹.

Прикрепленные к кафедре классической филологии сдавали экзамены по следующим предметам: история греческой и римской литературы, греческие и римские государственные древности, а также нужно было сделать перевод с комментариями двух древних авторов на свой выбор¹⁹⁰. По кафедре всеобщей истории в качестве основного предмета сдавали один из разделов всеобщей истории на выбор (в данном случае, соответственно, древнюю историю), в качестве дополнительных предметов выступал еще один раздел «Всеобщая история, русская история и политическая экономия». Кроме того, для выбравших раздел древней истории обязательным было изучение в оригинале трудов одного греческого и одного римского историков на выбор¹⁹¹. На кафедре философии сдавали философию по нескольким разделам: историю философии, психологию, логику, этику. В качестве дополнительных предметов сдавали перевод, чтение и интерпретацию одного из платоновских диалогов, одного из трудов Аристотеля и еще одного автора на выбор. Избравшие своей специальностью теорию и историю искусств сдавали в качестве основного предмета «один из отделов истории искусства; дополнительные предметы — один из отделов

¹⁸⁸ Все перечисленные ученые защищались по теме, относящейся непосредственно к области античной истории, но были закреплены за кафедрой всеобщей истории и после защиты получили ученую степень соответствующего кафедре разряда.

¹⁸⁹ Все перечисленные ученые защищались по теме, относящейся непосредственно к области античной истории, но были закреплены за кафедрой всеобщей истории и после защиты получили ученую степень соответствующего кафедре разряда.

¹⁹⁰ Жебелев С.А. указ. соч. С. 150-151.

¹⁹¹ Там же. С. 151-152.

истории искусства, греческие и римские бытовые древности»¹⁹². Оценка за каждый предмет выставлялась цифровым способом (пятибалльная система) или словесным (весьма удовлетворительно, удовлетворительно, неудовлетворительно).

Серьезные трудности для экзаменуемых создавало отсутствие четких критериев и требований, предъявляемых к объему и глубине знаний. А.Н. Якушев и Д.А. Казначеев, специально исследовавшие этот вопрос, так характеризовали ситуацию: «Изнурительный экзаменационный марафон ставил испытуемых в очень сложное положение безграничностью и непредсказуемостью предъявляемых к их знаниям требований, которыми в той или иной степени охватывались все науки конкретного факультета. Такая «громоздкая» процедура научной аттестации ставила соискателя в зависимость от множества экзаменационных превратностей порождала вольный или невольный произвол экзаменаторов, тормозила процесс формирования российского ученого корпуса».¹⁹³

Положение 1864 г. в некоторой степени упростило испытания и сократило время, необходимое для их сдачи, по сравнению с предыдущим периодом. Было снижено количество экзаменационных предметов и увеличено количество разрядов наук, что в большей степени конкретизировало, в какой области науки должен обладать знаниями экзаменуемый¹⁹⁴. В результате произошло увеличение успешно защищенных диссертаций¹⁹⁵. Однако проблема отсутствия четких требований по-прежнему создавала большие трудности.

Завершающим этапом института «оставления при университете для подготовки к профессорскому званию» и последним шагом на пути к ученой степени магистра была защита диссертации в публичном диспуте. Стоит

¹⁹² Там же С. 152.

¹⁹³ Казначеев Д.А., Якушев А.Н. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 165.

¹⁹⁴ Там же. С. 167.

¹⁹⁵ Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1950. С. 31-32.

отметить, что «аспирант» мог защищаться сразу после сдачи экзаменов, но не был обязан этого делать. Защита могла быть отложена на неопределенный срок и производиться после окончания срока оставления. Например, из «исторической хроники» журнала «Историческое обозрение»¹⁹⁶ мы узнаем подобные примеры: «В 1890 году окончился срок оставления при университете С.Л. Степанова, занимающегося всеобщей историей. Г. Степанов... уже выдержал магистерские экзамены и занят в настоящее время своей диссертацией»¹⁹⁷.

В соответствии с Положением 1864 г., предварительно написанную работу, по поручению декана, рассматривал весь факультет, но письменную рецензию делал один из профессоров или приват-доцентов, к предмету которого принадлежало исследование¹⁹⁸. Бывали прецеденты, когда рецензента приглашали из другого факультета или университета, если того требовала тема диссертации¹⁹⁹. Кандидата допускали до защиты только в том случае, если факультет признавал ее удовлетворительной и мнение рецензента здесь играло ключевую роль. К своей обязанности рецензенты, как правило, подходили ответственно. Показательной является рецензия Ф.Ф. Зелинского на диссертацию Н.И. Новосадского, которого после критики рецензента не допустили до защиты: «В общем выводе я полагаю, что г. Новосадскому придется еще много поработать над светлыми сторонами греческой мифологии... прежде чем самостоятельно осветить «темные ее места»²⁰⁰. Если отзыв рецензента был хорошим, факультет, как правило, единогласно допускал работу к защите в публичном диспуте²⁰¹.

¹⁹⁶ Полное название «Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С-Петербургском университете».

¹⁹⁷ Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. СПб., 1890. Т. I. С. 262.

¹⁹⁸ Положение «Об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» 1864. Пункт 21.

¹⁹⁹ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 156.

²⁰⁰ Зелинский Ф.Ф. Культ Кавиров в древней Греции. Н.И. Новосадского. Варшава. 1891. Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССLXXX. 1891. С. 299.

²⁰¹ Там же. С. 156.

По мнению Якушева и Казначеева, опирающихся на оценки современников, такая система не была лишена злоупотреблений и предвзятости, так как под видом коллегиальности скрывалось единоличное принятие решения²⁰². К.М Белик проанализировав рецензии второй половины XIX – начала XX веков, выделила основные критерии, по которым оценивали работу: 1) умение выбрать и поставить вопрос; 2) умение использования исследовательских средств из имеющихся в арсенале науки, или способность ученого найти свои, новые; 3) умение взвешенно оценить проделанную работу и полученные в ее процессе результаты, понимать, является ли данное исследование значимым вкладом в науку²⁰³.

Если работа допускалась до защиты, назначался день, как правило, воскресенье, информация об этом заранее печаталась в газетах, и, так как диспут был публичный, принять участие в нем могли все желающие. Обязательным было присутствие большей части личного состава факультета. В рамках процесса защиты сначала выступал сам кандидат с речью, в которой тезисно излагал основные выводы своей работы, затем выступали официальные оппоненты (чаще всего они же и были рецензентами работы), далее декан приглашал принять участие в диспуте всех желающих. Закончив прения, факультет переходил к голосованию. В случае положительного решения «...декан вставал и объявлял во всеуслышание сакраментальную формулу: «Факультет, заслушав защиту диссертации такого-то на такую-то тему, признал защиту удовлетворительной и постановил: признать такого-то достойным степени магистра (доктора) таких-то дисциплин и представить это постановление Совету университета на утверждение»²⁰⁴.

Информацию о ходе и итогах диспутов печатали в периодических изданиях по соответствующей тематике. Иногда эти сообщения были

²⁰² Казначеев Д.А., Якушев А.Н. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 166.

²⁰³ Белик К.М. Диссертационные рецензии в России второй половины XIX– начала XX в.: анализ конвенций // Новое прошлое/The New Past. №3. 2020. С. 184.

²⁰⁴ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 158.

достаточно сжатыми, передавая лишь информацию о то, кто, когда и какую диссертацию защитил. В других же случаях публиковался весь ход диспута с подробным описанием выступлений участников. Рассмотрим ход диспута антиковедов на нескольких примерах.

В 1890 г. в Петербургском университете кандидат А.Н. Щукарев защитил представленную им для получения степени магистра всеобщей истории диссертацию на тему «Исследование в области каталога афинских архонтов III в. (300-265 г.) до Р.Х.»²⁰⁵. Первым в диспуте держал слово сам защищающийся. Он отметил, что основной целью работы было вновь исследовать преемственность афинских архонтов и использованием новых источников. Далее автор обосновал выбранный им период в 35 лет тем, что по этим годам лучше всего сохранились документы и эпиграфический материал. Была отмечена актуальность работы, заключающаяся в том, что списки афинских архонтов представляют собой «скелет будущей аттической, а может быть и всей эллинской истории того времени»²⁰⁶. В конце выступления Щукарев честно отметил, что на момент диспута он и сам уже не всем доволен в своей работе.

Первым официальным оппонентом Щукарева был его учитель Ф.Ф. Соколов, который в целом дал весьма лестный отзыв о работе. Тем не менее, он обратил внимание участников диспута на некоторые неточности датировки, допущенные в диссертации, а также не согласился с интерпретацией автора одной из надписей Зенона. Другой официальный оппонент П.В. Никитин обратил внимание на некоторые незначительные проблемы перевода. Кроме того, один из присутствующих слушателей высказывал свое несогласие с транскрипцией ряда греческих имен. Защита Щукарева была признана факультетом удовлетворительной. О том, как защищающийся отвечал на замечания, в статье не указывается.

²⁰⁵ Историческая хроника под ред. Н. И. Кареева // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. СПб., 1890. Т.I. С. 309-310.

²⁰⁶ Там же. С. 309.

В 1891 г. в Петербургском университете кандидат М.Н. Крашенников защитил представленную им для получения степени магистра римской словесности диссертацию на тему «Римские муниципальные жрецы и жрицы». Вступительная речь Крашенникова была относительно короткой. В ней он объяснил, что подразумевает под муниципальными культами, и указал, что не стал рассматривать в своей работе столичные культы как принципиально отличные. Актуальность своей работы он обосновал отсутствием серьезных работ по данной тематике и обилием спорных вопросов, требовавших решения. Источниковой базой исследования Крашенников указал эпиграфический материал.

Первый официальный оппонент И.В. Помяловский отметил высокие достоинства работы и подчеркнул, что это один из первых в России опытов по систематизации и утилизации латинских надписей, и опыт этот получился весьма удачным. Автор совершенно самостоятельно собрал весь используемый в работе эпиграфический материал, подверг проверке и надлежащим образом классифицировал. В то же время Помяловский отметил недостаточную аргументированность заявления о резком различии жрецов муниципальных и столичных, а также указал еще на несколько мелких замечаний. Второй оппонент Ф.Ф. Зелинский отсутствовал по причине болезни. Отметив этот момент, его роль принял на себя И. И. Холодняк. Основное внимание он обратил на недостаточность внимания автора к вопросам лингвистики, упрекал за неверную этимологию термина «понтифик», а также критиковал за чрезмерно обширные примечания к тексту. Юрист Свадковский, изучавший в Берлине римское право, указывал на ошибочность суждения автора о противоречивости отдельных положений Дигестов. Сам Крашенников признал правильность всех замечаний Помяловского, но решительно возражал против всех прочих замечаний, в

связи с чем диспут прошел довольно оживленно. Защита была признана факультетом удовлетворительной²⁰⁷.

В период подготовки к испытаниям и написания диссертации для молодого ученого немаловажным являлся вопрос поиска средств к существованию, и здесь ключевую роль играло получение стипендии. Принимая решение об «оставлении при университете» того или иного кандидата, министерство могло назначить ему стипендию. Для этого претенденту необходимо было соответствовать целому ряду критериев: 1) иметь аттестат зрелости с отличными отметками по обоим древним языкам; 2) обладать хорошим знанием немецкого и французского языков; 3) отличные отметки по предметам выбранной кафедры и собственные научные работы; 4) безупречная и надежная нравственность (поводом для отказа могло быть участие в студенческих акциях); 5) умение правильно и свободно выражать свои мысли; 6) отсутствие заболеваний, мешающих занимать профессорскую должность²⁰⁸. Если все условия были соблюдены, получение стипендии все равно не гарантировалось. Министерство могло просто не иметь в наличии достаточного количества финансовых ресурсов. Если в назначении стипендии Министерство отказывало, ее также мог предоставить университет. Такое право ему предоставлял пункт 147 Устава 1884 г.: «Плата, взимаемая со студентов и посторонних слушателей в пользу университетов, а равно прочие специальные средства университетов, составляют неотъемлемую их собственность. Средства сии могут быть употребляемы <...> на пополнение сумм для вознаграждения стипендиатов, оставляемых при университете»²⁰⁹.

²⁰⁷ Историческая хроника под ред. Н.И. Кареева // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1891 год. СПб., 1891. Т. III. С. 224-225.

²⁰⁸ Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Указ. соч. С. 52.

²⁰⁹ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов [1884] // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1887. Т. IV. № 2404. Пункт 147.

В 1902 г. из 218 оставленных при университете кандидатов, менее 50% получали стипендию²¹⁰, а в 1915 г. из 245 оставленных при Петербургском университете, лишь 111 (43%). В Московском университете в 1906 г. 50% «аспирантов» были оставлены при университете без стипендии, а в 1913 г. все 100%²¹¹. В Томском университете впервые стипендию получили двое оставленных при университете кандидатов лишь в 1905 г.²¹²

Сами размеры стипендии вызывали в обществе недовольство. Профессор Демидовского юридического лицея В.Г. Щеглов в 1902 г. утверждал: «Научный труд для многих талантливых молодых ученых ныне превратился в научный аскетизм. Посему и университетские кабинеты, и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла. Многие способные ученые работники покидают ныне университет, находя себе на других практических поприщах лучшее обеспечение и жизнь. Посему и научные силы России и поныне все еще малочисленны по сравнению со странами Запада»²¹³. Размер стипендии составлял 600 рублей в год, но в 1909 г. все же был увеличен до 1200 рублей. В том случае, если оставленный при университете не смог защититься, был обязан либо вернуть в полном объеме полученные денежные средства, либо отработать учителем в гимназии по два года за каждый год, который он получал стипендию²¹⁴.

Рассмотрим вопрос о стипендиях «аспирантам» на нескольких примерах. В 1893 г. М.И. Ростовцев был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию без стипендии на два года²¹⁵, но уже в 1894 г. министерство принимает решение предоставить ему стипендию

²¹⁰ Галкин К. М. Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958, С. 66.

²¹¹ Лаут О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX – XX вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Майкоп. 2000. С. 21.

²¹² Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. указ. соч. С. 56.

²¹³ Цитировано по: Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука. 1991. С. 213-214.

²¹⁴ Микодина Е.В. Князев Е.А. Аспирантура ВНИРО.1. Подготовка научно-педагогических кадров в России // Труды ВНИРО. Том 166. 2017. С. 188.

²¹⁵ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1893 года. №48. СПб., 1893. Заседание 29.01.1893, вопрос №17.

на один год²¹⁶. В Протоколе заседаний Совета Петербургского университета 1887 года мы видим, как в одном решении продлевают срок оставления при университете И.М. Гревса на год без стипендии и А.С. Лаппо-Данилевского, но со стипендией на полгода²¹⁷. В конце 1890 г., через месяц после окончания учебы и сдачи последнего экзамена в статусе студента, С.А. Жебелев был оставлен при университете без стипендии. Оставленные без стипендии, безусловно, были вынуждены совмещать свою научно-исследовательскую деятельность с работой²¹⁸. Обычно, в соответствии с полученным образованием, «аспиранты» работали учителями истории или древних языков в гимназиях, репетиторами, занимались переводами, а после сдачи магистерских экзаменов могли работать приват-доцентами. Жебелев с 1 февраля 1891 г. по приглашению Н.П. Кондакова был трудоустроен «вольнорабочим писцом при Музее Древностей Университета» с окладом 20 рублей в месяц и лишь с 1898 г. оклад был повышен до 50 рублей в месяц²¹⁹. Оклад получаем им до 1898 г. был недостаточным для обеспечения семьи, поэтому Жебелев был вынужден совмещать эту работу с преподаванием в Центральном техническом училище барона Штиглица и в Высшем художественном училище при Академии художеств, читая там лекции по истории быта и истории искусств²²⁰.

В целом, по оценке Жебелева, работа, например, приват-доцентом отвлекала от написания диссертации иногда настолько, что, по словам самого автора, «многие приват-доценты так всё время и оставались ими, т.е. не защитили даже магистерской диссертации, не говоря о докторской (например, на историко-филологическом факультете Адрианов, приват-

²¹⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1893 года. №50. СПб., 1894. Заседание 31.01.1894, вопрос №8.

²¹⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1886-1887 года. №36. СПб., 1887. Заседание 10.01.1887, вопрос № 23.

²¹⁸ Богачева А.В., Волошина О.Б. Штрихи к портрету российского студента конца XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 19. №3. 2017. С. 49.

²¹⁹ Жебелев С.А. Из университетских воспоминаний. С. 187.

²²⁰ Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 185.

доцент с 1905 г., Гребёнкин — с 1909 г., Евлахов — с 1908 г., Каль — с 1904 г., Коган — с 1911 г. Поварнин — с 1904 г., А.А. Смирнов — 1911 г., Спицын — с 1909 г., Строев — с 1902 г., Хилинский — с 1910 г., Шебор был приват-доцентом с 1876 г. по 1896 г.)»²²¹. Соответственно, получение стипендии было важным условием для успешного развития академической карьеры будущего ученого. Сам Жебелев, совмещая работу писцом и преподавание, защитился и получил степень магистра лишь спустя 8 лет. Однако не всегда преподавательская деятельность замедляла написание диссертации и последующую защиту. Здесь можно обратиться к примеру И.В. Помяловского, который был оставлен при университете в 1867 г. и вскоре приглашен преподавать древние языки в должности приват-доцента, а уже в 1869 г. успешно сдал магистерские экзамены и, защитившись, получил степень магистра²²².

Что касается контроля со стороны Министерства народного просвещения, в процессе подготовки высших научно-педагогических кадров, с одной стороны, «оставленному при университете» предоставлялась большая степень самостоятельности и свободы в организации своей подготовки, с другой, Министерство народного просвещения старалось держать руку на пульсе и контролировать ход подготовки через отчеты самих «оставленных» и отзывы их учителей²²³.

Рассмотрев работу института оставления при университете, обратимся теперь к некоторым показателям результативности работы данного института применительно к антиковедению. По материалам справочного пособия Г.Г. Кричевского удалось установить некоторые количественные показатели по вопросам защиты диссертаций антиковедами в шести университетах,

²²¹ Жебелев С.А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их вырождения в будущем. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: 2002. С. 151-152.

²²² Холодняк И.И. И.В. Помяловский (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть VI. 1906. С. 20-21.

²²³ Гришина Н.В. Указ. соч. С. 128.

работающих по Уставу 1884 г. (Приложение 3,4,5)²²⁴. Отбор производился путем анализа заголовков диссертаций и определения их тематики. В период с 1884 по 1917 гг. на историко-филологических факультетах всех шести университетов (без учета Варшавского и Дерптского) были защищены 54 диссертации (28 магистерских и 26 докторских) по античной истории 41 ученым. Диссертаций на получение степени доктора, минуя степень магистра, не было ни одной. Наибольшее количество приходится на Санкт-Петербургский университет – 25 и Московский университет – 10, далее идут Харьковский – 7, Новороссийский – 6 Казанский – 4, и университет Св. Владимира – 2. Диссертации защищались по разрядам греческой словесности и римской словесности – 36 (25 и 11 соответственно), всеобщей истории – 9, философии – 6 и теории и истории искусство – 3. Кроме того, по разрядам греческой и римской словесности были защищены 11 диссертаций, которые мы отнесли к тематике сугубо филологической и не включили их в число антиковедческих работ.

Оценить полученные показатели мы можем путем сравнительного анализа с предшествующим периодом и с количеством защищенных диссертаций вообще по историко-филологическим факультетам. Исследователи диссертационной культуры Н.Н. Алервас, Н.В. Гришина и А.М. Скворцов установили, что в целом по историко-филологическим факультетам в период с 1884 по 1919 гг. было защищено 144 работы²²⁵. Делая погрешность на два года (мы рассматривали антиковедческие диссертации по 1917 гг.), защищенные антиковедами диссертации составляют 37,5%.

²²⁴ Выражаем свою благодарность Н.Н. Алервас, доктору исторических наук, профессору кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета за предоставление возможности поработать с трудами Г.Г. Кричевского.

²²⁵ Алервас Н.Н., Гришина Н.В., Скворцов А.М. К созданию коллективного портрета историков-соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX вв.: разработка базы данных и предварительный анализ // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань. 25-26 марта 2016. С. 36; Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защиты диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алервас, Н.В. Гришиной. М.: Изд-во «Нестро-История». 2022. С. 93.

Рассматриваемый нами период (с 1884 по 1917 гг.) охватывает 34 года. Сравним полученные нами данные с аналогичными показателями за предшествующие 34 года. В период с 1850 по 1884 гг. на историко-филологических факультетах в шести университетах были защищены 58 диссертаций (40 магистерских и 18 докторских) по антиковедению 50 учеными (Приложение 7). Таким образом, мы наблюдаем незначительное снижение количества защищенных диссертаций и несколько большее снижение количества ученых в период с 1884 по 1917 гг. по сравнению с предшествующим периодом, что демонстрирует нам тенденцию по снижению притока новых кадров в науку об античности. На это указывает и уменьшение количества магистерских диссертаций и их соотношения с докторскими диссертациями (40/18 и 28/25 для соответствующих периодов). Именно новые магистры в первую очередь отражают степень вливания новых представителей в ту или иную область науки для конкретного периода, в то время как количество новых докторов в значительной степени отражает аккумуляцию научного потенциала предшествующего периода. Те же тенденции мы можем наблюдать более детализировано в течение периода с 1884 по 1917 гг. Для этого разделим интересующий нас период на отрезки по 10 лет (1884-1893, 1894-1903, 1904-1914 гг.) и рассмотрим количественные показатели соответственно им (Приложение 8).

Полученные данные по десятилетиям показывают нам неуклонное снижение количества защищенных диссертаций по античной истории. Однако в данный период в целом наблюдается снижение диссертационной активности по всем историко-филологическим факультетам²²⁶.

По рассмотренным материалам мы можем заключить, что антиковеды в дореволюционной России получали ученые степени по нескольким разрядам, что в целом не меняло сути их научной деятельности, но большая их часть сосредотачивалась по разрядам греческой или римской словесности. Исследователи античного мира делили их с теми филологами, которые

²²⁶ Там же. С. 32.

занимались чистой филологией, то есть разрабатывающими вопросы лингвистики, синтаксиса, грамматики древних языков. Если относительно учебного процесса мы говорили о целесообразности и логичности объединения непосредственно историков античности и филологов, то уже на этапе написания диссертации и получения ученой степени мы должны провести определенный водораздел, хоть и искусственно, понимая, что сами современники такого разделения не осуществляли, чтобы выделить из общей массы магистров и докторов греческой или римской словесности тех, кого мы будем относить к числу антиковедов в нашем современном понимании. Это позволит нам оценить научные силы антиковедения исследуемого времени и посмотреть насколько эффективно работала система подготовки высших научно-педагогических кадров в направлении античной истории. Наш вывод будет базироваться на количественных данных, приведенных в настоящем параграфе. Доля работ, защищенных по античной истории, составляет примерно 37,5% от общего количества диссертаций, защищенных по историко-филологическим факультетам всей страны (речь идет о работах именно антиковедческого характера без учета работ чисто филологических), что представляется нам весьма существенным. Следовательно, система подготовки высших научно-педагогических кадров эффективно способствовала производству новых ученых и педагогов по направлению античной истории, несмотря на некоторые выявленные ее несовершенства.

1.4. Заграничные командировки

В XIX – начале XX веков для развития отечественного антиковедения был крайне значим институт «заграничных командировок с целью приготовления к профессорскому званию». Его главной задачей также являлась подготовка высших научно-педагогических кадров, и по этой причине он тесно связан с институтом «оставленных при университете». Посвятивший этому предмету кандидатскую диссертацию А.Ю. Трохимовский полагает, что де-факто такую командировку можно назвать «заграничной аспирантурой», и она являлась полноценной альтернативой послевузовского образования на родине²²⁷. Кроме того, за границу могли быть отправлены не только молодые ученые-«аспиранты», но и уже состоявшиеся профессора или сотрудники академических структур в целях совершенствования в науках и повышения квалификации, а также для приобретения книг или научного оборудования. И то, и другое мы будем относить к институту заграничных командировок, учитывая при этом организационные различия этих двух видов поездок.

Генетический метод позволяет нам рассмотреть взаимосвязь формирования и развития отечественного антиковедения и института заграничных командировок и в ином свете увидеть его значимость для истории античности. Куторга, единодушно принимаемый нашей наукой как родоначальник антиковедения в России, своему научному становлению также обязан заграничной командировкой. Будучи выпускником Дерптского Профессорского института, он был одним из первых, командированных за границу для приготовления к профессорскому званию. Обучившись у немецких коллег критическому методу и опираясь на него первым в Российской Империи, предпринял критическое исследование сюжетов античной истории, а также стал обучать новому методу своих студентов²²⁸.

²²⁷ Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856 – 1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 2007. С. 165.

²²⁸ Григорьев В.В. Императорский С. Петербургский университет в течении первых пятидесяти лет его существования. СПб. 1870. С. 213-214.

Из научной школы Куторги вырос ряд блистательных антиковедов, своими трудами прославивших отечественную науку²²⁹. Наиболее выдающиеся из них М.М. Стасюлевич, В.В. Бауер, Ф.Ф. Соколов, В.Г. Васильевский, П.И. Люперольский также прошли через практику заграничных командировок и, аналогично мэтру, за границей завершили свое научное формирование.

Институт заграничных стажировок сформировался в России еще в первой половине XIX века, хотя в более широком смысле поездки в Европу «за науками» практиковались еще с допетровских времен²³⁰. В 1827 г. при Дерптском университете был открыт специальный Профессорский институт, по окончании которого ученики отправлялись за рубеж совершенствоваться в науках. Дерптский Профессорский институт осуществил лишь два набора воспитанников и прекратил свое существование, однако практика заграничных стажировок в 1830-1840-ые гг. была распространена на другие университеты, а при министре А.В. Головине с 1860-х стала неотъемлемой частью академической жизни в России. Законодательно данная практика была закреплена в Уставе 1863 г., по которому одной из функций Совета закреплялось «избрание лиц, предназначенных к посылке за границу для приготовления к профессорскому званию»²³¹.

Нормативными документами, регламентирующими работу института, выступали Положение «О порядке оставления молодых людей при университетах и командировании за границу с целью приготовления их к профессорскому званию» 1884 г., постановление Министерства народного просвещения «О правилах для отправления за границу молодых людей с

²²⁹ Скворцов М.А. М. С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения Михаила Семёновича Куторги) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12. С. 125-130.

²³⁰ Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской Империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3(24). С. 17-18.

²³¹ Общий устав императорских российских университетов [18 июня 1863] // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб., 1865. Пункт 23.

целью приготовления к профессорскому званию»²³² 1867 г., а также Правила, принимаемые конкретными университетами, например, «Правила Императорского Московского университета 1864 г.»²³³. По наблюдению А.Е. Иванова, «Правила 1867 г.» здесь выступали основным нормативом, так как и Циркуляр 1884 г. и новый университетский Устав 1884 г. согласовывались с ними²³⁴.

Для становления историков-антиковедов данный институт был чрезвычайно важен по ряду причин. Во-первых, командировка позволяла непосредственно прикоснуться к материалам изучаемой эпохи через посещение музеев, памятников культуры и археологических раскопок на территории ареала античной цивилизации, прикоснуться к следам жизни античного человека, своими глазами увидеть места, где когда-то происходили исследуемые сюжеты истории²³⁵. Во-вторых, для молодого отечественного антиковеда были крайне важны академические контакты с ведущими зарубежными представителями нашей науки, без которых, вероятно, наша наука об античности не смогла бы в относительно короткие сроки выйти на европейский уровень. В научных кругах в рассматриваемый период гремела слава таких немецких исследователей, как Теодор Момзен, Иоган Дройзен, Роберт Пельман, Карл-Юлиус Белох, Эдуард Мейер, Уильрих фон Мелановиц-Меллендорф, Якоб Буркхардт, Георг Бузольт, Франция гордилась Гастоном Буассье, Полем Гиро, Англия была известна работами Джеймса Фрезера и Джона Бьюри, итальянскую науку об

²³² О правилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 4. Царствование императора Александра II, 1865-1870. СПб. 1871. № 194. Стлб. 444.

²³³ Правила Императорского Московского университета 1864 года // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: Т. 3.: 1850-1864 г. СПб. 1867. № 702. Стлб. 864.

²³⁴ Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1991. С. 83-84.

²³⁵ Скворцов А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 409.

античности прославили Гаэтано Де Санктис и Гульельмо Ферреро²³⁶. Куторга, оценивая значение заграничных командировок, считал, что крайне важна «...личная беседа, в которой мысли выражаются в живом разговоре, не стесняется требованиями аудитории, научает несравненно более и открывает многое, что нельзя никогда не прочитать, не услышать. Подобный разговор оставляет иногда в душе весьма сильные впечатления, которые не забываются даже в течение всей жизни»²³⁷. В Европе наши ученые познакомились с новыми теориями, заимствовали и принесли на родину новые методы научной и преподавательской работы²³⁸. В частности, диспуты и семинары были «завезены» из Европы²³⁹.

Будучи одним из отправленных за границу в 1862 г., В.И. Модестов так оценивал значимость этой академической традиции для развития отечественной науки: «Русские молодые люди занимались наукой у самых ее источников, усваивали себе современные теории, новейшие приемы исследования, вникали в жгучие вопросы, волновавшие ученых в разных областях знания. Через два-три года, проведенных в живейшем общении с современной наукой, молодые люди возвращались в Россию. Составляя диссертации, вступая на кафедры, они, естественно, вносили и в свои учёные труды, и в университетское преподавание новые взгляды и иные приемы обращения с наукой, приемы её исследования и преподавания»²⁴⁰, «в наших

²³⁶ Историография античной истории (под ред. И.В. Кузицина). Учебное пособие. М.: Изд-во «Высшая школа». 1980. С. 144-162.

²³⁷ Скворцов А.М. Указ. соч. С. 409.

²³⁸ Обидина Ю.С. Роль академической мобильности в формировании русской науки об античности в XIX веке // Запад – Восток. 2013. №6. С. 6.

²³⁹ Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX - начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи - СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 879; Дёмина Н.В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. №1. С. 120; Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта "семинариев" московскими профессорами во второй половине XIX в.) // "Быть русским по духу и европейцем по образованию". М., 2009. С. 263-278.

²⁴⁰ Модестов В. И. Русская наука в последние двадцать пять лет. Одесса: Изд-во «Экон.тип.». 1890. С. 7.

университетах после возвращения из-за границы большого количества молодых учёных и вслед за новой организацией университетов, действительно началась научная жизнь»²⁴¹.

Как и в случае предыдущего института, его работа запускалась мотивированным ходатайством научного руководителя в собрание факультета, оттуда ходатайство передавалось в Совет университета и далее через попечителя поступало на подпись к министру.

Согласие со стороны Министерства было связано, в первую очередь, с финансовой стороной дела. Следует отметить, что командировка для подготовки «аспирантов» к профессорскому званию могла производиться за счет средств Министерства или за счет средств университета, а командировка уже состоявшегося и занимающего кафедру профессора осуществлялась в подавляющем большинстве случаев университетом²⁴². В обоих случаях требовалось согласование с Министерством, которое могло отказать, если поездка предполагалась за казенный счет и, как правило, всегда давало согласие, если расходы брал на себя университет. Удовлетворение ходатайства оформлялось приказом Министерства, а командируемому выдавался заграничный паспорт с командировочным свидетельством и инструкция.

Исследователи данного вопроса полагают, что одобрение стажировки зависело, прежде всего, от наличия у Министерства свободных финансовых ресурсов, а не от оценки предложенной кандидатуры. Об этом прямо указано в тексте Правил 1867 г.: «Избранных университетами кандидатов для приготовления в профессора Министерство народного просвещения назначит к отправлению за границу по своему усмотрению такое число, какое может быть содержимо на имеющиеся денежные средства»²⁴³.

²⁴¹ Там же. С. 12.

²⁴² Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856 – 1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 2007. С. 103.

²⁴³ О правилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию // Сборник постановлений по Министерству народного

Предпочтения отдавали специальностям, испытывающим наибольший кадровый дефицит²⁴⁴.

Кандидатов для командирования за границу всегда было больше, чем могли позволить финансовые возможности как университетов, так и министерства. Поэтому неизбежно происходил отбор наиболее достойных. Он осуществлялся на этапе прохождения ходатайства через Собрание факультета и Совет. Министерство недаром оставило этот вопрос на откуп университетам и, как уже было отмечено, обычно не оспаривало предложенные кандидатуры, так как профессора могли дать более объективную оценку потенциала кандидата как ученого, так и научной целесообразности его выезда за границу. В делопроизводственных документах Министерства сохранилась информация, наглядно иллюстрирующая финансовую сторону данного вопроса. В докладных записках на имя Министра в 1911 г. сообщается, что на предстоящий 1912 г. возможно выделить на стипендии для оставленных при университете и командировки около 55 000 – 60 000 тыс. руб., в то время как в общей сложности ходатайства были поданы на сумму 135 916 тыс. руб. В итоге было принято решение удовлетворить 19 ходатайств о командировании за границу и 53 о предоставлении стипендии для оставленных при университете. Из них 5 и 13 соответственно были выделены для кандидатов с историко-филологических факультетов, что составляет 26 и 24% от общего количества также соответственно²⁴⁵.

Отбор производился путем баллотирования. Большую роль играл авторитет учителя, ходатайствующего за кандидата, учитывались отзывы других профессоров, а также ученые заслуги самого кандидата. Немаловажным моментом являлось обоснованное указание в ходатайстве

просвещения: Т. 4. Царствование императора Александра II, 1865-1870. СПб. 1871. № 194. Стлб. 444.

²⁴⁴ Трохимовский А.Ю. Указ. соч. С. 20.

²⁴⁵ Переписка по вопросу об открытии русского института при Университете в Лейпциге для приготовления преподавателей древних языков и истории // РГИА Ф. 733 Оп. 155 Д. 206. Л. 159-160.

целей командировки и ее необходимости²⁴⁶. Следовательно, Совет играл важнейшую роль в подготовке научных кадров, отбирая из числа студентов, наиболее достойных и подающих надежды, а попечитель учебного округа и далее Министерство, как уже было сказано ранее, лишь формально давали свое согласие.

Согласно Правилам 1867 г., Совет должен был представить в Министерство вместе с ходатайство инструкцию (представляющую собой, скорее, план) для кандидата, раскрывающую ряд положений: а) в каких предметах или сферах науки будет совершенствоваться кандидат; б) какие заграничные университеты и другие учреждения (музеи, библиотеки, археологические раскопки, памятники исторического и культурного наследия) он должен посетить; в) лекции каких профессоров он должен преимущественно прослушать; г) в какие сроки кандидат должен отправлять отчеты, на что особенно в этих отчетах должно быть обращено внимание. В 1884 году министерство рекомендовало в инструкциях для филологов обязательно предписывать посещение не только лекций, но и семинарских занятий в заграничных университетах²⁴⁷. Также ходатайство должно было содержать информацию о предполагаемом сроке пребывания за границей кандидата, но правила устанавливали ограничение не более двух лет²⁴⁸. Стоит отметить, что командируемые нередко старались продлить срок своего пребывания за границей, чаще всего по причине болезни. Обычно министерство шло в таких случаях навстречу.

Претендовать на получение стажировки могли: «а) магистры; б) кандидаты, выдержавшие уже испытание на степень магистра, но еще не защитившие диссертацию; в) кандидаты, доказавшие свои специальные

²⁴⁶ Скворцов А.М. Указ. соч. С. 405-406.

²⁴⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884-1885 академического года. №31. СПб. 1885. Заседание от 17 декабря 1884 года. С. 37.

²⁴⁸ О правилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 4. Царствование императора Александра II, 1865-1870. СПб. 1871. № 194. Стлб. 444.

знания и преподавательские способности занятиями в университете, в течение не менее двух лет, в звании приват-доцента; г) кандидаты, имеющие известность благодаря своим научным трудам»²⁴⁹.

Согласно данным, приведенным А.Е. Ивановым, из числа всех «оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию», около 10% были отправлены за границу (Приложение 3)²⁵⁰. Однако следует учитывать, что командировка в другие страны не предусматривалась для исследователей, способных проводить свои научные изыскания, не выезжая за пределы родины, например, для специалистов по истории России. Поэтому не всем «оставленным», подсчитанным в таблице ниже, она была необходима как таковая. Мы также наблюдаем значительное увеличение как «оставленных», так и командированных за границу накануне Первой мировой войны, что было связано с новой политикой заграничного обучения Министра народного просвещения А.Л. Кассо, и резкое уменьшение командируемых с началом войны, которая практически положила конец данной практике.

Командируемым за границу выделялось содержание в размере 1200 рублей в год. Бывший министр народного просвещения А.В. Головнин критически отнесся к назначенной сумме, которая была меньше ранее выделяемым 1500 рублей. «Из этой суммы наши кандидаты должны платить гонорар за слушание лекций, вносить значительную плату за пользование лабораториями и другими пособиями, приобретать книги, инструменты и материалы для практических работ и исследований, совершать научные экскурсии... При таких обстоятельствах многие из командированных и при нынешнем размере содержания находятся в весьма стесненном положении, тем более что, живя за границею и посвящая все время научным занятиям, они ничего не могут заработать»²⁵¹. Вскоре эта сумма все же была увеличена

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 211.

²⁵¹ Головнин А. В. Записки для немногих / Отв. ред. и сост. Б. Д. Гальперина. СПб., 2004. С. 330.

до 1500 рублей в год²⁵², а в 1909 г. до 2000 рублей²⁵³. Размер этой суммы казался многим командированным недостаточным, некоторым приходилось, помимо казенных ресурсов, также использовать свои личные средства. Частыми были ходатайства в адрес Министерства или университета о выдаче дополнительных денег²⁵⁴. В своих письмах друзьям, коллегам и близким командированные часто жалуются не только на нехватку, но и задержки с перечислением денежных средства, так как выдавали их не сразу на год, но отправляли в течение года частями.

Например, М.И. Ростовцев писал С.А. Жебелеву, как возмутила его подобная ситуация: «Если бы вы знали, какой у меня ад в душе и с каким бы я восторгом попал хотя бы на час в Министерство, чтобы исколотить всю эту ничего не делающую, курящую папиросы и пьющую чай сволочь. Можете себе представить, что эти скоты, несмотря на мою просьбу выслать мне деньги к 1 апрелю нового стиля, не только этого не сделали, но даже до сей поры не раскачались выслать оных. Мало того, эта свора жирных псов не удосужила меня ответом на телеграмму (уплаченный ответ), где я запрашивал, выслана ли мне стипендия. И вот я должен сидеть одной ногой в поезде, смотреть на небо и уложенные чемоданы и развлекаться только, посылая проклятия петербургским чиновам и расстраивая свои нервы постоянными размышлениями над изысканием способа скорейшего отъезда»²⁵⁵.

Потраченные государством средства командированный должен был возместить своим трудом. Обязательным являлось отработать в учреждениях подведомственных Министерству народного просвещения по два года за

²⁵² Зипунникова Н.Н. Указ. соч. С. 25.

²⁵³ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов [1884] // Свод уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения Изд. 1893 года и по прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. Пункт. 535. Примечание 2. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2761> (дата обращения 08.07.2021).

²⁵⁴ Свешников А.В. Указ. соч. С. 876.

²⁵⁵ Ростовцев М.И. Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелеву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру // Скифский роман. М.: Изд-во «РОССПЭН». 1997. С. 389. Письмо от 12 апреля 1897 г.

каждый год пребывания за границей. Антиковеды, как, впрочем, и все историки, обычно работали преподавателями или учителями в гимназиях²⁵⁶. В тоже время, если командированный не смог защититься по возвращению в Россию, он должен был возместить потраченные государством средства сам. Министр народного просвещения Кассо писал Министру финансов В.Н. Коковцову, что в период с 1890 по 1909 г. таких «аспирантов» оказалось 187 из 372²⁵⁷. Оказавшись в подобной ситуации, ученые нередко были вынуждены сами добывать средства для выхода из трудного положения. Например, Ф.Ф. Зелинский был вынужден взять подработку, чтобы вовремя заплатить за жилье. По совету знакомого, он обратился в издательство «Хартлебен» и нанялся осуществить перевод романа Ю.И. Крашевского «Капри и Рим», попросив при этом задаток²⁵⁸. Во время пребывания В.К. Ернштедта в Греции его финансово поддержал архимандрит Анатолий, глава русской православной миссии, одолжив ученому 100 франков для осуществления поездок по стране. Позже он писал Ернштедту, что не примет от него уплаты долга, так как считает это своим вкладом в развитие отечественной науки²⁵⁹.

Отправление за границу уже состоявшихся «профессоров и штатных преподавателей» осуществлялось в соответствии с университетскими правилами. На примере Правил Императорского Московского университета, согласно XII пункту Правил «...профессора и вообще штатные преподаватели, не бывавшие еще за границей на казенный счет, могут быть командированы за границу не более, как на два года...» с сохранением жалования и выдачей «прибавочного денежного пособия», в то время как уже

²⁵⁶ Скворцов А.М. Указ. соч. С. 407.

²⁵⁷ Переписка по вопросу об открытии русского института при Университете в Лейпциге для приготовления преподавателей древних языков и истории // РГИА Ф. 733 Оп. 155 Д. 206. Л. 47.

²⁵⁸ Зелинский Ф.Ф. Автобиография. Пер. с нем. А.И. Рубана, коммент. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2012. С. 85.

²⁵⁹ Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учёными и современниками // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин, 2004. С. 433.

бывавшие могли отправиться в командировку не более чем на один семестр²⁶⁰. Министерство предписывало ограничивать срок командировки профессоров каникулярным временем или непременно поручить чтение его курса другому профессору²⁶¹.

Профессора могли быть командированы для участия в научных конгрессах, конференциях, ученых собраниях, слушаниях публичных лекций, для изучения практики и приемов преподавания европейских коллег, повышения или покупки книг и оборудования для университета²⁶². Из числа антиковедов здесь примером может послужить Жебелев, который не смог отправиться за границу во время своего оставления при университете из необходимости обеспечивать семью, однако, став профессором, ездил в Италию и Грецию²⁶³. Уже после своей учебной командировки в период с 1900 по 1910 гг. М.И. Ростовцев с научными целями посещал Англию, Францию, Египет, неоднократно ездил в Германию и Италию²⁶⁴.

Лица, командированные за границу, были обязаны предоставлять Министерству в установленные сроки отчеты о своей деятельности. Так как среди чиновников не было достаточного количества узких специалистов по каждой области науки, они не могли объективно оценить качество проделанной командированным работы и дать полноценные рекомендации. Поэтому далее отчеты передавались соответствующим факультетам университетов для подробного анализа и составления комментариев и замечаний, после чего документы возвращались обратно в Министерство. На

²⁶⁰ Правила Императорского Московского университета 1864 года // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: Т. 3.: 1850-1864 г. СПб. 1867. № 702. Стлб. 864.

²⁶¹ Циркулярное предложение попечителям учебных округов о порядке командирования за границу или увольнения в отпуск профессоров и преподавателей университетов от 25 мая 1874 года // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXIV. 1874. С. 107.

²⁶² Трохимовский А.Ю. Указ. соч. С. 66.

²⁶³ Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 178.

²⁶⁴ Ростовцев М.И. Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелеву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру // Скифский роман. М.: Изд-во «РОССПЭН». 1997. С. 396-407. Письма С.А. Жебелеву за период с 1900 по 1910.

основании замечаний составлялись новые инструкции для командированных, а также принималось решение о продлении командировки или досрочном отзыве на родину. Если же стажировку за границей оплачивал сам университет, отчеты он рассматривал самостоятельно без участия Министерства²⁶⁵. Форма отчетности была достаточно свободной. Командированный мог информировать о своих передвижениях и действиях, сообщать о результатах проделанной научной работы, в качестве отчета могли приниматься публикации статей в зарубежных журналах²⁶⁶. Во время своей командировки М.И. Ростовцев в качестве одного из отчетов составлял топографическую хронику тех мест, которые удалось посетить.²⁶⁷ Комичную ситуацию, связанную с отчетами, в своих воспоминаниях приводит Ф.Ф. Зелинский. Молодого ученого не проинструктировали о необходимости отправления отчетов: «Я же ограничивался частными письмами на скверном русском почтенному Георгиевскому, и он рассказывал мне позднее, в какое смущение приводили его мои беззаботные «клячки»²⁶⁸.

Стоит также отметить, что в некоторых случаях исследователи отправлялись за границу исключительно за счет своих личных средств или за счет средств семьи. Обычно такие самостоятельные выезды были непродолжительными, предполагали посещение не более чем одной европейской страны. Например, В.К. Эрнштедт в 1878 г. совершил на частные средства поездку в Англию для сличения нескольких греческих рукописей так называемых малых ораторов, необходимых ему для написания магистерской диссертации²⁶⁹. В 1893 г. М.И. Ростовцев за счет средств семьи посетил Рим и Помпеи, где принимал участие в раскопках²⁷⁰.

²⁶⁵ Трохимовский А.Ю. Указ. соч. С. 144.

²⁶⁶ Свешников А.В. Указ соч. С. 864.

²⁶⁷ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 373. Письмо от 15 июня 1895 г.

²⁶⁸ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 82.

²⁶⁹ Жебелев С.А. В.К. Эрнштедт (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Часть СССХХХХIII. 1902. С. 51.

²⁷⁰ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 147; Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. №1. С.30-31.

Главными центрами притяжения командированных антиковедов являлись Германия, Италия и Греция. Италия и Греция были интересны археологическими раскопками, памятниками, музеями, возможностью прикоснуться к следам античного мира. Германия же привлекала молодых исследователей передовыми позициями в науке. Начиная со времен Петра I и до начала Первой мировой войны влияние немецкой науки в России было крайне велико. Кроме того, в рассматриваемый период Германия по праву занимала место ведущей научной державы в мире. В Германию ехали изучать новые научные теории, методы исследований и подходы к преподаванию. Немецкий опыт воспринимался как образец идеального научного строительства²⁷¹.

На основе источников личного происхождения и отчетов А.В. Свешников реконструирует повседневный быт командированного, выделяя некую стандартную картину, в рамки которой укладывается каждая рассмотренная командировка, в том числе эта стандартная картина может быть распространена на антиковедов.

Прибыв в тот или иной город в соответствии с инструкцией, молодой ученый первым делом снимал квартиру или комнату для проживания, стараясь найти варианты подешевле. В этом помогали рекомендации старших товарищей, недавно вернувшихся из тех же мест или других командированных. Важным элементом «акклиматизации» было установление контактов и налаживание общения с другими россиянами, находящимися поблизости. Далее командированный направлялся в университет, записываясь на посещение лекций и практических занятий или стараясь попасть на личную консультацию к наиболее выдающимся и известным специалистам по античной истории, филологии, археологии. Как указывает А.В. Свешников, в среднем командированный посещал два-три лекционных и практических курса. Следующим шагом была работа в интересующих его

²⁷¹ Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России, и Германии во время Первой мировой войны. СПб, 2007. С. 237.

музеях, архивах и библиотеках. Кроме того, часто уделялось внимание истории и культуре страны, в которой в данный момент находился исследователь²⁷². Далекое не всегда работало по намеченному плану, иногда приходилось отказываться от ожидаемого и даже менять тему исследования.

Во время командировок ситуация часто зависела от «случайных удач и неудач», когда не удавалось застать на месте того или иного профессора или слишком короткий рабочий день библиотеки и архива вынуждал отдавать предпочтение чему-то одному. Чаще всего подобные неурядицы командированные воспринимали достаточно философски и проявляли гибкость в адаптации к сложившимся обстоятельствам²⁷³. В такой ситуации важным инструментом корректировки планов выступала переписка со своим «научным руководителем», в которой командированный просил совета или помощи²⁷⁴.

Рассмотрев практику заграничных командировок для подготовки к профессорскому званию в целом, мы перейдем к рассмотрению ее специфики применительно к отечественному антиковедению в интересующий нас хронологический период. Для антиковедов и филологов-классиков специфика командировок заключалась в двух аспектах: содержание командировок и их сроки.

Антиковеды и филологи-классики на протяжении длительного времени проходили заграничные командировки на общих основаниях, как и представители прочих наук, сроком в два года. Случаи продления командировки были крайне редкими и продлялись лишь на небольшой срок в несколько месяцев. Еще в 50-70-ые гг., по мнению А.М. Скворцова, продлить командировку всего на несколько месяцев было большой удачей, и для этого часто приходилось ссылаться на болезнь²⁷⁵. Однако с 1880 г. для исследователей античного мира ситуация меняется в сторону увеличения

²⁷² Свешников А.В. Указ. соч. С. 869-871.

²⁷³ Там же. С. 871-872.

²⁷⁴ Там же. С. 874.

²⁷⁵ Скворцов А.М. Указ. соч. С. 410.

сроков командирования. Накануне указанной даты русский посланник в Греции П.А. Сабуров выдвинул предложение по организации в Греции постоянно действующего русского научного учреждения для работ в области изучения античной истории и археологии по типу уже существующих Германского археологического института, Американской, Британской и Французской археологических школ. Министр народного образования Толстой, рассматривая этот вопрос, обратился за экспертной оценкой к своему доверенному лицу, директору историко-филологического института К.В. Кедрову. По мнению Кедрова, время для создания подобного учреждения в Афинах еще не наступило, так как потребовало бы направить туда для постоянной работы нескольких ученых из числа филологов-классиков, которых и без того в стране не хватало, кроме того, потребовало бы больших финансовых затрат. Поэтому он предложил на первое время ограничиться организацией туда более длительных и более частых командировок (дело в том, что до этого командировки в Грецию вообще были редкостью): «Их можно было бы командировать на тех же основаниях, как командируются молодые ученики в Германию для приготовления к профессорскому званию... Из этих отчетов и работ легко будет усмотреть кто из командированных оказывает больше интереса к делу, и таковым можно будет продолжать срок командировки»²⁷⁶. Таким образом, идея об учреждении археологического института в Афинах была отложена на неопределенный срок, а в конечном итоге так и не была реализована.

Крайне неясным является вопрос о сроках командирования и об участии Соколова в вопросе об их продлении. По мнению Э.Д. Фролова, было решено установить трехгодичный срок вместо привычных двух лет, и сыграл в этом ключевую роль именно Соколов²⁷⁷. Однако данный вопрос не кажется нам до конца проясненным. Э.Д. Фролов не приводит серьезной

²⁷⁶ Дело по предположению об учреждении Русского Археологического института в Афинах // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 673. Л. 6.

²⁷⁷ Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 147.

аргументации своего утверждения, и в наших источниках, описывающих эту ситуацию (архивное дело Министерства народного просвещения и некролог Соколова, составленный В.В. Латышевым)²⁷⁸, не упоминается о роли Соколова в принятии такого решения, более того, нигде четко не идет речь именно от трех годах командирования, речь идет лишь о продлении его свыше привычных двух. С другой стороны, начиная уже с того же 1880 г. мы наблюдаем значительное количество командировок, продленных на третий год и даже на четвертый. Здесь мы можем назвать М.И. Ростовцева, В.К. Ернтштедта, В.В. Латышева (правда его третий год командировки прошел на юге России), А.Н. Щукарева²⁷⁹ Р.Х. Лепера²⁸⁰, М.Н. Крашенникова²⁸¹, В.А. Шеффера²⁸².

Что касается содержания командировок, зависящего напрямую от модели построения маршрута, то здесь можно выделить некоторые закономерности с поправкой на то, что каждая командировка была по-своему уникальна. В предшествующие 50-70-ые гг. сложилась определенная устоявшаяся модель маршрутов для антиковедов, обусловленная логикой развития антиковедения и потребностями науки. Большинство антиковедов в ходе двухгодичной командировки посещали две или три страны, как правило, Германию и/или Францию, как передовые центры изучения античности и ту страну, историей которой занимался ученый (Греция или Италия). Такой «классический» вариант командировки был распространен

²⁷⁸ Латышев В.В. Ф.Ф. Соколов 1841-1909 (некролог) // Известия Императорской Академии наук. 1909. Серия IV. Том 3. Выпуск 14. С. 949-954.

²⁷⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869-1894: Т. 2, М. - Я. СПб: Изд-во «Тип. Б.М. Вольфа». 1898. С. 350.

²⁸⁰ Басаргина Е.Ю. К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына, С.-Петербург, 26-30 нояб. 2008 г. С. 228.

²⁸¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802-1902). Том II. Юрьев: Изд-во «Типография К. Маттисена». 1903. С. 437.

²⁸² Шеффер Валерий Александрович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIXA (78). Шенье — Шуйский монастырь. СПб: Изд-во «Семеновская Типолиитография». 1903. С. 543.

вплоть до конца 70 – начала 80-ых гг. В готовом виде его сформулировал В.И. Помяловский, который своим ученикам давал «рецепт», как наиболее удачно провести время, отведенное на командировку: «почувствовать в Германии и поработать в Италии»²⁸³. Сам Помяловский учился в семинарии Гаупта в Лепциге у Ф.В. Ричля, К.Э. Гепперта и у Моммзена в Берлине. Оказавшись в Италии, он изучил все памятники по интересующей его теме от Милана до Помпей включительно, принимает участие в раскопках, работает в музеях и библиотеках, собирает обширный эпиграфический материал. Иные примеры построения командировки по «классической» модели нам демонстрируют В.Г. Зубкова, О.Ф. Базинера, Ф.Г. Мищенко, Ф.Ф. Зелинского.

Зубков был командирован в 1874 г. на два года. Первым делом он направился в Кенигсберг и на протяжении семестра посещал лекции профессоров Жордана, Бласса, Лерса. Здесь он занимался подготовлением материала для написания будущей диссертации, изучением трудов греческих и римских авторов и знакомился с новейшими исследованиями немецких коллег в области античной истории и культуры²⁸⁴. Весь 1875 г. Зубков проводит в Бонне, слушая лекции профессоров Бергга, Бернаиса, Бюхелера и посещая занятия в филологической семинарии. А в 1876 г. отправляется в Италию, где занимается исследованием рукописей Софокла. Результатом этой работы стало написание магистерской диссертации «Трахинянки» Софокла», успешно защищенной по возвращению в Москву²⁸⁵. Аналогичные страны во время своих командировок посетили О.Ф. Базинер (1877-1879 гг.)²⁸⁶ и Ф.Г. Мищенко (1875-1877 гг.)²⁸⁷.

²⁸³ Холодняк И.И. И.В. помяловский (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть VI. С. 409.

²⁸⁴ Соболевский С.А. В.Г. Зубков (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Часть ССCLII. С. 100.

²⁸⁵ Там же. С. 101.

²⁸⁶ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Том II. Выпуски 22–30. Бабаджано–Бензенгр. СПб.: Изд-во «Семеновская Типо-Литография». 1891. С. 57.

²⁸⁷ Шестаков С.П. Ф.Г. Мищенко (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть X. 1907. С. 42.

После учебы в Лейпцигской филологической семинарии Ф.Ф. Зелинский был командирован за границу на два года в 1880 г. Свой путь он начал с изучения античного искусства у ведущих профессоров Мюнхена и Вены на первом году командировки, а на втором посетил Италию, преимущественно пребывая в Риме, где познакомился с А. Мау и с «великим» Т. Моммзенем: «Я имел честь показывать ему Неаполитанский музей, который к тому времени уже хорошо был изучен»²⁸⁸.

В рассматриваемый нами период конца XIX – начала XX вв. происходит изменение в подходе к построению маршрутов командировок, а вместе с этим существенно меняется их содержание. С начала 1880-ых г. большая часть антиковедов начинает отдавать предпочтение Греции и/или Италии, при этом сознательно отказываясь от посещения европейских научных центров. Такое изменение, вероятно, произошло в связи с значительными успехами в развитии отечественной науки и ее выходом на один уровень с европейской наукой. Появление в России целого ряда крупных специалистов в области античной истории и классической филологии с мировым именем сделали менее актуальным посещение европейских научных центров. Например, М.Н. Крашенников, командированный в 1891 г. в Италию, прямо утверждал, что «никаких лекций по предметам избранной специальности у заграничных знаменитостей не слушал, считая посещение таковых совершенно излишней роскошью после своих университетских занятий под руководством четырех русских корифеев классической филологии: В. К. Ернштедта, К. Я. Люгебиля, П. В. Никитина, И. В. Помяловского»²⁸⁹. Подобного мнения придерживался и Жебелев. Последний не ездил в командировку из-за семейных обстоятельств, однако имел свое мнение на счет того, как следовало бы ее провести: «о том, что Жебелев не «штудировал» в

²⁸⁸ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 88.

²⁸⁹ Цитировано по: Акинъшин А.Н., Немировский А.И. Михаил Никитич Крашенников – историк литературы и педагог // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 34.

заграничных университетах, он никогда особого сожаления не испытывал, т.к. считал пройденную им в С.Петербургском университете «школу» вполне достаточной и хорошей. Но о том, что ему не удалось в начале своей деятельности на ученом поприще провести, подобно большинству его сотоварищей по специальности, два-три года в классических странах – Греции и Италии – он сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке»²⁹⁰. Данная цитата важна для нас не только тем, что раскрывает взгляды Жебелева на построение маршрута командировок. Не менее важен приведённый им факт того, что большинство его сотоварищей по специальности проводили отведенные им два-три года именно в Греции и Италии. Таким образом, мы можем резюмировать, что с 1880-ых гг. «классическая» модель командировки стала активно вытесняться «новой» моделью, быстро обретающей популярность среди специалистов по античной истории в данный период.

Дополнительным фактором, оказавшим влияние на отказ командированных антиковедов посещать передовые европейские научные центры, стало улучшение ситуации с пополняемостью новой зарубежной литературой университетских библиотек, особенно в Петербурге и Москве²⁹¹. Ранее в Германию, Францию и Великобританию ехали в том числе, чтобы ознакомиться с новейшими исследованиями зарубежных коллег, что было невозможно сделать, не выезжая из России. Но в рассматриваемый нами хронологический период специализированные на античной тематике научные и научно-популярные журналы, такие как «Филологическое обозрение» и «Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира», в значительной степени удовлетворяли эту потребность²⁹². В данных изданиях публиковались наиболее важные для антиковедения работы зарубежных ученых, обзоры на них или рецензии с критическими

²⁹⁰ Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 178.

²⁹¹ От редакции // Филологическое обозрение. 1894. Т.1. С. 1-2

²⁹² Там же; Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 1-4.

отзывами, обзоры новых статей в отечественных и иностранных журналах, информация о новейших археологических открытиях, в том числе сделанных зарубежными коллегами на территории стран классической древности, например, регулярная рубрика «Филологического обозрения» под названием «Археологическая хроника эллинского Востока», которую вел Щукарев, а после него Желебев (об этом подробно в следующей главе). Таким образом, мы можем сделать интересное с точки зрения структуры науки наблюдение, раскрывающее важность взаимосвязей ее элементов. Появление научных и научно-популярных журналов со специализированной тематикой отчасти способствовало изменению в содержании заграничных командировок.

Рассмотрим маршрут и занятия антиковедов в этот период на нескольких конкретных примерах. В 1880 г. В.В. Латышев был командирован в Грецию, оставаясь там на протяжении назначенных ему двух лет, при этом большую часть времени он проводил в Афинах, находясь в тесном сотрудничестве с уже упомянутым ранее главой русской православной миссии архимандритом Анатолием, который мечтал о создании здесь, в Афинах, Русского археологического института (о чем ходатайствовал ранее Сабуров)²⁹³. По мнению А.В. Никитинского, В.В. Латышев практически единолично заложил фундамент для создания подобного института, но эти планы остались лишь в мечтах, археологический институт был открыт, но в Константинополе²⁹⁴.

Собирая материал для своей магистерской диссертации, посвященной дорийским и эолийским календарям, В.В. Латышев обошел пешком всю Грецию, посетил Кикладские острова, побывал в местах важнейших археологических раскопок и приобрел опыт и навыки самостоятельной

²⁹³ Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: изд-во Дмитрий Буланин. 1999. С.178.

²⁹⁴ Никитский А. В. Василий Васильевич Латышев // Вестник древней истории. 1972. № 4. С 186.

работы с подлинниками²⁹⁵. Во время пребывания в Афинах был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. Работал совместно с его заведующим Ульрихом Кёлером и директором Французской школы в Афинах Полем Фукаром²⁹⁶. Результатом работы во время командировки стала успешная защита и получение ученой степени магистра в 1883 г. и целая серия статей, напечатанных в журнале Министерства народного просвещения и зарубежных журналах. Во время пребывания в Афинах командировка Латышева была продлена по решению министра народного просвещения еще на год, но уже в районе Северного Причерноморья России.

Профессиональный рост Латышева как ученого за время командировки прекрасно демонстрирует оценка его учителя и наставника Ф.Ф. Соколова в переписке с В.К. Ернштедтом: «Вот уж наш Василий Васильевич в Петербурге, и с 14 мая мы с ним беседуем, отводим душу. Как я рад и как счастлив, что вы такие знатоки стали в науке! Я знаю, что Вы ни в чем не уступите ему, а он просто восхищает меня совершенством своих работ и полнотою познаний»²⁹⁷.

Академическое сообщество также высоко оценило Латышева. Русское Археологическое общество решило поручить ему почетную и ответственную работу по сбору материалов для дальнейшего издания свода античных надписей Северного Причерноморья²⁹⁸.

В.К. Ернштедт провел предоставленные ему три года командировки в Греции и Италии, не посетив Германию или Францию, хотя последняя входила в его изначальный план, от которого он впоследствии отказался²⁹⁹. Другими подобными примерами служат командировки Н.И. Новосадского, А.В. Никитского, А.Н. Щукарева, Р.Х. Лепер и ранее упомянутого М.Н.

²⁹⁵ Тункина И.В. Указ. соч. С. 179.

²⁹⁶ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999. С. 226.

²⁹⁷ Тункина И.В. С. 181.

²⁹⁸ Фролов Э.Д. Указ. соч. 227.

²⁹⁹ Жебелев С.А. В.К. Ернштедт (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХХIII. 1902. С. 50-63.

Крашеникова. Новосадский все отведенные ему два года командирования (1884-1886 гг.) провел в Греции³⁰⁰ и успел посетить Элевсин, Дельфы, Фивы, Мегары, Коринф, Аргос, Микены, Тиринф, южную Фессалию, а также практически весь Крит³⁰¹. Никитский в 1883-1884 гг. обошел пешком почти всю Грецию, посещая места раскопок и знакомясь с эпиграфическими материалами местных музеев³⁰². Ученому удалось сделать самостоятельное открытие ранее неизвестного науке храма Асклепия в Навпакте³⁰³. В 1890 г. Р.Х. Лепер отправился в сначала в Грецию, а затем в Италию. В общей сложности его командировка длилась почти четыре года, что является беспрецедентным случаем для этого периода³⁰⁴. Участие в археологических раскопках так увлекло Лепера, что он посвятил им большую часть своей жизни.

Показательным в данном ключе является маршрут командировки А.Н. Щукарева. Изначально назначенные ему в 1885 г. два года он решил полностью посвятить Греции, преимущественно работая в музеях и принимая участия в крупных археологических раскопках³⁰⁵. По истечении назначенного срока его командировка была продлена еще на год, который ученый решил разделить, прожив по полгода в Италии и Германии. В Италии Щукарев большую часть времени находился в Риме, посещая музеи и галереи, но также успел совершить несколько экскурсий в Сицилию, Неаполь, Помпеи и Тоскану³⁰⁶. В Берлине Щукарев слушал лекции Кёлера и

³⁰⁰ Граков Б.Н. Николай Иванович Новосадский (80 лет жизни и 55 лет ученой деятельности) // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 173.

³⁰¹ Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц окончивших курс института. Часть 1. Выпуски I—XXIII (1867-1917) / Под ред. В.В. Латышева. Петроград: Изд-во «Научное дело». 1917. с.222-225.

³⁰² Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц окончивших курс института. Часть 1. Выпуски I—XXIII (1867-1917) / Под ред. В.В. Латышева. Петроград: Изд-во «Научное дело». 1917. С. 200.

³⁰³ Яйленко В.П. А.В. Никитский (к 50-летию со дня смерти) // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 176.

³⁰⁴ Басаргина Е.Ю. Указ. соч. С. 228.

³⁰⁵ Жебелев С.А. Памяти Александра Николаевича Щукарева. СПб: Изд-во «Типография И.Н. Скороходова. 1900. С. 2-3.

³⁰⁶ Там же. С. 4.

Гиршфельда, а также присутствовал при объяснении памятников музеев Роберта Фуртвенглера³⁰⁷. Ростовцев в написанном им некрологе Щукарева отмечает, что покойный, находясь в Германии, слушал Г.Р. Кирхгофа и Э.Р. Курциуса³⁰⁸. Таким образом, Щукарев, следуя сложившейся модели командирования, изначально планировал все отведенное время посвятить лишь Греции и не собирался посещать Германию. О продлении своей командировки он узнал лишь по окончании второго года пребывания за границей, на что нам указывают оба некролога, написанные его близкими друзьями Ростовцевым и Жебелевым. Только продление командировки на третий года сподвигло Щукарева обратиться к ресурсам Германии.

В тоже время, «новую» модель построения командировок нельзя абсолютизировать. Говоря о том, что ее придерживалась большая часть антиковедов и филологов-классиков данного периода, мы должны отметить, существование наравне с ней различных варианты маршрутов, которые все же мы будем рассматривать как исключения из общей картины. Например, из нее выбивается Г.Ф. Шульц. В период своей командировки 1883-1885 гг. он находился все время в Лейпциге, Берлине и Бонне, не посетив Грецию, родину Софокла, которому была посвящена его диссертация, что в целом нетипично для антиковедения³⁰⁹. Командированный в 1892 г. М.М. Покровский за два года побывал в Германии, Франции и Италии, что соответствует «классической» модели командировок³¹⁰. О его командировке нам также известно немного, лишь то, что он уделял особое внимание изучению языков.

В период с 1895 по 1898 гг. в заграничных командировках находился М.И. Ростовцев. Ранее уже отмечалось, что это был не первый его выезд за

³⁰⁷ Там же. С. 5.

³⁰⁸ Ростовцев М.И. Памяти Александра Николаевича Щукарева // Журнал министерства народного просвещения. 1900. Часть СССXXXII. С. 48.

³⁰⁹ Бузескул В.П. Г.Ф. Шульц (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XIV. 1908. С. 118-122.

³¹⁰ Смирнова Е.А. Покровский Михаил Михайлович. URL: <http://www.ras.ru/nappelbaum/d886705d-f2ee-4822-9c8d-71d77629f195.aspx?hidetoc=1> (дата посещения 02.09.2021).

границу с ученой целью. В 1893 г. он совершил самостоятельно путешествие за счет собственных средств и средств семьи в Италию, где посетил Рим и Помпеи³¹¹. Там он познакомился с Августом Мау, и тот произвел на молодого русского ученого неизгладимое впечатление и во многом повлиял на его дальнейшие научные интересы. Мау не только читал лекции по истории города, но и допустил Ростовцева до участия в полевых работах. Практическим результатом этих работ стала научная публикация «О новейших раскопках в Помпеях»³¹². Вскоре после возвращения в Россию Ф.Ф. Зелинский добился для Ростовцева командировки за границу с 1895 по 1898 г. Весной 1895 г. М.И. Ростовцев отправляется в Константинополь, а затем в Афины и принимает участие в путешествии по островам Эгейского моря, городам Малой Азии и, самое главное, Трои, организованном директором Афинского отделения Германского археологического института Вильгельмом Дёрпфельдом. Некоторое время он снова пребывает в Афинах, слушая в местных музеях лекции профессора Пауля Вольтерса об античной скульптуре и вазовой живописи³¹³. В июле совершает пятнадцатидневное путешествие по Пелопоннесу, знакомясь с результатами производимых здесь немцами раскопок³¹⁴.

В августе Ростовцев вновь отправился в Италию, работал в библиотеке Германского археологического института и принимал участие в раскопках, изучал недавно открытый Дом Веттиев, вместе с Паулем Вольтерсом посетил расписные гробницы и музей в Корнето. В ноябре переехал в Вену, где прослушал курс лекций по латинской эпиграфике одного из учеников Т.

³¹¹ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 147; Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. №1. С.30-31.

³¹² Алипов П.А. Указ. соч. С.30-31.

³¹³ Тункина И.В. М.И. Ростовцев на перекрестке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. №4. С. 242.

³¹⁴ Зуев В.Ю. М.И.Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман. М.: Изд-во «РОССПЭН». 1997. С. 56.

Моммзена Евгения Бормана, которого посчитал «идеалом учителя»³¹⁵, предпринял ряд экскурсий по памятникам Австро-Венгрии³¹⁶. В мае 1896 г. М.И. Ростовцев совместно с Н.П. Кондаковым посетил музеи Вероны и Милана, а затем, объехав ряд городов Испании, изучал результаты проведенных там археологических раскопок. Далее в Париже под руководством М. Пру и Э. Бабелона получил солидную практику нумизматических исследований. В ноябре 1896 г. М.И. Ростовцев возвращается в Рим, где активно занимается работой над диссертацией. В апреле 1897 г. путешествовал по «римской Африке» - Тунису и Алжиру, на неделю съездил в Лондон и через Париж снова вернулся в Рим, продолжая работать над диссертацией³¹⁷. В это же время он вел активную переписку с выдающимися учениками Т. Моммзена О. Гиршфельдом и У. Вилькеном, которые, как считают исследователи, значительно повлияли на научное мировоззрение М.И. Ростовцева³¹⁸.

К возвращению в Россию в 1898 г. М.И. Ростовцев окончательно сформировался как ученый. Была готова его магистерская диссертация, опубликованы 20 статей в самых солидных европейских изданиях. М.И. Ростовцев имел за плечами серьезный опыт археологической работы и выбрал знания и навыки исследовательской деятельности от ведущих специалистов Италии, Германии, Франции, являлся членом-корреспондентом Германского археологического института³¹⁹. В своих письмах С.А. Жебелеву М.И. Ростовцев подчеркивал, что время, проведенное за границей, не было ни минуты потрачено впустую³²⁰, даже в дни болезни, напавшей на него в Афинах, не переставал посещать библиотеку и читать литературу³²¹. В дальнейшем он станет профессором Петербургского университета,

³¹⁵ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 380.

³¹⁶ Тункина И.В. Указ. соч. С. 246.

³¹⁷ Зуев В.Ю. Указ. соч. С. 57.

³¹⁸ Обидина Ю.С. Указ. соч. С. 8.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 378. Письмо № 6 от 8 октября 1895 года.

³²¹ Там же. С. 373. Письмо № 2 от 15 июня 1885 года.

действительным членом Российской Академии наук, одним из самых авторитетных исследователей в столичных научных кругах и одним из родоначальников социально-экономического направления в отечественном антиковедении³²².

Путешествие М.И. Ростовцева по всей Европе было очевидным исключением из сложившейся практики. Его учитель Ф.Ф. Зелинский в своей автобиографии указывал, что успехи и плодотворная работа за границей М.И. Ростовцева наводит его на мысли о том, что из своей командировки он мог бы взять намного больше и с большей пользой провести те годы³²³. В рядах антиковедов сравнить командировку Ростовцева можно лишь с А.М. Мироновым, магистром теории и истории искусств. Занимаясь изучением греческой вазовой живописи в течение двух лет, он побывал в Берлине, Дрездене, Лондоне, Париже, Венеции, Флоренции, Риме, Неаполе, Афинах и Константинополе, совершил научные поездки по Аттике и Пелопоннесу³²⁴.

В начале XX века институт заграничных командировок меняет механизмы своей работы и форму организации. В конце XIX века наметилась тенденция к открытию постоянно действующих русских институтов при зарубежных университетах.

Первым опытом в данном вопросе стало создание Русской филологической семинарии (позднее Русский филологический институт) при Лейпцигском университете. Лучшие выпускники отечественных классических гимназий имели возможность пройти в его стенах бесплатное трехлетнее обучение под руководством ведущих филологов Лейпцигского университета и по итогам обучения получить диплом, приравненный к

³²² Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999. С. 355.

³²³ Зеленский Ф.Ф. Указ. соч. С. 93.

³²⁴ Сыченкова Л.А. Алексей Максимович Миронов – попытка реабилитации // Гасырлар авазы - Эхо веков: научно-документальный журнал. 2004. №1. С. 76.

дипломам российских университетов³²⁵. В 1887 г. был открыт аналогичный Русский институт Римского права при Берлинском университете³²⁶.

Ранее мы упоминали о попытках Латышева создать Русский археологический институт в Афинах, который все же был открыт, но в Константинополе, и оказался в дальнейшем более значим для отечественной византистики, нежели антиковедения.³²⁷ Два данных прецедента вылились в 1911 г. в целенаправленную политику министра народного просвещения А.Л. Кассо по открытию целой сети постоянно действующих институтов при ведущих зарубежных университетах для ряда специальностей. Они должны были стать альтернативой привычной практике заграничных командировок и со временем вытеснить ее.

В период с 1912 по 1914 г. были открыты соответствующие институты в ряде городов Германии и Франции по техническим, юридическим и естественнонаучным специальностям³²⁸. Однако вскоре начавшаяся война «приказала» свернуть работу институтов, причем не только в Германии, но и в 1915 г. в Париже. Что касается исторической науки, она не была затронута политикой Кассо, постоянно действующих институтов для историков открыто не было. Тем не менее наша наука пострадала от сложившегося в результате деятельности нового министра неравномерно распределяемого финансирования. Финансы, выделяемые на заграничную подготовку молодых ученых, теперь преимущественно направлялись на работу открытых Кассо институтов, в то время как традиционные командировки отошли на

³²⁵ Птицин А.Н. Русская филологическая семинария в Лейпциге и эмиграция австро-венгерских славян в Россию // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 97-102.

³²⁶ Карцов А.С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. *Jus Antiquum*. 2003. № 2(12). С. 120-145.

³²⁷ Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2004. С. 286.

³²⁸ Дмитриев А.Н. Заграничная "аспирантура" как институт подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Томск. 2012. С. 68.

второй план, что привело к уменьшению потока за границу представителей ряда научных дисциплин, в том числе и историков³²⁹.

В целом институт заграничных командировок оправдывал предъявляемые ему ожидания. В большинстве случаев молодым ученым успешно удавалось собрать материал, необходимый для написания магистерской или докторской диссертации, обогатить отечественную науку новыми теориями, подходами и методами как исследовательской, так и преподавательской деятельности. На данном этапе развития отечественного антиковедения чрезвычайной важной ролью командировок стала возможность участия наших ученых в археологических раскопках по всему ареалу античной цивилизации, что позволяло нашей науке быть в курсе новейших открытий. Немногочисленными были случаи, когда командировка проходила для молодого ученого безрезультатно³³⁰. Командировки уже состоявшихся преподавателей. Таким образом, в целом институт заграничных командировок можно оценить, как весьма эффективный и важный инструмент развития отечественной науки об античности. В заключение данного раздела отметим имена тех выдающихся антиковедов, которые в рассматриваемый период прошли через институт заграничных командировок: В.К. Ернштедт, В.В. Латышев, А.В. Никитинский, А.Н. Щукарев, Ф.Ф. Зелинский, Б.Л. Богаевский, И.М. Гревс, М.И. Ростовцев, В.А. Шефер, Б.Р. Виппер, С.А. Селиванов, Э.Р. Штерн, Б.В. Варнеке, Е.Г. Кагаров, Ю.А. Кулаковский Р.Х. Лепер, М.Н. Крашенников, Д.Н. Корольков, А.В. Никитский, Н.И. Новосадский, А.С. Селиванов.

Подводя общие итоги данной главы, мы приходим к выводу, что в научно-образовательном аспекте институализация антиковедения в конце XIX – начале XX века продвинулась достаточно далеко и представляла собой развитую систему институтов, позволяющую эффективно осуществлять

³²⁹ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 215.

³³⁰ Свешников А.В. Указ. соч. С. 878.

подготовку ученых специалистов по античному миру. Она включала в себя специализированную кафедру классической филологии и ряд кафедр, связанных с изучением античного мира, классическое отделение, позволяющее студенту сосредоточить свое обучение на выбранной области истории; «оставление при университете» и командирование за границу институализировали подготовку высших научно-педагогических кадров. Последние два являлись институтами общенаучными, в то же время имели определенную специфику, характерную именно для их функционирования применительно к подготовке будущих антиковедов в виде особых программ сдачи магистерских экзаменов для получения ученой степени, специально установленных трехгодичных сроков командирования и специальных маршрутов командирования. Органично дополняет эту систему неформальный институт домашних семинаров, значительно повлиявший на формирование в России первых научных школ в среде антиковедов и внесший важный вклад в профессиональное становление ряда крупных ученых, прошедших через него.

В то же время мы наблюдаем некоторые факторы, затормаживающие дальнейший ход институализации антиковедения в данном аспекте. Во-первых, государственная политика со свойственными ей в рассматриваемый период консерватизмом и симпатиями, иногда чрезмерными, даже фанатичными, к классицизму, вылившимися в попытку ликвидировать специализации на историко-филологическом факультете и превратить его в «рассадник филологии». Во-вторых, особенности представлений самих ученых о месте истории античности в системе наук и ее соотношении с классической филологией, очевидно, были еще далеки от признания их отдельными научными дисциплинами и осознания необходимости их институционального разделения путем создания отдельной сугубо исторической кафедры по античной истории и соответствующего ей отделения для студентов-антиковедов, а также отдельного от филологов-классиков разряда наук. Вероятно, этими недостатками институализации

объяснимы имевшие место «миграции» историков, занимающихся сюжетами античной истории, на кафедру всеобщей истории и защитами диссертаций по соответствующему разряду. Безусловно, это было выходом для отдельных студентов и «аспирантов», не желавших связывать свое обучение с обилием филологии, однако для научного сообщества в целом это могло обернуться негативными последствиями и с точки зрения глубины подготовки студентов, и с точки зрения выбора области своих научных интересов будущего ученого. В данный период мы наблюдаем, как другие области всеобщей истории уже отделились от филологии, что ярко выражено в системе кафедр и программах исторического и романо-германского отделений. Институциональное разделение историков-антиковедов и филологов-классиков произойдет только в советское время.

С историографической точки зрения, наиболее важным для нас вопросом является попытка понять, как рассмотренные институты повлияли на содержательную сторону антиковедения, какой научный результат стал возможным благодаря ним. В рамках рассмотренной главы, мы можем предположить, что домашние семинары в значительной степени влияли на формирование научных интересов и методологических подходов будущего учёного. Так например, самые первые научные работы Жебелева, напечатанные еще в студенческие годы, т.е. во время посещений домашних семинаров Соколова, демонстрируют в нем яркого приверженца историко-эпиграфической школы своего наставника³³¹. В частности, тема и источники для работы медального сочинения³³² Сергея Александровича были подсказаны ему Соколовым³³³. Впрочем сам ученый, подводя итоги собственной научной деятельности, в первую очередь считал себя эпиграфистом, так как большая часть его научных трудов была посвящена

³³¹ Жебелев С.А. К истории диадохов // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Часть ССLXVI. С. 13-32.

³³² Он же. Религиозное врачевание в Древней Греции. 1893. Тип. И.Н. Скороходова. – 63 с.

³³³ Санкт-Петербургские антиковеды. Жебелев Сергей Александрович (1867-1941) // URL: <http://centant.spbu.ru/spbant/db/zheb.html> (дата обращения 23.03.2023).

работе с античными надписями и извлечению из них фактов, в чем проявилась, по его собственному утверждению, приверженность «Соколовской школе»³³⁴.

А.Н. Щукарев прямо отмечал в предисловии своей диссертации, что ее тема родилась на домашних семинарах Соколова и была написана в русле сформированной наставником научной школы, что подтверждает тематика, подход и методология автора: «Глубокую благодарность считаю своим долгом выразить здесь моему многоуважаемому учителю Ф.Ф. Соколову, на вечерних беседах которого родилась первая мысль настоящей работы»³³⁵.

Аналогичным образом и Ернштедт утверждал, что большую часть своей научной деятельности посвятил эпиграфике, любовь и навыки которой привил ему Соколов на своих семинарах³³⁶. Под влиянием учителя сформировались научные интересы Ернштедта. Не считая его первой научной работы о Светонии, он посвятил все свое ученое творчество греческой филологии и эпиграфике, занимаясь изучением текстов малых аттических ораторов и греческих надписей³³⁷. Известно, что пребывая за границей, он вел переписку со своим учителем и советовался по поводу выбора надписей для исследования³³⁸.

Таким образом, мы можем предполагать, что домашние семинары во многом определяли научное творчество ученого, как минимум закладывая, а иногда и определяя его методологические установки и тематические предпочтения, напрямую связанные с преподавателем домашних семинаров.

Заграничные командировки, по нашему предположению, также влияли на научный результат исследователей сразу по нескольким направлениям: 1)

³³⁴ Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 179.

³³⁵ Щукарев А.Н. Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р.Х. (300-265 гг. до Р.Х.). СПб. 1889.С. 1.

³³⁶ Никитин П. В. В. К. Ернштедт [некролог]. Извлечение из протокола заседаний Академии // Известия императорской Академии наук. 1902. Т. 17. № 2. С. 2.

³³⁷ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб: СПбГУ. 1999. С. 219-221.

³³⁸ Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учёными и современниками // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. - СПб.: Дм. Буланин. 2004. С. 75.

за границей собирался археологический и эпиграфический материал, который в дальнейшем превращался в научные статьи и диссертации. Практически все командированные за границу по возвращению написали диссертации на основе обобранных материалов. 2) Во время командировок приобретался опыт участия в раскопках и сотрудничества с более опытными зарубежными коллегами, который в дальнейшем применялся к исследованиям отечественного материала. В некоторых случаях мы можем наблюдать прямое переложение такого опыта на последующую работу.

В частности, М.И. Ростовцев во время своей заграничной командировки в роли «аспиранта» принимал участие в археологических раскопках Помпей под руководством А. Мау, результатом³³⁹ чего стала его первая опубликованная научная работа «О новейших раскопках в Помпеях»³⁴⁰. В дальнейшем во время пребывания в Европе и по возвращению в Россию он опубликовал целый ряд статей в отечественных и зарубежных журналах по археологическим материалам, с которыми познакомился, пребывая за границей и в обнаружении которых сам принимал участие³⁴¹. Полученный опыт работы с археологическим материалом в дальнейшем он применит для исследования памятников Северного Причерноморья, результатом чего станет ряд трудов, а также выступления на международных конгрессах, где Ростовцев выступит в роли организатора работы российской делегации в области исследований античного юга России³⁴²; наконец, он издаст атлас античной декоративной живописи по

³³⁹ Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. №1. С. 31.

³⁴⁰ Ростовцев М.И. О новейших раскопках в Помпеях // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Часть ССХСІ. С. 45–101.

³⁴¹ Ростовцев М.И. Археологическая хроника римского запада. I. Форум; II. Fora Цезарей; III. Капитолий // Филологическое обозрение. 1895. Т. 9. С. 89-124; Новое о Пантеоне // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Часть ССХСVIII. С1-11; Археологическая хроника римского запада. IV. Палатин // Филологическое обозрение. 1896. Т. 10. С.131-162; Помпеи за 1893-1895 гг. // ЗИРАО. 1896. Т. VIII. Вып. 3-4. С. 307-393. Прочие см.: Зуев В.Ю. Материалы к библиографии Ростовцева // Скифский роман. М.: Изд-во «РОССПЭН». 1997. С. 200-233.

³⁴² См. Глава 3.

материалам Северного Причерноморья опираясь на опыт работы с декоративной живописью в Помпеях³⁴³. Другим результатом командировки стал сбор материалов и написание по ним диссертации, которую историк успешно защитил, в следующем после своего возвращения 1899 г.³⁴⁴. Также для нас в этом вопросе важно то, что сама тема исследования, сформировалась у него под влиянием Е. Бормана, который побудил Ростовцева заняться исследованием недавно найденной в Галикарнассе надписи, содержащей сведения о римских откупщиках³⁴⁵. П.А. Алипов полагает, что именно в этих первых работах сложились методологические установки Ростовцева, которых тот будет придерживаться на протяжении всей жизни³⁴⁶.

В.В. Латышев пешком обошел практически всю Грецию, работая в местных музеях и на местах археологических раскопок, что в свою очередь вылилось в написанную им диссертацию. Уже с первого года пребывания в командировке он начал активно публиковать результаты своих трудов. В ЖМНП вышла целая серия его статей под общим названием «Эпиграфические этюды», а также несколько статей в ведущих европейских журналах³⁴⁷. Также можно предположить, что опыт скрупулёзного сбора большого пласта надписей по многочисленным музеям Греции в дальнейшем был полезен ученому уже на отечественном материале при составлении знаменитого «Свода античных надписей, найденных в Северном Причерноморье», при работе над которым Латышев аналогично объехал все музеи страны, где только можно было найти необходимый материал.

Схожий пример являет и командировка Б.Л. Богаевского: находясь в Германии с целью сбора материалов для своей диссертации и последующих

³⁴³ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб: Изд-во Имп. арх. комиссии. 1913. – 123 с.

³⁴⁴ Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. №3. С. 150.

³⁴⁵ Там же. С. 147.

³⁴⁶ Алипов П.А. Указ. соч. С. 31.

³⁴⁷ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб: СПбГУ. 1999. С. 227-228.

работ, касающихся земледельческих культов Афин, молодой ученый осознал, что ему необходимо непосредственно погрузиться в сельскую жизнь Аттики и увидеть ее своими глазами, прикоснуться к памятникам изучаемого прошлого. Реализуя эту задачу, вторую часть своей командировки он провел в Греции, где, по собственному признанию, много путешествовал по сельской местности, общался с крестьянами, обнаруживая в их быте много пережитков, оставшихся от античного времени³⁴⁸.

Таким образом, мы видим, что выстроенная система институтов в области высшего образования и подготовки высших научно-педагогических кадров не просто работала эффективно сама по себе, но реализовывала свою наиболее важную задачу – способствовала повышению результативности научной работы ученых, влияя на содержательную сторону науки.

³⁴⁸ Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. СПб: Тип. М.А. Александрова. 1916. С. 4.

Глава 2. Институционализация отечественного антиковедения в области специальных периодических изданий

Согласно намеченному во введении пути исследования в данном разделе нашей работы мы перейдем ко второму, выделенному Ив Жэнгра, аспекту институционализации науки или новой научной дисциплины – возникновению специализированных научных периодических изданий.

Можно согласиться с мнением исследователей философии науки о том, что необходимыми условиями существования и эффективного функционирования науки являются открытость и доступность для всех ее представителей сведений о ее состоянии и о ее достижениях, как новых и актуальных, так и представляющих историографический интерес³⁴⁹. В условиях в XIX – начала XX в. единственным элементом научной инфраструктуры, способным обеспечить эти условия, являлись научные периодические издания. Обращаясь к ним, исследователь получал доступ ко всему массиву публикаций по конкретной тематике, области знаний или дисциплине, оценить степень разработанности того или иного вопроса, узнать новости из жизни научного сообщества, ознакомиться с рецензиями на исследования, инициировать дискуссию или увидеть результаты уже прошедшей. Научные периодические издания выполняли ряд важных функций, необходимых для эффективной работы науки: информационную, коммуникационную, организационную, методологическую³⁵⁰. Соответственно, с точки зрения институционализации отечественного антиковедения, важным является вопрос о наличии подобных журналов и их способности обеспечивать выполнение названных функций для исследуемого направления науки.

³⁴⁹ Новая философская энциклопедия в 4-х томах/ Научно.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. - М.: Мысль, 2000. — Т. 1—4. — 2659 с. (2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1. С. 627-628.

³⁵⁰ Кармазина О.В. Антиковедение в России (1834-1917 гг.) по материалам Журнала Министерства народного просвещения: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: 1999. С. 197-198.

В результате проведения данной работы мы пришли к выводу о том, что в отечественной науке в настоящий момент достаточно слабо разработан теоретический вопрос о сущности понятия «специализированного журнала» или «специализированного периодического издания». Чаще всего в работах, посвящённых как современным журналам, так и дореволюционным, мы наблюдаем у авторов исследований решение вопроса о специализации издания через его тематическую направленность на освещение определенного круга вопросов с ориентацией на удовлетворение потребностей определенной аудитории, рассмотрение конкретной и четко обозначенной проблематики или публикацию материалов по одному направлению³⁵¹. Другими словами, под специализированным журналом рассматривается любое периодическое издание, посвящённое относительно узкой тематике, конкретному ряду вопросов, или адресованное определенному кругу профессионалов. Аналогичный подход предлагают нам авторы методологических трудов по данному вопросу, например А.И. Акопов³⁵². Согласно предложенной им классификации специализированность периодического издания выделяется через понятие целевого назначения: «Для специализированных журналов целевое назначение определяется исходя из воздействия на соответствующую аудиторию, рода деятельности и квалификационного уровня читателей, которым эти журналы адресованы. Специальные журналы, независимо от их отраслевой принадлежности,

³⁵¹ Ростовская Ю.В. Журналы путешествий. История развития специализированной периодики в России // Вопросы теории и практики журналистики 2012. № 2. С. 206-213; Щерова М.С. Способы взаимодействия с читательской аудиторией в специализированной периодике (на примере журнала «Искусство и художественная промышленность, 1898-1901 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 223-226; Семенова А.Л. Специализированный философский журнал и «журнал направления» в истории русской философской публицистики начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 250-258; Сидорчук О.Н. Торговля Сибири в освещении «толстых» и «тонких» журналов второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4(20). С. 43-55; Карпюк С.Г. «Вестник древней истории»: начало // Вестник древней истории. 2017. № 3. С. 769-778.

³⁵² Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск: изд-во Иркутского ун-та. 1985. С. 8.

предназначены для научных работников, широкого круга специалистов-теоретиков и большого отряда работников, обслуживающих данную отрасль». Исходя из этого, забегая вперед, отметим, что исследуемые нами во второй части данной главы периодические издания середины XIX–начала XXв.: «ПроPILEИ», «Филологическое обозрение», «Гермес» и Отдел классической филологии ЖМНП, выходявший также отдельным сборником, могут быть определены как специальные журналы по античной истории и классической филологии. Возможность применения такого подхода также легитимируют оценки современников указанных журналов, считавших их специализированными и научными.

Специальные научные периодические издания по античной истории и классической филологии дореволюционного периода практически не исследовались в нашей науке, более того, никогда не рассматривались комплексно. Поэтому мы считаем целесообразным в рамках данной главы исследовать периодические издания не только интересующего нас хронологического периода – конца XIX – начала XXвека, но также обратиться к более раннему времени, чтобы сформировать комплексную картину институциализации антиковедения в аспекте становления специальных периодических изданий.

Здесь же отметим, что источники по работе дореволюционных журналов не многочисленны, архивные документы сохранились лишь в редких случаях. Основным источником при таком положении дел для нас выступают воспоминания редакторов и сотрудников журнала или людей близких к ним, а также сами журналы, их структура, содержание, типы статей, размещаемых на их страницах, группировка материала, преобладание той или иной тематики, состав авторов. Своего рода уникальным источником выступают материалы о работе журнала публикуемых в нем же, такие как финансовые отчеты. Отметим здесь и вводные статьи первых номеров «Филологического обозрения» и «Гермеса» где редакции сами объяснили цели выпуска изданий. Описанный круг источников открывает большой

простор для анализа разных сторон работы журнала и позволяет реконструировать его историю, однако некоторые вопросы все же останутся не раскрытыми из-за отсутствия более информативных источников. В частности, мы мало что можем сказать о внутренней работе редакции, о взаимоотношениях редакторов и авторов, в общем о том, что остается за пределами печатного листа.

2.1. Специальные периодические издания по антиковедению первой половины XIX в.

На протяжении длительного времени работы по всеобщей истории и антиковедению публиковались в общенаучных и в общеисторических журналах, таких как «Вестник всемирной истории», «Вестник Европы», «Русский вестник», в общих отделах «Журнала Министерства народного просвещения» (далее – ЖМНП), а также «Записках» и «Известиях» университетов и различных научных обществ общенаучной направленности. В качестве примера последних можно привести «Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета», на страницах которых публиковали успешно защищенные диссертации и сочинения медалистов со всего факультета. Однако по мере развития и дифференциации науки ученое сообщество стало достаточно отчетливо ощущать необходимость в создании собственных обособленных информационных каналов.

Попытки создания таких специальных изданий в России были предприняты еще в начале XIX века. Они представляли собой не периодические издания, а продолжающиеся нерегулярные издания в виде выходивших небольшим количеством номеров сборников статей преимущественно самого издателя³⁵³. Подобные попытки были предприняты в 1813-1821 гг. К.С. Моргенштерном, преподававшим классическую словесность в Дерптском университете, и И.Я. Кронебергом – ректором Харьковского университета.

Последний, будучи немцем по происхождению, получившим образование в Германии, заняв должность ректора, поставил перед собой цель превратить Харьков в научный центр по примеру европейских. Неотъемлемым атрибутом таких центров являлось наличие периодических научных изданий. В 1825-1826 гг. под его редакцией вышли в свет два

³⁵³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999. С. 148.

выпуска «Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности», а в 1834-1835 гг. выпустил четыре номера сборника статей «Минерва». По своему целевому назначению указанные сборники заявлялись их создателями как направленные на освещение вопросов, связанных с античным миром и классической филологией, однако на их страницах также публиковались труды, касающиеся средневековой и новой истории европейских стран. Сам Кронеберг в предисловии отмечает: «Хотя на заглавном листе и упоминается об одной только древней Классической Словесности, но я буду иногда делать отступление, входя в литературную область новейших народов»³⁵⁴. В действительности подобных отступлений было немало, например, во втором выпуске «Минервы» из 13 размещенных статей лишь одна посвящена античному сюжету «Разбор шести од Горация»³⁵⁵. Характер обоих сборников Кронеберга можно оценить как смешанный – научный и в то же время литературный из-за обилия переводов европейских писателей Нового времени. Также здесь были представлены исследовательские работы по римской и греческой истории, затрагивались политические и общеисторические сюжеты, рассматривалась география Древней Греции. Другая половина представлена переводами античных авторов и немецких классических произведений. В «Амалтее» были опубликованы переводы Илиады, а одна из статей, вышедшая под названием «Афоризмы», представляла собой собрание изречений и мыслей знаменитых деятелей истории, другая – «Clavicula Latina» – являлась собранием комментариев и пояснений к знаменитым латинским выражениям. На страницах «Минервы» Кронеберг сосредоточился на рассмотрении античного искусства, осветил основные теории эстетики немецких ученых А.Г. Баумгартена, Ш. Баттё,

³⁵⁴ Кронеберг И.Я. Предупреждение // Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Часть 1. Харьков: Университетская типография, 1825. С. 1.

³⁵⁵ Он же. Разбор шести од Горация // Минерва. Часть 2. Харьков: Университетская типография, 1835. С. 213-278.

И.И. Винкельмана, М. Мендельсона, И.Г. Сульцера, И. Канта, Б.Б. Гейденрейха, Ф. Шиллера, Ф.В. Шиллинга, кратко изложил взгляд на древние рукописи и литературу Л. Геерена и Л. Вахлера, отдельную статью он посвятил собранию собственных мыслей об истории, искусстве и философии. Здесь же были опубликованы переводы первых шести од Горация. В обоих сборниках помимо работ, вышедших из-под пера издателя, были опубликованы переводы трудов некоторых немецких ученых: «В Амальтее не все мое, но и не все чужое; иное принадлежит мне, иное и мне и другим»³⁵⁶. Среди этих переводов статьи Ф. Якобса³⁵⁷, Г. Фикера³⁵⁸ и И. Гете³⁵⁹.

Схожим образом обстоит дело со сборником «Dörptische Beiträge für Freundeder Philosophie, Literatur und Kunst» (Друзьям философии, литературы и искусства), выходившим по одному выпуску в год с 1813 по 1821 гг. под редакцией Моргенштерна в Дерпте (в Российской государственной библиотеке представлены два выпуска 1813 и 1816 гг.). Здесь мы видим вовлечение в работу более широкого круга ученых, преимущественно германских. Тематика журнала также выходила за пределы античной истории.

Таким образом, мы можем заключить, что первые попытки создания в России периодических изданий по античной истории не были строго тематически специализированы на ней, что соответствовало уровню дифференциации всеобщей истории как научной дисциплины в первой половине XIX в. Также не были они в действительности периодическими, так как выходили в свет не в строго определенные сроки, но по мере накопления

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷Кронеберг И.Я. О избытии пластического искусства у греков и причинах онаго // Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Часть 1. Харьков: Университетская типография, 1825. С. 103-151.

³⁵⁸Кронеберг И.Я. Маргиналии и выписки // Минерва. Часть 3. Харьков: Университетская типография, 1835. С. 87-211.

³⁵⁹Кронеберг И.Я. Илиада // Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Часть 1. Харьков: Университетская типография, 1825. С. 151-169.

материала. Они творились усилиями лишь отдельных энтузиастов, в лучшем случае с привлечением некоторых трудов зарубежных авторов, да и сами эти энтузиасты были тесно связаны с немецкой наукой. Сколько-нибудь значительного вовлечения отечественных научных сил в работу по наполнению этих сборников материалом мы не можем наблюдать в первой половине XIX в. Однако проделанная Кронебергом и Моргенштерном работа была высоко оценена научным сообществом³⁶⁰ и, безусловно, послужила фундаментом для последовавшего зарождения непосредственно отечественной специализированной периодики по антиковедению.

Следующий шаг на этом пути был осуществлен уже в середине XIX в. С 1851 по 1856 гг. профессором Московского университета П.М. Леонтьевым была организована публикация сборника статей, получившего название «Прописи. Сборник статей по классической древности». В предисловии к первому изданию Леонтьев так сформулировал содержание и цель своего творения: «План издания состоит в помещении статей по части классической древности, написанных языком по возможности лёгким и общепонятным, в том роде, как обыкновенно пишутся журнальные статьи, но написанные со знанием дела и усиленно добросовестностью... изложенные в журнальном духе разнообразные сведения о жизни народов Греции и Рима во всех её проявлениях, об их религии, искусстве, литературе, науке, политической истории, общественном и домашнем быте, характеристики замечательных эпох, биографические очерки знаменитых лиц древнего мира ... и переводы первоклассных произведений древней литературы»³⁶¹. Из слов редактора складывается впечатление, будто сборник предполагался как популярный, для широкого круга читателей. В действительности работы, размещенные в нем с самого первого выпуска отличались высоким научным уровнем и даже подвергались критике со стороны современников из-за сложности

³⁶⁰ Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т.2. Харьков: типография Зильберберг. 1904. С. 681-682.

³⁶¹ Прописи. Сборник статей по классической древности. Книга 1. М.: Изд-во «Университетская Типография». 1856. С. 1

материалов, соответствующих уровню научного журнала, вопреки заявленной доступности изложения³⁶².

Сборник был разделен на две части, издаваемые одной книгой. Первая именовалась «Разборы и описания памятников, исследования, характеристики, очерки». Здесь публиковались статьи описательного характера, подробно знакомящие читателя с предметами античного искусства или отдельными коллекциями таких предметов. Речь идет о памятниках, представленных в музеях России и зарубежья, а также в частных коллекциях. Читатель мог ознакомиться с описанием предметов частной коллекции графа С. С. Уварова, купленных им в Риме, которые были недоступны широкой публике, а также с описанием собрания античных статуй О. Монферрана. Ряд статей был посвящён экспонатам отечественных и зарубежных музеев, например, Мюнхенской глиптотеки или Флорентийского музея, здесь же можно упомянуть путеводитель по античному отделению Эрмитажа³⁶³ и статьи об отдельных экспонатах, размещенных в отечественных музеях. Кроме того, публиковалась информация об археологических находках, сделанных на территории Северного Причерноморья. Все статьи в данной рубрике сопровождались рисунками и изображениями. Некоторые материалы, опубликованные в сборнике, были изучены авторами во время заграничных командировок, в том числе самим Леонтьевым. Однако отметим, что в отличие от предыдущих сборников Кронеберга, в «Прописях» было немного трудов самого издателя.

По мере выхода новых номеров статей подобной тематики становилось меньше, в то время как увеличивалось число статей исследовательских. Значительная их часть касалась перевода, анализа и критического разбора текстов древних авторов. На страницах сборника мы видим работы, посвящённые Саллюстию, Тациту, Гомеру, трагедиям

³⁶² Ордынский Б.И. Прописи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П.Леонтьевым. Книга I // Современник. 1851. № 6. С. 33-60.

³⁶³ Стефани Л.Э. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа // Прописи. 1856. Книга 5. С. 257-336.

Софокла и поэмам Овидия, диалогам Платона, комедиям Плавта. Основная часть статей, опубликованных на страницах «Пропилеев», представляла собой конкретно-исторические работы, посвящённые отдельным персоналиям, быту и обычаям древних греков и римлян³⁶⁴, праву³⁶⁵, философии³⁶⁶, искусству³⁶⁷, поднимались вопросы социально-экономической тематики³⁶⁸. М.С. Куторга опубликовал здесь статью о законах Клизфена³⁶⁹, а И.К. Бабст³⁷⁰ – об Антонии и Клеопатре, П.Н. Кудрявцев разместил в разных выпусках журнала ряд статей, посвящённых известным римским женщинам, а П.В. Тиханович в то же время рассматривал вопрос о быте и повседневной жизни римлянок, тема повседневности поднималась также и в отношении прочих вопросов³⁷¹.

Особенно важно обратить внимание на то, что в отличие от сборников Кронеберга и Моргенштерна, по своей тематике «Пропилеи» действительно неотступно освещали вопросы, связанные с античным миром.

Вторая часть сборника называлась «Сведения о трудах новейших ученых по части классической древности». По объёму она была несравнимо меньше первой. В ней размещались работы биографические, посвящённые крупным ученым Европы, некрологи, а также краткая информация о наиболее значимых исследованиях и достижениях зарубежной науки, рецензии и обзоры на труды немецких коллег.

³⁶⁴ Тиханович П.В. Брак и свадебные обряды древних римлян // Пропилеи. 1854. Книга 4. С. 209-255; Данц А. День в римском цирке // Пропилеи. 1853. Книга 3. С. 245-271.

³⁶⁵ Международное право древних греков. Пер. Каченовский Д.И. // Пропилеи. 1856. Книга 5. С. 225-257.

³⁶⁶ Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии // Пропилеи. 1851. Книга 1. С. 305-359; 1853. Книга 3. С. 61-145.

³⁶⁷ Благовещенский М.Н. О гиерантике в древнем греческом искусстве // Пропилеи. 1851. Книга 1. С. 3-43; Леонтьев П.М. О различии стилей в греческом ваянии. Там же. С. 43-59; Шестаков С.Д. О роли параситов в древней комедии. Там же. С. 179-223; Гёрц К.К. О портретном искусстве у древних // Пропилеи. 1856. Книга 5. С. 151-193; Герц М. Литераторы и публика в Риме // Там же. С. 125-151.

³⁶⁸ Штар А. О положении художника в греческом обществе // Пропилеи. 1856. Книга 5. С. 193-225.

³⁶⁹ Куторга М.С. Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клизфена // Пропилеи. 1853. Книга 3. С. 145-188.

³⁷⁰ Бабст И.К. Антоний и Клеопатра // Пропилеи. 1854. Книга 4. С. 165-209.

³⁷¹ Ордынский Б.И. Занятия молодого афинянина // Пропилеи. 1851. Книга 1. С. 153-179.

Особого внимания заслуживает авторский корпус «Пропилеев», большую часть которого составляли профессиональные историки, профессора российских университетов, занимавшиеся античностью или всеобщей историей: М.С. Куторга, П.М. Леонтьев, Б.И. Ордынский, И.К. Бабст, П.Н. Кудрявцев, Н.М. Благовещенский, Д.Л. Крюков, П.В. Тихонович, Т.Н. Грановский. По мнению С.И. Радцига, Леонтьеву удалось объединить в работе над данным сборником «все крупнейшие силы нашей науки»³⁷². Таким образом, у нас не вызывает сомнений серьезный научный уровень данного издания, а содержательный анализ статей сборника убеждает нас в его специализации на вопросах античной истории и классической филологии.

Исследовавшая ЖМНП О.В. Кармазина утверждает, что, несмотря на значительный авторитет ЖМНП как самого крупного научного журнала этого времени, в период функционирования «Пропилеев» отечественные ученые-антиковеды стремились разместить свои труды именно в этом издании, на что указывает сокращение количества публикаций по античной истории и рецензий на труды антиковедов в самом ЖМНП³⁷³.

Безусловно, «Пропилеи» издавались как сборник статей, однако мы не можем не обратить внимание на его сходство с издаваемыми в этот период научными журналами. По этому вопросу стоит отметить продолжительность и регулярность выпуска книг, хотя срок их выхода также не был определен четкими датами и осуществлялся по мере накопления материала, а также наличие общей для всех частей структуры, во многом копирующей структуру журналов того времени. На это сходство обращали внимание и современники, часто сравнивая сборник Леонтьева с научными журналами³⁷⁴. В конце концов, и сам создатель журнала в уже цитированном нами ранее предисловии к первому изданию подчеркивает, что материалы

³⁷²Радциг С.И. Из истории кафедры классической филологии Московского университета // Вопросы классической филологии. Выпуск 1. М: Изд-во Московского ун-та. 1965. С. 186.

³⁷³ Кармазина О.В. Указ. соч. С. 81.

³⁷⁴ Ордынский Б.И. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Книга I // Современник. 1851. № 6. С. 45.

будут излагаться в «журнальном духе». Немаловажно и то, что во второй половине XIX в. прямую преемственность дела Леонтьева проводили редакция ЖМНП при создании специального отдела по классической филологии и создатели «Филологического обозрения»³⁷⁵. Уже в советской историографии сборник Леонтьева был охарактеризован как «прообраз будущих специальных журналов»³⁷⁶. В рамках данной работы мы присоединимся к представленной оценке. Сборник «Пропилеи» не был в полном смысле слова научным журналом, однако являлся успешной попыткой создания научного продолжающегося ежегодного издания, специализирующегося на вопросах античного мира. В соответствии с этим, на наш взгляд, «Пропилеи» следует рассматривать как своего рода переходный этап от формата сборников Кронеберга и Моргенштерна к формату непосредственно научного журнала.

«Пропилеи» внесли значимый вклад в нашу науку об античности. Современники достаточно активно отреагировали на появление нового научного сборника³⁷⁷ и высоко оценили его уровень и значимость: «Успехов этому полезному изданию душевно желают все друзья науки»³⁷⁸. Сборник Леонтьева хвалили за удачность идеи, отмечая, что подобные попытки познакомить читателя с классической древностью в России предпринимались последний раз достаточно давно и не слишком удачно: «По нашему убеждению, деятельность самых знаменитых предшественников г. Леонтьева... не имела такого плодотворного значения и не принесла такой

³⁷⁵ Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 1-4; Об издании отдела классической филологии в виде приложения к журналу министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Часть CLXIX. С. 5.

³⁷⁶ От редакции. 250 лет Академии Наук СССР и изучение древней истории // Вестник древней истории. 1974. № 2. С. 6.

³⁷⁷ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. Том 2. М: Изд-во Гослитиздат. 1949. С. 544-580; Шестаков С. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым // Отечественные записки. 1852. №6. С. 49-70; Редакция. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. II. М. 1852 // Библиотека для чтения. 1852. № 7. С. 484-517; Ордынский Б.П. Указ. соч. 33-60.

³⁷⁸ Там же. С. 33.

пользы, которую приносит и обещает приносить деятельность печатного издания «Пропилеи»³⁷⁹. В заслугу ставили даже сам факт продолжительности выхода сборника. Особенно наше внимание обращает на себя отзыв Благовещенского, указывающий на то, что создание подобного сборника оказалось востребованным среди специалистов: «...Это прекрасное издание составляет решительную потребность для того довольно многочисленного у нас класса людей, для которых полное, по возможности, ознакомление с классической филологией составляет некоторым образом служебную обязанность»³⁸⁰. Спустя почти 20 лет и Министерство народного просвещения на страницах своего журнала оценило «Пропилеи» как «в высшей степени полезный сборник»³⁸¹. Но в то же время звучала и критика как в отношении отдельных статей и их содержания, так и самого подхода к составлению сборника. Например, Ордынский отмечал, что первая книга большей частью посвящена вопросам искусства, в то время как, на его взгляд, не помешало бы разнообразие сюжетов.

После 1856 г. «Пропилеи» перестали издаваться, вероятно, в связи с тем, что с этого года Леонтьев сосредоточил свою деятельность на новом детище – журнале «Русский Вестник». Вероятно, также существовали проблемы со сбором материала для выпусков, на что указывает уменьшение объема последних из них.

³⁷⁹ Благовещенский Н.М. Пропилеи. Сборник статей по классической древности изд. П. Леонтьевым. Книга IV // Отечественные записки. 1855. Т.103. Часть 3. С. 1.

³⁸⁰ Там же. С. 2.

³⁸¹ Об издании отдела классической филологии в виде приложения к журналу министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Часть CLXIX. С. 5.

2.2. Специальные периодические издания по антиковедению второй половины XIX – начала XX вв.

Во второй половине XIX в. в силу ряда причин назрела и стала остро ощущаться потребность в существовании специального печатного органа по антиковедению. Здесь можно указать как на объективные закономерности развития данной области науки в стране, – антиковедение успешно развивалось, увеличивалось и количество, и качество исследований, и уровень подготовки исследователей, работающих в этом направлении, так и на особенности государственной политики в сфере образования. В 70-ые годы XIX в. правительство делает очередной поворот в отношении преподавания древних языков. Новое руководство Министерства народного просвещения во главе с Д.А. Толстым теперь рассматривает классицизм как краеугольный камень народного образования³⁸². По принятому в 1871 г. уставу гимназий и прогимназий вновь существенно увеличивается количество ранее сокращенных часов на преподавание латинского языка и в гимназиях возвращается преподавание греческого, ранее отмененного. Один из творцов нового устава М.Н. Катков утверждал, что учебные заведения без преобладания в них преподавания классических языков неизбежно превратятся в «притоны поверхностного учения, расслабляющие юношество вместо того, чтобы укреплять его свежие силы»³⁸³. Однако воплощению реформы в жизнь препятствовали недостаток учителей для гимназий, неудовлетворительный уровень их подготовки и несовершенство методической базы. Требовались новые учебные пособия, сборники с текстами античных авторов, разработка методов преподавания древних языков и т.д. Командированные за границу «аспиранты» перенимали у зарубежных коллег передовые методы преподавания соответствующих

³⁸² Басаргина Е.Ю. Из истории реформы Д.А. Толстого: А.И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. С. 20-23.

³⁸³ Катков М.Н. Наша учебная реформа // Наша учебная реформа: [Ст. из Моск. вед. 1864-1871 гг.]: С прил. [ст.: И.М. Муравьева-Апостола, Т.Н. Грановского, И.С. Аксакова и извлеч. из "Дневника писателя" Ф.М. Достоевского] и с предисл. и примеч. Льва Поливанова. М.: Изд-во «С.Н. Фишер». 1902. С. 36.

дисциплин, но оставалась проблема донесения этих методик до широкого круга учителей. Более того, утверждалась необходимость для учителя быть в курсе основных движений в области научного изучения древнего мира: «Мудрено ли, что при таком состоянии нашей ученой литературы по части классической филологии, преподаватели наши, особенно в более отдаленных частях России, или же недостаточно знакомые с немецким и другими новыми иностранными языками, встречают почти непреодолимые затруднения в своих научных и даже преподавательских занятиях»³⁸⁴. Министерство народного просвещения видело возможным путем решения отмеченных проблем создание специального печатного органа по вопросам научных исследований и преподавания древних языков и древней истории. Подобные материалы печатались в ЖМНП, но, по признанию самой редакции, их появление на страницах журнала «было более или менее редко и случайно, так что у нас в периодической печати до сих пор нет и не было даже и органа, который служил бы постоянно и систематически интересам классической филологии, с одной стороны возбуждая знатоков и любителей оной к научно-литературной деятельности, а с другой – обогащая нашу ученую литературу трудами по этой части и сообщая труженикам на этом поприще необходимые или интересные для них сведения»³⁸⁵. Таким образом, на официальном уровне признавалась необходимость в создании научного периодического издания по античной истории и классической филологии. В результате чего в 1873 г. было принято решение, по которому с 1874 г. каждый выпуск ЖМНП включал в себя в виде приложения «Отдел классической филологии», который также издавался отдельным сборником «Сборник статей по классической филологии».

Редакция журнала преподнесла идею создания данного отдела как инициативу некоего коллектива преподавателей, учителей и директоров

³⁸⁴ Об издании отдела классической филологии в виде приложения к журналу министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Часть CLXIX. С. 5.

³⁸⁵ Там же. С. 4.

гимназий³⁸⁶. В действительности это была инициатива членов-учредителей созданного в том же 1873 г. (официально учреждено в 1874 г.) Общества классической филологии и педагогики, в особенности его создателя А.И. Георгиевского, работавшего в то время председателем ученого комитета Министерства народного просвещения и курировавшего работу ЖМНП. Он лично обращался к министру Д.А. Толстому и получил от него поддержку в этом вопросе³⁸⁷.

С самого начала существования отдела всю работу по его ведению возложили на Общество классической филологии и педагогики. На одном из первых его заседаний ответственным за работу с отделом, своего рода главным редактором был назначен А.А. Гофман, а ему в помощники выбраны М.В. Пустонский и С.Г. Окуньков. В адрес отдела поступало достаточно много статей, и в течение первого года их прочтением и отбором помогали заниматься и другие члены общества. Нередко на его заседаниях проводили обсуждения и даже разворачивались целые дискуссии на тему того, какие материалы наиболее достойны размещения на страницах отдела³⁸⁸. В следующем 1875 г. редактор ЖМНП поручил ведение отдела вместо Гофмана Э.А. Верту, который постепенно отстранил остальных членов Общества от участия в этой работе и стал осуществлять ее самостоятельно и независимо. Верт продолжал заниматься отделом классической филологии ЖМНП до 1891 г., когда ему на смену заступил В.К. Ернштедт. В последние годы его жизни из-за состояния здоровья он часто привлекал к редакторской работе С.А. Жебелева, который охотно принимал участие, а после смерти Ернштеда в 1902 г. официально был назначен редактором отдела³⁸⁹.

³⁸⁶ Там же. С. 5.

³⁸⁷ Малеин А.И. К истории классической филологии в России. Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования // Филологическое обозрение. 1899. № 17. С. 68.

³⁸⁸ Там же. С. 69.

³⁸⁹ Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. № 2. С.184.

Объем отдела составлял до 5 печатных листов, благодаря чему редакция могла разместить в отделе достаточно крупные по объему работы. Иногда на страницах журнала публиковали целые диссертации или монографии, разбивая их на части по несколько выпусков, или переводы больших по объему произведений античных авторов. Например, опубликованная здесь «Этика» Аристотеля в переводе Э.Л. Радлова³⁹⁰ была разделена на пять выпусков, фундаментальное исследование Зелинского о греческой комедии – на три выпуска³⁹¹ или диссертация А.Н. Щукарева – на два выпуска³⁹².

Отдельный сборник выходил тиражом в 300 экземпляров, которые объединялись в 4 годовых тома, но с 1890 года тираж был уменьшен до 100 экземпляров ввиду того, что предназначенные для продажи экземпляры плохо продавались, несмотря на установленную для него достаточно низкую стоимость в 1 рубль³⁹³. Вероятно, большинство читателей, заинтересованных в материалах данного отдела, предпочитали приобретать ЖМНП целиком вместо отдельного сборника, так как многие из специальных материалов попадали в другие отделы, о чем пойдет речь ниже. За размещение своих

³⁹⁰ Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга I // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXII. С. 67-87; Он же. Этика Аристотеля. Книга II // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXIII. С. 1-16; Он же. Этика Аристотеля. Книга III // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXV. С. 16-38; Он же. Этика Аристотеля. Книга IV // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXVI. С. 1-23; Он же. Этика Аристотеля. Книга V // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Часть ССXLII. С. 513-553; Он же. Этика Аристотеля. Книга VI // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Часть ССCLII. С. 97-139; Он же. Этика Аристотеля (окончание) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Часть ССCLIII. С. 156-177.

³⁹¹ Зелинский Ф.Ф. О дорийском и ионийском стилях в древней аттической комедии // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Часть ССXXXVII. С. 1-128; Он же. О дорийском и ионийском стилях в древней аттической комедии (продолжение) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Часть ССXXXVIII. С. 129-224.

³⁹² Щукарев А.Н. Исследования в области каталога афинских архонтов III века до Р.Х. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1889. Часть ССCLXIV. С. 1-96; Он же. Исследования в области каталога афинских архонтов III века до Р.Х. (окончание). 1889. Часть ССCLXV. С. 97-187.

³⁹³ Малеин А.У. Указ. соч. С. 70.

трудов на страницах журнала авторы получали денежное вознаграждение до 48 рублей за печатный лист³⁹⁴.

Редакция ЖМНП, анонсируя создание нового отдела, указала перечень статей, тематически подходящих для размещения в нем: «1) Статьи, посвящённые разработке каких-либо отдельных вопросов грамматики греческой и латинской... 2) Статьи, посвященные как критике текста, так и толкованию отдельных мест или отдельных глав частей сочинений, небольших стихотворений и т.д. древних классических авторов, причем может быть сообщаем и перевод их на русский язык... 3) Очерки из истории греческой и римской литературы, посвященные или жизнеописанию и характеристике отдельных авторов на основании точного изучения их творений, или отдельным эпохам и периодам той и другой литературы. 4) Статьи, относящиеся к греческой и римской мифологии сравнительно с мифологией и поверьями других народов, в особенности же славянских. 5) Статьи, относящиеся к археологии и истории древнего искусства. 6) Статьи, относящиеся к греческим и римским древностям... 7) Статьи, относящиеся к отдельным событиям, эпохам и периодам греческой и римской истории и основанные на изучении источников. 8) Статьи, относящиеся к истории изучения древних языков, их литературе и вообще классической древности, и биографии знаменитых ученых по этой части. При этом особенно желательно сообщение материалов, относящихся к истории изучения древних языков, их литературы и вообще классической древности у славянских племен вообще и в России в особенности... 9) в связи с предыдущим, а также и отдельно, в отделе классической филологии при Журнале Министерства Народного Просвещения могли бы найти себе место обзоры учебных руководств и пособий по части классической филологии... грамматик, упражнений на грамматические правила, словарей, изданий авторов, хрестоматий и проч. ... 10) Рецензии ученых и учебных сочинений и всякого рода изданий по части

³⁹⁴Об издании отдела классической филологии в виде приложения к журналу министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Часть CLXIX. С. 9.

классической филологии, вновь появляющихся в России. 11) Обзоры замечательных новых явлений в области иностранной ученой и учебной литературы по части классической филологии. 12) Обзоры новейших археологических изысканий и открытий в России и за границей. 13) Сведения и известия о предпринятых русскими учеными трудах по части классической филологии, на основании собственных их сообщений, причем было бы весьма желательно, чтобы каждый из авторов обстоятельно сообщал не только что им задумано и уже сделано, но и план своего сочинения или издания, и те основные положения, которыми он руководствовался. 14) Наконец, в отделе классической филологии могли бы найти себе место и все статьи относительно способов и приемов преподавания древних языков в гимназиях и прогимназиях, относительно внешних и внутренних условий, необходимых для большей успешности этого дела, относительно учебного плана и программ преподавания древних языков, заметки и наблюдения относительно достигаемых преподаванием результатов в отдельных классах и т.д.»³⁹⁵.

Таким образом, круг вопросов, освещение которых было намечено в новом отделе ЖМНП, получался достаточно обширным и охватывал всю область интересов антиковедения, а также сюжеты чистой филологии, педагогики, археологии и науковедения применительно к изучению античного мира. Однако на практике содержание отдела классической филологии получилось более скромным. Работы библиографического плана, рецензии и критические отзывы в большинстве своем, как и прежде, продолжали публиковаться в соответствующем отделе ЖМНП «Критика и библиография». Лишь небольшая их часть, за редким исключением, публиковалась в самом отделе классической филологии, например, рецензии Ф.Ф. Соколова на монографии Жебелева «Из истории Афин 229-31 гг. до

³⁹⁵ Об издании отдела классической филологии в виде приложения к журналу министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Часть CLXIX. С. 6-9.

Р.Х.»³⁹⁶ и А.В. Никитского «Исследования в области греческих надписей»³⁹⁷, или критические заметки В.Ф. Бурачевского на статью В.В. Латышева о Ипполаевом мысе³⁹⁸, отзыв Никитского о первом томе пелопонесских надписей М. Френкеля³⁹⁹. Анализ позволяет нам заключить, что подобные работы публиковались в отделе классической филологии в том случае, если предполагали элементы полемики и подробного разбора рассматриваемого материала со стороны самого рецензента, в то время как в отдел «Критики и библиографии» попадали рецензии и обзоры более общего характера. Также и статьи по педагогике, и обзоры на учебные пособия, хрестоматии, грамматики и т.д. продолжали публиковаться в отделе педагогики, и только за редким исключением попадали в Отдел классической филологии, например, статья В.И. Модестова о преподавании греческого языка в университетах с точки зрения подхода к произношению⁴⁰⁰. Работы, посвящённые новостям из жизни науки, публиковались в разделе «Современная летопись». Здесь оказывались некрологи знаменитых ученых, например Т. Моммзена⁴⁰¹. Некоторые работы по античной истории и классической филологии, несмотря на их явную тематическую принадлежность новому отделу, публиковались в «Отделе наук». Так в 1891 г. неизданные сочинения родоначальника антиковедения Куторги были опубликованы его племянником Михаилом Степановичем Куторгой в отделе

³⁹⁶ Соколов Ф.Ф. По поводу книги С.А. Жебелева // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Часть СССXXII. С. 84-103.

³⁹⁷ Соколов Ф.Ф. По поводу книги А.В. Никитского «Исследования в области греческих надписей» // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1902. Часть СССXXXI. С. 248-265.

³⁹⁸ Бурачков В.Ф. Заметки по поводу мнения В.В. Латышева о местонахождении Ипполаева мыса // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Часть ССL. С. 307-314.

³⁹⁹ Никитский А.В. По поводу первого тома пелопонесских надписей М. Френкеля // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1903. Часть ССCL. С. 515-538.

⁴⁰⁰ Модестов В.И. Вопрос о греческом чтении (произношении) // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Часть ССLXXIV. С. 97-121.

⁴⁰¹ Кулаковский А.Ю. Памяти Моммзена // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть ССCL. С. 40-61.

наук⁴⁰². Другими яркими примерами могут служить статьи В.П. Бузескула об открытии «Афинской политики» Аристотеля и возможностях ее использования как исторического источника⁴⁰³ или ряд работ Модестова о культе Сатурна⁴⁰⁴ и его же авторства «Заметки по Тациту»⁴⁰⁵, «Фалиски»⁴⁰⁶, «Древнейший период Рима»⁴⁰⁷. Для нас остается неясной логика такого деления материалов между этими отделами. В данном ключе обращает на себя внимание тот факт, что практически одновременно с упомянутой работой Бузескула, опубликованной в «Отделе наук», исследование М.М. Покровского, посвященное тому же предмету, было опубликовано в отделе классической филологии⁴⁰⁸. Мы можем лишь предполагать, что такое положение дел было продиктовано большим количеством статей, поступающих в адрес отдела и невозможностью разместить все на его страницах. Вероятно, этим также обусловлена непопулярность отдельного сборника по сравнению с самим ЖМНП. Тем не менее, большая часть статей

⁴⁰²Куторга М.С. Из не изданных сочинений профессора М.С. Куторги // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Часть ССLXXV. С. 78-120; Он же. Из не изданных сочинений Михаил Семеновича Куторги // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Часть ССLXXVIII. С. 344-392; Он же. Исследования из истории государственных учреждений Афин (Из не изданных сочинений М.С. Куторги) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXII. С. 25-65; Он же. Исследование из истории государственных учреждений Афин (Из не изданных сочинений М.С. Куторги) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXIII. С. 319-346; Он же. Исследование из истории государственных учреждений Афин (Из не изданных сочинений М.С. Куторги) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXIV. С. 97-134.

⁴⁰³ Бузескул В.П. Вопрос о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXII. С. 142-189; Он же. Вопрос о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Часть ССLXXXVIII. С. 134-212; Он же. Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, как источник для истории афинской демократии до конца V века до Р.Х. // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Часть ССХСIII. С. 329-373.

⁴⁰⁴ Модестов В.И. Африканские надписи и культ Сатурна // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Часть ССLXXXV. С. 355-377.

⁴⁰⁵ Он же. Заметки по Тациту // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Часть ССХСII. С. 274-325.

⁴⁰⁶ Он же. Фалиски // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Часть ССХСVIII. С. 125-160.

⁴⁰⁷ Он же. Древнейший период Рима // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Часть ССХСIX. С. 293-323.

⁴⁰⁸ Покровский М. М. К вопросу об авторе новооткрытого трактата «Афинская политика» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXIII. С. 29-48.

из приведенного перечня отечественных и некоторых зарубежных авторов, преимущественно немецких, публиковалась в новом отделе регулярно.

Анализ статей в количестве 354, размещенных на страницах отдела классической филологии ЖМНП за период с 1884 по 1904 (включительно) гг., позволяет нам оценить тематический состав материалов, опубликованных на его страницах за указанный период⁴⁰⁹. Наибольшее количество статей в данном отделе, а именно 56%, были посвящены работе с текстами источников. Сюда входят переводы целых или фрагментов произведений древних авторов или отдельных надписей, их критический разбор, комментирование, уточнения некоторых мест уже переведенных текстов, публикации недавно открытых текстов на оригинальном языке. Статьи конкретно-исторического плана, посвященные различным сюжетам политической, экономической, культурной и социальной сферам жизни древних обществ, составляют в рамках отдела классической филологии 29%. Работы чисто филологические, посвященные вопросам грамматики древних языков, составляют 2%. К проблемам археологии, древней топографии, описанию и исследованию музейных коллекций и экспонатов относится 12% статей. Менее одного процента составляют работы на науковедческие темы, педагогические и новости из жизни науки.

Таким образом, на страницах отдела классической филологии ЖМНП преобладали публикации, посвященные работе с текстами источников, их исследованию, переводам и комментированию.

Как видно из произведенного исследования, область ответственности данного отдела оказалась на практике более узкой, чем заявлено изначально редакцией журнала. В силу этого он не мог в полной мере удовлетворить потребность научного сообщества специалистов по античному миру в наличии собственного печатного органа, объективно возникающую на данном этапе развития рассматриваемой области науки. Отдел был

⁴⁰⁹ Труды, разделенные на несколько выпусков, подсчитывались, как одна статья. Десятичные значения получившихся показателей в процентах округлены.

ограничен в объеме, поэтому не мог включить в себя труды всех ученых, желающих опубликовать свои исследования. Кроме того, очевидным его недостатком являлась рассредоточенность внутри структуры журнала по различным отделам библиографических работ, новостей из жизни науки и педагогической проблематики из области преподавания древней истории и классических языков. В 1891 г. на заседании ученого комитета Министерства народного просвещения Помяловский докладывал: «Потребность в особом, специальном органе по классической филологии ощущается у нас все больше и больше по мере того, как увеличивается количество сил, занимающихся и интересующихся изучением древнего мира»⁴¹⁰. Поэтому неизбежными стали попытки представителей этого сообщества самостоятельно решить существующие проблемы путем образования иных, частных периодических изданий.

Однако создание специального отдела в структуре ЖМНП стало важным шагом вперед на пути институционализации антиковедения и классической филологии в области научной периодики. После педагогики, эта область науки стала единственной, получившей собственный отдел в рамках министерского журнала, что, безусловно, способствовало ее дальнейшему развитию и поднятию авторитета, а также отразило значение, которое ей придавалось в рамках государственной политики в сфере народного образования.

Со времен существования «Пропилеев» первым самостоятельным, негосударственным специальным печатным органом представителей отечественного антиковедения стало «Филологическое обозрение». На наш взгляд важно отметить, что согласно приведенной выше цитате Помяловского, специализированный характер издания отмечен не только нами в ходе исследования, но и сами современники в том числе сотрудники ученого комитета Министерства народного просвещения, которые дают ему

⁴¹⁰Дело Департамента народного просвещения «О рекомендации журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 733. Оп. 194. Д. 1298. Л. 6.

такую характеристику используя термин «специальный» (специальный печатный орган по классической филологии).

26 декабря 1890 г. в Главное управление по делам печати Министерства народного просвещения было подано прошение, подписанное учителем 3-й Московской гимназии А.В. Адольфом и учителем 1-й Московской гимназии В.Г. Аппельротом. Оно содержало в себе желание получить дозволение издавать журнал под названием «Филологическое обозрение», а также его программу, которая заявлялась следующей: «1) Официальные известия; 2) Оригинальные статьи и заметки научного характера по классической и русской филологии и дидактического по преподаванию классических и русского языков; 3) Рецензии и заметки о книгах и статьях по классической и русской филологии и педагогике; 4) Краткие сведения о статьях по филологии и педагогике в текущей журнальной заграничной и русской литературе; 5) Отчеты о заседаниях ученых и педагогических обществ; 6) Библиография; 7) Объявления»⁴¹¹. Здесь же было указано, что журнал будет издаваться в типографии Лиссенра и Романа два раза в год, а стоимость подписки устанавливалась в размере 6 рублей на год, и 3 рубля на полгода вместе с пересылкой и доставкой. Издателями утверждались оба автора письма, а Адольф также утверждался ответственным редактором.

Уже 25 января 1891 г. данная программа была утверждена, а Адольфу и Аппельроту выдано подписанное начальником Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистовым «Свидетельство в удостоверение того, что учитель Московской 3-й гимназии Андрей Адольф и учитель 1-й Московской гимназии Владимир Аппельрот являются издателями журнала под названием «Филологическое обозрение» разрешенного к выпуску в г. Москве без предварительной цензуры»⁴¹².

⁴¹¹ Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Дело об издании в Москве журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 776. Оп. 8. Д. 670. Л. 3.

⁴¹² Там же. Л. 34.

В июне 1891 г. редакторы снова подают прошение, что бы «вместо двух длинных выпусков, как стоит в утвержденной программе, издавать журнал со следующего 1892 г. книжками, объемом от 10 до 15 печатных листов каждая, четыре раза в год (в фвр[але], апр[еле], окт[ябре], и дек[абре – Е.С.]»⁴¹³. Данное прошение также было удовлетворено. Однако на практике выпуски журнала все равно объединяли по два выпуска в один том, то есть два тома в год.

В представленной программе обращает на себя внимание заявленная в пунктах 2, 3 и 4 работа по направлению классической и русской филологии и педагогики, что противоречит статусу специализированного издания, который мы предъявляли журналу изначально. Данное противоречие устраняет еще одно прошение в адрес Главного управления по делам печати направленного редакторами 16 октября 1891 г. В документе речь идет о дозволении изменить программу «с целью сделать издаваемый нами журнал специальным органом классической филологии [классической филологии – подчеркнуто – Е.С.] и педагогики»⁴¹⁴. Новая программа исключала пункт 1 «Официальные известия», а также предполагала исключения из пунктов 2, 3 и 4 упоминаний русского языка и русской филологии, а также их преподавания, оставляя таким образом лишь классическую филологию и преподавание древних языков. Прошение также было удовлетворено. Таким образом, мы наблюдаем определенную эволюцию целевого назначения журнала и в течение первого года выхода в свет превращение его в специальное научное издание.

В статье «От редакции» первого номера журнала, редакция обозначила для читателей, две основные цели его создания: во-первых, на страницах издания объединить труды ученых, занимающихся античностью, и информацию, актуальную и полезную для их работы: «Главнейшая и наиболее важная цель журнала заключается в объединении наличных

⁴¹³ Там же. Л. 46.

⁴¹⁴ Там же. Л. 56.

русских сил, работающих в области классической филологии и не имеющих до сих пор печатного органа»⁴¹⁵. Во-вторых, поддержка учителей классических гимназий в деле преподавания древних языков: «по мере сил и возможности помочь учителям древних языков в их нелегком и сложном труде ведения юношества в... мир древних греков и римлян»⁴¹⁶.

На первый взгляд кажется нецелесообразным объединение в рамках одного журнала материалов научно-исследовательских и педагогических, необходимых учителям классических гимназий, но на деле данный ход является закономерным в условиях отсутствия специальных изданий по классической древности. Создатели «Филологического обозрения» стремились разом удовлетворить потребности всего научно-педагогического круга лиц, заинтересованных в изучении классических древностей. Несмотря на то, что редакция журнала в своей статье акцентировала внимание на классической филологии, тем не менее на страницах «Филологического обозрения» с первых выпусков публиковались работы и по другим дисциплинам, связанным с изучением античного мира. Здесь мы видим статьи по археологии и конкретной истории наравне с публикациями чисто филологического характера по латинскому и греческому языкам, кроме того, работы, посвящённые анализу и критике текстов древних авторов, а также их переводы и оригинальные тексты; наконец, рассматривались вопросы преподавания древних языков в гимназиях «хотя статьи, чисто научные и строго специальные являлись в нем все же преобладающими»⁴¹⁷. Таким образом, тематика журнала и круг заинтересованных в его материалах лиц значительно выходят за пределы классической филологии и включают в себя всех исследователей и педагогов, связанных с изучением античного мира.

Структурно журнал состоял из двух отделов. Первый именовался «Статьи научные и педагогические. Хроника». Название в целом отражает

⁴¹⁵ От редакции // Филологическое обозрение. 1891. Т.1. С. 1.

⁴¹⁶ Там же. С. 1.

⁴¹⁷ Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 3.

содержание, наполнявшее отдел. В действительности здесь публиковались научные и педагогические статьи по вышеуказанным областям науки. Анализируя содержание всех увидевших свет выпусков данного журнала (393 статьи в 21 томе, без учета разделов «Критика и библиография» и «varia»), мы наблюдаем следующую картину. Статьи источниковедческие, посвящённые вопросам перевода⁴¹⁸, анализа, критике текстов древних авторов или надписей, а также публикации оригинальных текстов и их разбор занимают на страницах журнала 38% от общего числа работ. Исследования на конкретно-историческую тематику составляют 29%, а работы чисто филологические по вопросам латинского и греческого языков, грамматике, семасиологии, синтаксиса и т.д. – 17%. Значительно в меньшей степени в «Филологическом обозрении» рассматривались педагогические вопросы – 6% и археологическая проблематика – 6%. Кроме того, стоит упомянуть 2% работ науковедческого и методологического характера (Приложение 9). При этом греческая и римская тематика на страницах издания имеет соотношение 69% и 31% соответственно. Вывод о том, что дореволюционное отечественное антиковедение интересовалось Древней Грецией в большей степени, чем Римом, не является новым, однако на материалах «Филологического обозрения» мы можем вновь в этом убедиться.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на название журнала, статьи чисто филологической тематики в его содержании не являются преобладающими, напротив, статьи конкретно-исторические и работы с текстами древних авторов занимают большую часть. На основании этого мы полагаем справедливым утверждать, что журнал имел антиковедческую направленность, был адресован специалистам соответствующей области и сосредотачивал на своих страницах достижения отечественных ученых-антиковедов, следовательно, являлся научным и специализированным.

⁴¹⁸ Речь идет о статьях, посвящённых переводам отдельных фрагментов, спорных мест или небольших текстов. Целостные переводы крупных произведений античных авторов помещались в приложения.

На протяжении большей части выпусков журнала в этом же разделе велась рубрика «Археологическая хроника эллинского Востока». На наш взгляд, она требует отдельного рассмотрения. Зачинателем и первым автором «хроники» был Щукарев. По мере ухудшения здоровья автора, его сменил Жебелев: возможно, из уважения к другу желая продолжить его начинание, возможно, осознавая важность данной работы или и тем и другим сразу. Изначально «хроника» выходила в каждом томе журнала, но после отхода от работы Щукарева регулярность периодически нарушалась. В данной рубрике размещалась информация о новейших археологических открытиях на территории Греции, совершенных представителями различных стран и организаций. Состояние массива информации этой области науки современниками оценивалось как крайне дифференцированное, что создавало большие трудности в исследовательской работе: «... обзревая всю массу материала, большей частью недоступного для большинства, рассеянного в разных, иногда трудно доставаемых сочинения и журналах...»⁴¹⁹. Задача, поставленная перед самим собой Щукаревым, заключалась в том, чтобы обобщить материал, разрозненный по множеству отчетов археологических организаций и европейских изданий, и, как следствие, обеспечить ученых более удобным способом быть в курсе происходящего в науке: «в Европе уже давно появились, однако, обзоры, имеющие целью облегчить задачу подобного слежения, становящегося даже для специалистов все более и более трудным. Не говоря уже о необходимости владения многими языками, следить за новой литературой можно, вообще, только в больших центрах, обладающих богатыми библиотеками»⁴²⁰. Сбор материала автор осуществлял, опираясь на зарубежные издания «*Δελτίον αρχαιολογικόν, Εφημερίς αρχαιολογική*, «Bulletin

⁴¹⁹ Ростовцев М.И. Археологическая хроника римского Запада // Филологическое обозрение. 1895. Т.9. С. 89.

⁴²⁰Щукарев А.Н. Археологическая хроника эллинского Востока // Филологическое обозрение. 1891. Т.1. С. 74.

de correspondance Hellenique, Athenische Mitteilungen» и т.д.⁴²¹. В 1895 г. Ростовцев также на страницах «Филологического обозрения» заявил о создании аналогичной рубрики «Археологическая хроника римского Запада». Она вышла в свет лишь два раза, хотя, по заявлению автора, должна была стать регулярной⁴²². Появление подобных «хроник» по античной археологии является первым подобным опытом в России. Ранее в ЖМНП периодически публиковались новости из области античной археологии, но это были разовые, не связанные между собой системностью работы, в тоже время информация, размещенная в отчетах различных отечественных археологических обществ, также имеет разрозненный, несистематизированный и нерегулярный характер. Благодаря трудам Щукарева и Жебелева по ведению «хроники», отечественный ученый получал возможность быть в курсе передовых вестей с археологического фронта и мог ориентироваться на эти материалы как в своих исследованиях, так и в планировании будущих командировок.

Страницы данного раздела журнала нередко становились полем научных дискуссий. Данная форма коммуникации в науке отражает ситуацию ее здорового и эффективно развивающегося состояния. И сами современники обращали внимание на положительную функцию дискуссий, отмечая свою заинтересованность участвовать в них: «Мне очень приятно, что А.И. Соболевский отозвался на мою заметку, и я надеюсь, что наш спор может содействовать разъяснению весьма важного вопроса, поставленного в заголовке настоящего экскурса»⁴²³. При этом участниками дискуссии всегда соблюдалась необходимая этика и выдерживалось уважительное отношение к оппонентам: «Относясь с полным уважением к обширной эрудиции автора и к той искренности, с которой он отстаивает раз им высказанное мнение, мы считаем для себя обязательным рассмотреть поближе приводимые им

⁴²¹ Там же. С. 74.

⁴²² Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 89-124.

⁴²³ Покровский М.М. О переходе конкретных имен в абстрактные *nominaactionis* // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 72.

доводы...»⁴²⁴. Форма ответной статьи на критику могла быть разнообразной. Чаще всего автор старался парировать основные аргументы, выдвинутые против его положений, или укрепить последние дополнительной аргументацией: «Решаюсь сделать краткое обозрение главнейших пунктов... в которых его [Кулаковского – Е.С.] точка зрения мне представляется не совсем убедительной»⁴²⁵. Большинство из развернувшихся в «Филологическом обозрении» дискуссий имели небольшой масштаб и включали в себя лишь двух участников. Их модель можно рассмотреть на следующем примере: И.В. Нетушил публикует статью об Амбарвалиях⁴²⁶, спровоцировавшую Модестова на некоторые критические замечания по вопросу о времени происхождения латинского языка и его генезиса⁴²⁷, вслед за которыми последовала защита своих позиций Нетушилом⁴²⁸. Дальнейшего развития обсуждение данной тематики не получает. Помимо приведенного примера, подобного рода дискуссиями были происходившая между Нетушилом и Кулаковским по вопросу о пифагореизме царя Нумы Помпилия⁴²⁹, дискуссия Ф.Ф. Зелинского и А.Н. Шварца по вопросу *irrealis futuri*⁴³⁰ или А.И. Сонни и В.В. Латышева по датировке проникновения культа египетских божеств на северное побережье Черного моря⁴³¹. Однако

⁴²⁴ Кулаковский Ю.А. к вопросу о пифагореизме царя Нумы // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. С. 179. (177-190).

⁴²⁵ Нетушил И.В. По поводу вопроса о пифагореизме Нумы (ответ Ю.А. Кулаковского) // Там же. С. 208-211.

⁴²⁶ Нетушил И.В. Амбарвалии, арвальские братья и арвальская песнь // Филологическое обозрение. 1897. Т.12. С. 195-205.

⁴²⁷ Модестов В.И. Несколько необходимых возражений проф. Нетушилу по поводу его заявлений о песни братьев Арвальских // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. С. 47-54.

⁴²⁸ Нетушил И.В. О времени введения латинского алфавита (ответ проф. Модестову) // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. С. 93-113.

⁴²⁹ Нетушил И.В. О пифагореизме Нумы // Филологическое обозрение. 1895. Т.9. С. 125-147; Кулаковский Ю.А. К вопросу о пифагореизме царя Нумы // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. С. 177-190; Нетушил И.В. По поводу вопроса о пифагореизме Нумы (ответ Ю.А. Кулаковскому) // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. С. 208-211.

⁴³⁰ Зелинский Ф.Ф. *Irrealis futuri* // Филологическое обозрение. 1893. Т.4. С. 152-153; Шварц А.Н. К вопросу об *irrealis futuri* // Филологическое обозрение. 1893. Т.4. С. 167-189.

⁴³¹ Сонни А.И. К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря // Филологическое обозрение. 1893. Т.5. С. 53-57; Латышев В.В. По поводу заметки проф. А.И. Сонни // Филологическое обозрение. 1893. Т.5. С. 140-142.

одна дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала, приобрела серьезные масштабы и затронула более широкий круг участников. Она была инициирована сразу двумя авторами, написавшими рецензии в разделе «Критика и библиография» о монографии Н.К. Гельвиха⁴³². Последний не стал принимать участие в полемике, но на его защиту встал М.М. Покровский⁴³³, возразивший против критических замечаний сразу обоих рецензентов. И.А. Шебор также не продолжил участия в дискуссии. Покровскому ответил Соболевский⁴³⁴, и ученые выпустили по очереди ряд статей с критикой положений друг друга⁴³⁵. Дискуссия таким образом растянулась на два года и была самой крупной в истории «Филологического обозрения».

Практически каждый выпуск данного журнала, за редким исключением, заканчивался рубрикой «*varia*», в которой редакция публиковала различные новости, касающиеся работы научных институтов, университетов, историко-филологических институтов, музеев, информацию об удостоенных ученой степени, решения Министерства, информацию о деятельности различных научных обществ. Главным критерием отбора материала являлось его злободневное значение для специалистов, работающих над исследованием античного мира. Здесь же мы упомянем расположенные в структуре журнала работы биографического плана – некрологи и статьи к юбилеям научной деятельности крупных ученых-антиковедов и филологов-классиков.

⁴³²Шебор О.А., Соболевский А.И. Н. Гельвих, Наблюдения над именами прилагательными у Плавта // Филологическое обозрение. 1894. Т.6. С. 3-13.

⁴³³ Покровский М.М. Семасиологическая заметка по поводу лат. *furtum* // Филологическое обозрение. 1894. Т.7. С. 236-240.

⁴³⁴ Соболевский А.И. Еще семасиологические заметки по поводу лат. *furtum*. // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 16-17.

⁴³⁵ Покровский М.М. О переходе конкретных имен в абстрактные *nominaactionis* // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 72-75; Вторая заметка по поводу перехода конкретных имен в *nominaactionis* // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 171-178; Соболевский А.И. К вопросу о переходе конкретных имен в абстрактные // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 159-161.

Второй раздел журнала «Критика и библиография» включал в себя несколько подразделов: «обзор книг», «обзор журналов», «обзор новых книг», в первых томах также существовал подраздел «общие характеристики», в котором публиковались статьи методологического и науковедческого плана, но вскоре его убрали, а статьи указанной тематики стали размещать в первом разделе. Наибольший объем данного раздела составлял «обзор книг». Здесь публиковались рецензии и обзоры на новейшие научные труды как отечественных, так и зарубежных ученых-антиковедов и филологов-классиков. Рецензии, как правило, включали в себя сведения об авторе рецензируемого труда и его отношении к исследуемому вопросу, основную проблематику работы, обзор источников и методологических позиций автора, сделанных им основных выводов или открытиях. Кроме того, рецензент давал свою оценку удачности работы, ее места в науке и значимости сделанных выводов, отмечал сильные и слабые стороны труда, а также оценивался стиль автора. Помимо непосредственно научных работ, в данном разделе освещали различные издания дополнительных материалов, связанных с историей античного мира, таких как: хрестоматии, сборники иллюстраций или таблиц, атласы, заметки, опубликованные фрагменты лекций, учебных изданий и т.д.

Далее следовал «Обзор журналов». Здесь редакция отбирала статьи, вышедшие в других периодических изданиях по тематике античного мира с указанием их выходных данных. Благодаря существованию этого подраздела мы можем определить, что статьи по античной тематике публиковались в ЖМНП, «Историческом вестнике», «Русском вестнике», «Вестнике Европы», а также в «Записках» различных университетов; в «Вопросах философии и психологии» и журнале «Вера и разум» часто размещались статьи по античной философии или переводы отдельных произведений древних философов; в «Вопросах воспитания», «Гимназии» и «Русской школе» поднимались вопросы преподавания древних языков и античной истории. Помимо отечественных журналов, также размещались статьи, размещенные в

наиболее авторитетных зарубежных изданиях. Большая часть из них были немецкими, но упоминались также английские и французские. Все приведенные в этом разделе статьи сопровождалась краткими аннотациями или тезисами. При этом зарубежные статьи освещались более детально, чем отечественные, вероятно, из-за большей доступности отечественных журналов читателю и возможности у него самостоятельно ознакомиться с ними.

Подраздел «Новые книги» включал в себя перечень книг по античной тематике, вышедших в России и за рубежом за предшествующий выходу каждого тома журнала год. Как уже отмечалось, в ЖМНП существовал аналогичный отдел «Критика и библиография», однако размещаемая в нем информация касалась всех книг научных и учебных, изданных на территории Российской Империи по всем наукам, в то время как редакция «Филологического обозрения» проводила отбор материалов по своей специальности. Безусловно, поиск новостей о литературе по конкретной тематике требовал от читателя определенных затрат времени и усилий. Поэтому существование подобного подраздела в «Филологическом обозрении», где уже отобрана вся новая литература по антиковедению и классической филологии, облегчал поиск и экономил время исследователя.

Материалы данного раздела предоставляли ученому-антиковеду доступ к массиву публикаций по его науке, позволяли быть в курсе новейших достижений, сделанных открытий и вышедших работ, знакомиться с результатами научных трудов других ученых, доступа к которым у него по какой-то причине не было, позволяли подбирать полезные материалы по интересующей тематике, вроде атласов, иллюстративных или табличных сборников, наконец, облегчалось ориентирование в увеличивающемся с годами потоке новых исследований. Значимость такой рубрики для научного журнала отмечал Помяловский в ученом комитете Министерства при обсуждении журнала. Он отмечал, что ранее, когда статьи по классической филологии размещались только в ЖМНП и случайным образом в иных не

специализированных журналах, систематизация библиографического материала была невозможна, а потребность в этой работе давно назрела⁴³⁶.

В целом «Филологическое обозрение» стало важным явлением в жизни отечественного антиковедения и внесло значительный вклад в его развитие. Журнал являлся и местом для размещения результатов исследования, информировал заинтересованных специалистов о важных событиях и движениях в науке, выполнял коммуникационную функцию, на что указывает наличие дискуссий, развернувшихся на страницах журнала, предоставлял возможность ученым быть в курсе новейших исследований и материалов по антиковедению, как отечественных, так и зарубежных, облегчал задачу ознакомления с вышедшей литературой, благодаря обилию рецензий и обзоров, а также введению перечня опубликованных статей по вопросам античного мира. С момента прекращения выхода «Пропилеев» прошло достаточно много времени, выросло целое научное поколение. Потребность в наличии подобного печатного органа давно назрела, и его появление положительно восприняло научное сообщество, судя по тому, что многие крупные на тот момент специалисты по античному миру публиковали в журнале свои работы и сотрудничали с редакцией, помогая в ведении тех или иных подразделов: С.А. Жебелев, М.И. Ростовцев, В.В. Латышев, И.В. Помяловский, А.В. Никитский, И.В. Нетушил, В.П. Бузескул, Ф.Ф. Зелинский, С.И. Соболевский, В.А. Шеффер, Ф.Е. Корш, А.Н. Щукарев, Ф.Г. Мищенко, Ю.А. Кулаковский, Б.В. Варнеке, М.М. Хвостов, А.И. Сонни, С.А. Селиванов, П.Г. Виноградов, В.И. Модестов, И.В. Цветаев, А.М. Миронов, С.П. Шестаков. Журнал при этом оценивался современниками как один из самых уважаемых среди научных журналов даже за пределами России⁴³⁷.

Подтверждает значимость «Филологического обозрения» и тот факт, что 2 декабря 1891 г., вскоре после выхода в свет первого тома журнала,

⁴³⁶ Дело Департамента народного просвещения «О рекомендации журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 733. Оп. 194. Д. 1298. Л. 6.

⁴³⁷ Любомудров С.И. Памяти А.В. Адольфа (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть III. С. 200.

состоялось заседание ученого комитета Министерства народного просвещения, в котором журнал получил высокую оценку, подчеркивалась давно назревшая потребность в создании подобного издания и было принято решение рекомендовать данный журнал для приобретения в фундаментальные библиотеки гимназий и прогимназий. А в марте 1893 г. соответствующая рекомендация была разослана попечителям учебных округов по всей стране с целью доведения ее до сведения начальников подведомственных им учебных заведений⁴³⁸.

Тем не менее журнал просуществовал всего одиннадцать лет. Судя по всему, он не пользовался большой популярностью за пределами узкого круга специалистов, возможно, из-за строго научного характера публикуемых материалов. Несмотря на то, что интерес к античной истории у массового читателя был достаточно велик, он все же предпочитал более популяризированную форму ее подачи. Для сравнения можно взять «Исторический вестник», издаваемый с 1880 по 1917 гг., являвшийся одним из самых популярных журналов в России и выходивший огромным тиражом⁴³⁹. Значительная часть опубликованных в нем статей была посвящена античной истории. Изначально редакция старалась выдерживать баланс между научными и научно-популярными статьями, но в итоге сделала упор на последние. Уже в первый год своего существования «Исторический вестник» продавался тиражом 2379 экземпляров, а в 1917 г. их количество достигло 13 000⁴⁴⁰, в то время, как тираж «Филологического обозрения» в лучшие годы составлял 450 экземпляров, а затем был снижен до 400⁴⁴¹. В конце каждого нечетного тома публиковались «материалы журнальной

⁴³⁸ Дело Департамента народного просвещения «О рекомендации журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 733. Оп. 194. Д. 1298. Л. 4-26.

⁴³⁹ Ляпустина Е.В. Античная история в русском журнале «Исторический вестник», 1880-1917 гг. (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. М.: РАН. 1991. С. 146-167.

⁴⁴⁰ Там же. С. 148.

⁴⁴¹ Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1892. Т.3. С.179; Там же. 1893. Т.5. С. 195; Там же. 1894. Т.7. С. 270; Там же. 1895. Т.9. С. 197; Там же. 1896. Т.11. С. 232; Там же. 1897. Т.13. С. 193; Там же. 1898. Т.15. С. 229; Там же. 1899. Т.17. С. 156.

статистики», которые включали в себя финансовый отчет. Согласно данным отчетов, с самого первого года существования и до 1900 г., когда был опубликован последний такой отчет, прибыль от издания журнала не покрывала расходов на услуги типографии, пересылку и прочее. Уже в 1892 г. убыток журнала составил 993 р. 55 к.⁴⁴², а худшим годом в финансовом плане для редакции стал 1894 г., когда убытки составили 1483 р. 99 к.⁴⁴³ В отчетах следующих лет фигурирует субсидия от Министерства народного просвещения в размере 500 р.⁴⁴⁴. О ее получении в том же году Адольф ходатайствовал перед Министерством указывая: «Но в виду большого убытка и незначительного распространения журнала издание его становится затруднительным...»⁴⁴⁵, следом было подано еще одно аналогичное ходатайство от имени И.И. Цветаева, вероятно сочувствовавшего проблемам редакции. Помощь государства в поддержке журнала подчеркивает его значимость для науки. Однако и она не помогла справиться с дефицитом бюджета, который несколько сократился в следующем после начала получения субсидии 1895 г., но в дальнейшие годы продолжил вновь увеличиваться. Плачевное финансовое положение журнала отмечали коллеги по издательской деятельности: «сотрудникам приходилось работать безвозмездно, и получение нового материала не раз сопрягалось с большими затруднениями»⁴⁴⁶. Здесь можно привести и воспоминания Жебелева, указывавшего, что за публикации в «Филологическом обозрении» и «Гермесе», о котором пойдет речь далее, авторы не получали гонорар, в отличие от того же ЖМНП⁴⁴⁷. Современники, близко знакомые с создателями журнала, указывали, что идея изначально оценивалась как очень рисковая, Адольф и Аппельрот, видимо, уже тогда осознавали, что им не придется

⁴⁴² Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1892. Т.3. С. 179-180.

⁴⁴³ Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1894. Т.7. С. 270-271.

⁴⁴⁴ Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1895. Т.9. С. 197-198.

⁴⁴⁵ Дело Департамента народного просвещения «О рекомендации журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 733. Оп. 194. Д. 1298. Л. 14.

⁴⁴⁶ Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 3.

⁴⁴⁷ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 194.

надеяться на широкую популярность издания⁴⁴⁸. К этим проблемам следует добавить, что Общество классической филологии и педагогики, патронировавшее журнал, само испытывало регулярные финансовые затруднения, о чем пойдет речь в следующей главе, и по этой причине не могло оказать необходимой поддержки журналу. Хотя получить государственную субсидию, вероятно, издателям помогли тесные связи Общества с Министерством, в конечном итоге редакция была вынуждена прекратить выпуск «Филологического обозрения». Возможно, на это решение также повлиял отход от работы, а вскоре и смерть одного из создателей и редакторов журнала Аппельрота в 1897 г.⁴⁴⁹. За полгода до этого, осенью 1896 г. в Главное управление по делам печати поступило прошение от его имени с целью снять с себя обязанности второго редактора⁴⁵⁰. В это время он уже тяжело болел туберкулезом. Следующим «ударом» по журналу стало ухудшающееся состояние здоровья Адольфа, скончавшегося вскоре после закрытия издания в 1905 г. Таким образом, пример «Филологического обозрения» показывает нам, что в дореволюционной России строго научный журнал по узкой специализации вроде античной истории не мог существовать без серьезной поддержки со стороны государства, объемы которой оказались недостаточными в рассматриваемом случае. В то же время потребность профессионального сообщества в наличии подобного журнала была велика.

Редакция следующего возникшего в России специализированного периодического издания по антиковедению постаралась учесть ошибки своих предшественников и сделала ставку на совмещение научного, научно-популярного и публицистического характера материалов.

⁴⁴⁸ Любомудров С.И. Указ. соч. С. 830.

⁴⁴⁹ Редакция. Владимир Германович Аппельрот: некролог // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. С. 91-93.

⁴⁵⁰ Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Дело об издании в Москве журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 776. Оп. 8. Д. 670. Л. 67.

Вскоре после закрытия «Филологического обозрения» в 1902 г. потребность в его замене аналогичным изданием, обслуживающим интересы круга специалистов по античному миру, проявлялась в неоднократном обсуждении данного вопроса. Его поднимали на собрании Русского Археологического общества: «в совещании профессоров и учителей гимназии, бывшем 15 мая прошлого года [1906 г. – Е.С.], которое пришло к убеждению в полной целесообразности и необходимости специального периодического издания по классической филологии»⁴⁵¹ и 23 мая 1906 г. в собрании Общества классической филологии и педагогики, причем организация последнего происходила при посредничестве Министерства⁴⁵². Ответом на чаяния коллег стало создание А.И. Малеином⁴⁵³ и С.О. Цыбульским⁴⁵⁴ журнала «Гермес. Научно-популярный вестник античного мира». Позже к названию добавилось «иллюстрированный». Журнал выходил в свет в Санкт-Петербурге с 1907 по 1917 гг. и издавался по два номера в месяц, кроме июня и июля. Таким образом ежегодно выходило по 20 номеров. Объем каждого выпуска составлял около 30-40 страниц. Кроме того, вышедшие номера объединялись в тома по 10 выпусков. С 1914 г. выпуски начали выходить в основном сдвоенными.

Малеин и Цыбульский были редакторами журнала, последний являлся издателем. Оба они были профессиональными историками и филологами-

⁴⁵¹ Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С.4.

⁴⁵²Цыбульский С.О. К вопросу о преподавании древних языков в гимназиях. СПб. Изд-во «Тип. В.Д. Смирнова». 1906. С. 7.

⁴⁵³ Доктор римской словесности, преподаватель историко-филологического факультета Петербургского университета, историко-филологического института. Являлся членом комиссии министерства народного просвещения по реформе средней школы и председателем подкомиссии по древним языкам: Биографический словарь лиц, окончивших курс института (1871-1893. Петроград: типография "Научное дело", 1917. С. 395-398.

⁴⁵⁴ Выпускник историко-филологического факультета Варшавского университета. В 1887 г. был командирован в Грецию, но информации о защите диссертации и получении ученой степени нет. Преподавал древние языки с 1890 по 1903 г. в Царскосельской гимназии, с 1903 в 3-й Петербургской гимназии. С 1907 г. возглавил комиссию по реформированию средней школы: Цыбульский Степан Осипович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXVIII. Цензурный комитет – человек. СПб: Изд-во «Семеновская Типолитография». 1903. С. 304.

классиками ратовавшими за развитие данной науки в России. Малеин являлся доктором римской словесности, преподавал на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Цыбульский закончил аналогичный факультет Варшавского университета, но информации о защите диссертации и получении ученой степени нет. С 1890 по 1903 гг. преподавал древние языки в Царскосельской гимназии, а с 1903 г. занимал должность директора 3-й Петербургской гимназии. Также оба создателя журнала являлись руководителями комиссии Министерства народного просвещения по реформированию средней школы. Цыбульский был ее председателем, а Малеин председателем подкомиссии по древним языкам. Также отмечалось, что ближайшее участие в делах редакции принимает Г.Г. Зоргенфрей.

Главная задача журнала заключалась «в сближении средней школы с высшей и в ознакомлении читателя с движением в области изучения античного мира», что в общем являлось продолжением дела «Филологического обозрения». Кроме того, создатели «Гермеса» сами напрямую подчеркивали свою преемственность с предшественником в научно-исследовательской области и с журналом «Гимназия» в области педагогики. Также ставились дополнительные задачи: «его статьи должны иметь характер ориентирующих, в виде самостоятельных работ и критических отзывов о новых трудах, появляющихся в русской и иностранной литературе», кроме того, журнал должен являться подспорьем для учителей гимназий в преподавании древних языков «он [журнал – Е.С.] должен связать науку со школой»⁴⁵⁵. О важности наличия такого журнала в деле школьного преподавания в 1906 г. высказывался один из его будущих создателей Цыбульский: «преподаватель, не знающий иностранных языков, совершенно лишен возможности следить за наукой; он даже не знает о

⁴⁵⁵ Там же С. 3.

выходе любой книги на русском языке по его специальности, о появлении того или другого учебника. Журнал необходим!»⁴⁵⁶.

Редакция подчеркивала, что издание должно быть в первую очередь научным, но в тоже время отличаться доступностью изложения. Круг потенциальных сотрудников изначально очерчивался университетскими профессорами и гимназическими педагогами, однако в дальнейшем публиковались работы и лиц, не занимающихся наукой профессионально, своего рода историков-любителей. Например, некоторые переводы античных авторов на страницах «Гермеса» опубликовали поэты В.Я. Брюсов и И.Ф. Анненский. Отмечалось, что данному изданию «не может быть чуждой ни одна из областей, на которой зиждется теперешнее изучение древнего мира»⁴⁵⁷. В соответствии с этой установкой на страницах журнала размещались материалы аналогичные тем, что мы видели при рассмотрении «Филологического обозрения»: история, археология, классическая филология, науковедение, педагогика в области преподавания древних языков.

Анализируя структуру журнала, следует отметить, что ежемесячные выпуски не имели как такового внутреннего разделения, но при объединении в тома материалу придавалась упорядоченность по разделам, при которой статьи из десяти входящих в том выпусков подвергались определенной перегруппировке, в результате которой они располагались не по порядку выхода или нумерации страниц, но по тематической принадлежности. Структура «больших» томов включала в себя следующие разделы: «Библиография» (в поздних выпусках – рецензии), «Извлечения из периодических изданий», «Археология», «Статьи по языку, истории, литературе, искусству, музыке и т.д.», «Статьи по дидактике и методике преподавания древних языков», «Переводы», «Вопросы и ответы» (в поздних выпусках – «Письма в редакцию и ответы»), «Хроника», «Новые книги»,

⁴⁵⁶Цыбульский С.О. Указ. соч. С. 3-4.

⁴⁵⁷ Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 3.

«Иллюстрации», переводы древних авторов, имеющие большой объем, помещали в приложения.

Такие разделы как «Библиография», «Извлечения из периодических изданий» и «Новые книги» по своему содержанию дублировали то, что мы видели в аналогичных разделах «Филологического обозрения», поэтому подробно разбирать их мы не будем. Однако отметим, что продолжение работы по систематизации и публикации такой информации на страницах нового журнала вновь указывает нам на ее важность для научного и педагогического сообщества. Раздел «Хроника» во многом повторял собой «*varia*» своего предшественника, однако круг вопросов, освещаемых в «Гермесе», был несколько шире. Здесь мы также обнаруживаем публикацию наиболее значимых выдержек из отчетов различных научных обществ, связанных с изучением античности, или краткое изложение происходившего на собраниях. Публикация подобной информации должна была способствовать притоку новых участников в эти общества, способствовала коммуникации между ними. Из числа таких организаций журнал регулярно освещал деятельность Общества классической филологии и педагогики, Императорского русского археологического общества, студенческого общества классической филологии при Петербургском университете. Отмечались наиболее значимые доклады, прозвучавшие в собрании обществ, и достижения их участников. Интересным примером служит сообщение о «Кружке друзей древнего мира», существовавшего при 1-й Петербургской гимназии. В рамках подготовки одного из докладов учащиеся гимназии самостоятельно смогли изготовить модели римских осадных машин, используя иллюстрированные таблицы Цыбульского⁴⁵⁸. Успешный опыт членов кружка привлек внимание педагогов. Его приводили в пример того, как можно подручными средствами без больших затрат обустроить кабинет

⁴⁵⁸ Миртов А. Кружок друзей древнего мира //Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 10. № 1. С. 37.

или школьный музей по древней истории⁴⁵⁹. Особенно выделяется данный раздел за счет публикаций информации о прошедших съездах профессоров и преподавателей, о международных конгрессах. В 1908 г. Ростовцев опубликовал на страницах «Гермеса» статью о прошедшем в Берлине международном историческом съезде, рассказав об его участниках, организации работы съезда и наиболее значимых докладах из секций греческой и римской истории секции восточной⁴⁶⁰. Часто новости из мира археологии публиковались в соответствующем разделе, но с пометкой их принадлежности к «хронике». Здесь же размещались материалы из заграничных командировок ученых, относящихся к научной работе или почерпнутому в Европе преподавательскому опыту, а иногда просто впечатления, воспоминания и путевые заметки, с которыми ранее читатель не имел возможности познакомиться нигде больше. Публикуемые в 60-ые гг. XIX в. отчеты командированных в ЖМНП в соответствии с требованиями к отчетности демонстрировали читателю лишь сухой «рабочий» материал, не оставляя места интересным подробностям, впечатлениями и воспоминаниям. Ярким примером подобного рода служит статья Ростовцева, написанная после посещения Александрии, где ученый выражает свою боль и переживания о множестве утраченных памятников эллинистического периода, разрушаемых ежедневно в ходе перестройки города⁴⁶¹. На наш взгляд, публикация данных материалов о командировках должна была помочь другим ученым в построении своих командировочных маршрутов, упростить поиск необходимых им для работы памятников или музеев зарубежья, наконец, облегчить навигацию по классическим странам, вплоть до выбора более удобного пути внутри страны. После того как в ЖМНП еще

⁴⁵⁹ Преподаватель из провинции. Письмо в редакцию и ответ редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 10. № 7. С. 194-197.

⁴⁶⁰ Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. № 3. С. 343-345.

⁴⁶¹ Ростовцев М.И. Александрия (путевые заметки) // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381.

в 60-ые годы перестали публиковать отчеты командированных, «Гермес» стал единственным изданием для антиковедов, где они могли поделиться своим опытом, полученным в командировке, и тем, как лучше построить ее маршрут. Например, Е.Г. Кагаров на страницах журнала рассказывает о том, как непогода вынудила его изменить намеченный маршрут во время путешествия по Пелопоннесу и прочих особенностях путешествия по Греции⁴⁶².

Отличительной чертой этой «Хроники» является появление новостей из культурной и педагогической деятельности, направленной на популяризацию античности. Например, писали о театральных постановках спектаклей на античную тематику, прошедших в том или ином учебном учреждении⁴⁶³. После совещания редакции журнала с представителями высшей и средней школы в 1908 г. было принято решение о расширении содержания, в первую очередь относительно «хроник». Ее дополнили статьями об экспонатах отечественных музеев, касающихся античной тематики, особенно из коллекций Эрмитажа⁴⁶⁴.

«Гермес» отличается от прочих рассмотренных в данной главе изданий совершенно иным подходом к работе с иллюстрациями. В отделе классической филологии ЖМНП и «Филологическом обозрении» они встречаются крайне редко и представлены в основном картами и схемами. Редакция «Гермеса» в этом отношении старалась сполна оправдать название своего издания. Страницы журнала были наполнены фотографиями, картинками и рисунками. Они могли сопровождать текст самой статьи, если их количество было небольшим, или помещались в отдельном разделе «Иллюстрации» в конце журнала, служа своего рода приложением к статьям.

⁴⁶² Кагаров Е.Г. Из заграничных впечатлений // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381.

⁴⁶³ Соколов П.П. Сцена из комедии Плавта *Aulularia* в исполнении учеников 1-й СПб. гимназии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908 Том 3. № 15. С. 408-410.

⁴⁶⁴ Хроника // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 3. № 15. С. 411.

Кроме того, указанный раздел редакция сама дополняла материалами, которыми считала нужным поделиться с читателями. Помимо карт и схем, иллюстрации в «Гермесе» были представлены различными фотографиями памятников, музейных экспонатов, мест проведения раскопок, портретами ученых и т.д. Вероятно, большую роль в этом плане сыграл богатый опыт Цыбульского в работе с иллюстративным материалом. Им были выпущены таблицы для наглядного преподавания и изучения греческих и римских древностей, представляющие собой многочисленные изображения предметов быта, искусства, вооружения и сцен повседневной жизни античного общества с пояснительными текстами⁴⁶⁵, а также «Иллюстрации быта древних греков и римлян»⁴⁶⁶. Наличие иллюстраций ставило «Гермес» в более выигрышное положение по сравнению со своим предшественником. Существование данного раздела отчасти помогало и самим ученым в их работе, позволяло запечатлеть наиболее важные события жизни научного сообщества, но помимо этого, должно было сделать журнал более привлекательным в глазах массового читателя, жаждущего увидеть памятники и артефакты античного мира. Как следствие, обилие иллюстраций должно было обеспечить «Гермесу» большие продажи.

Принципиально новым в работе журнала стало обеспечение возможности коммуникации внутри профессионального сообщества через редакцию и страницы издания благодаря существованию раздела «Вопросы и ответы» (в поздних выпусках «Письма в редакцию и ответы»). Каждый читатель мог направить в адрес «Гермеса» письмо со своими вопросами или предложениями по улучшению работы издания и наполняемости журнала и рассчитывать на то, что письмо будет опубликовано вместе с ответом

⁴⁶⁵Например, Цыбульский С.О. Греческий театр: Объяснительный текст к 12 и 13 «Табл. для нагляд. преподавания и изучения греч. и рим. Древностей». Варшава: Изд-во тип. К. Ковалевского. 1891. – 34 с; Он же. Римский дом: Объяснительный текст к XI-й «Таблице для наглядного преподавания и изучения греческих и римских древностей». СПб: Изд-во тип. В.А. Тиханова, 1902. – 39 с.

⁴⁶⁶Цыбульский С.О. Иллюстрации быта древних греков и римлян. СПб: Изд-во тип. В. А. Тиханова. 1903. – 16 с.

редакции на него или будет переадресовано другому читателю с последующей публикацией его ответа. Например, в 1915 г. в редакцию поступило письмо от неизвестного читателя с просьбой опубликовать в последующих номерах информацию, своего рода указатель или путеводитель о предметах или памятниках античного мира, которые можно посмотреть на территории России в местах проведения раскопок, в музеях и в частных коллекциях, открытых для интересующихся. Отмечалось в письме, что в существующих путеводителях по стране информации такого рода крайне мало, а сведения о проводимых раскопках и обнаруженных памятниках разрознены по множеству журналов и сборников, недоступных многим. В связи с поступившим письмом редакция обратилась к Б.В. Фармаковскому – ученому секретарю Императорского русского археологического общества, и опубликовала его ответ. В своем ответе Фармаковский, ссылаясь на недостаток времени, исключил возможность составления подобного указателя, но дал краткие рекомендации на этот счет. Он привел выходные данные издания, в котором отмечены все частные музеи и коллекционеры, отметил ряд музеев помимо столичных, в Одессе, Киеве, Керчи, Херсонесе, Екатеринославле, рекомендовал лично посетить места древнегреческих поселений в Ольвии, Керчи и Херсонесе, а также подробно расписал у кого на местах можно получить подробные сведения о ходе раскопок⁴⁶⁷.

Другим ярким примером служит обращение неизвестного учителя древних языков одной из провинциальных гимназий с просьбой к читателям журнала взять на себя труды по организации производства моделей римских стенобитных орудий для наглядной демонстрации школьникам. Вопрос заключался в том, чтобы приобрести такие модели в Германии, где их производство давно было отлажено, и найти в Москве «кустаря-игрушечника», способного повторить эти модели по представленному

⁴⁶⁷ Фармаковский Б.В. Письмо в редакцию // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1915. Том 16. № 7-8. С. 196-198.

образцу⁴⁶⁸. Редакция не только опубликовала данное письмо, но и от себя дала рекомендации по обустройству при гимназии музея по классическим древностям.

В то же время обращались в редакцию и с более короткими и конкретными вопросами. Например, некий И. Герасимов спрашивал: «Будьте любезны ответить в Вашем журнале, где я мог бы найти описание (на русском или немецком языках) раскопок на Крите и сделанных там открытий». В ответ редакция указала библиографические данные четырех работ Е.Г. Кагарова, В.П. Бузескула и на немецком языке – Эд. Мейера и Д. Фиммена⁴⁶⁹. Некоторые из адресованных в редакцию вопросов стимулировали непосредственный обмен опытом внутри научного сообщества. Тем, что журнал предоставлял такую возможность, особенно охотно пользовались молодые специалисты, но и опытные деятели науки и сферы образования использовали журнал для обращения к коллегам. Например, некий «начинающий преподаватель» обратился в редакцию с просьбой: «Прошу Редакцию не отказать в указаниях, как следует вести урок Цезаря или Ливия, одним словом – прозаика»⁴⁷⁰. Ему написал ответы Цыбульский, рассказав о собственном опыте и выводах, сделанных за годы преподавания, а также дал несколько практических указаний⁴⁷¹.

Часто вопросы касались организационных вопросов, касающихся организации и проведения важных для научного сообщества мероприятий: «многие г.г. подписчики обращаются к нам с вопросом о том, состоится ли на

⁴⁶⁸ Преподаватель из провинции. Письмо в редакцию и ответ редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 10. № 7. С. 194-197.

⁴⁶⁹ Герасимов И. Раскопки на Крите // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 6. № 4. С. 120; Фармаковский Б.В. Ответ на вопрос г. И. Герасимова // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 6. № 4. С. 120.

⁴⁷⁰ Начинаящий преподаватель. Как вести урок лат. прозаика? // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 7. № 20. С. 513.

⁴⁷¹ Цыбульский С.О. Ответ на вопрос начинающего преподавателя // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 7. № 20. С. 534-537.

Пасхе в Петербурге съезд учителей гимназий, преподающих древние языки. Редакция долгом считает ответить, что съезд преподавателей древних языков и древней истории предполагается устроить лишь на Рождество, что бы к этому времени можно было произвести все подготовительные работы».⁴⁷²

Рассматривая материалы по данной рубрике, мы можем отметить, что ни в одном из номеров журнал, опубликованные вопросы не являлись неудобными для редакции, ставящими ее в какое-либо неловкое положение, не содержали в себе открытой или подспудной критики, не говоря уже о каких-либо претензиях. Из-за чего у нас возникает предположение, что поступающие в адрес редакции вопросы подлежали определенному отбору и публиковались лишь те, которые устраивали Цыбульского и Малеина. Однако, за неимением возможности подтвердить эту мысль строгими доказательствами, мы вынуждены оставить ее в формате гипотезы.

Большую часть журнала составляли стороны научные, публицистические и научно-популярные статьи. В связи с этим мы считаем необходимым отдельно сказать несколько слов о жанре научно-популярных работ в рассматриваемое время. Он существенно отличался от современного уровнем сложности материала и его подачи. Такие труды не были ориентированы на детей и школьников, но были адресованы хорошо образованной публике и ученым из смежных областей знания, не занимающимся данной темой профессионально. Поэтому зачастую достаточно сложно провести четкий водораздел между статьями научными и научно-популярными. Это утверждение справедливо в том числе и для ряда трудов, размещенных в журнале, о котором речь пойдет дальше. Публикация научно-популярных статей в научных изданиях в исследуемый период являлась распространённой практикой. В данном случае показательным для нас может выступить ЖМНП, также допускающий появление подобных

⁴⁷² Ответ редакции. // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 6. С. 165.

работ на своих страницах⁴⁷³. В связи с чем мы полагаем, что наличие некоторого, не преобладающего количества таких статей в составе журнала для данного периода не умаляет его значимость как органа науки.

Научные и публицистические статьи соотносились между собой как 79% и 21%. Безусловно, появление значительной доли статей публицистических отличает «Гермес» от предшественников. Авторы таких работ освещали различные темы общественно-политической жизни, так или иначе связанные с античностью, ее изучением и преподаванием, выражали свое мнение по ряду вопросов, высказывали предложения. Например, на страницах журнала неоднократно высказывались мнения об изменениях и предлагаемых реформах преподавания древних языков⁴⁷⁴, о переводе греческого языка в статус необязательного предмета в гимназиях⁴⁷⁵, рассматривались модели преподавания классических языков и древней истории за рубежом⁴⁷⁶, высказывались мнения о культурных мероприятиях, таких как различные постановки античных произведений в театрах. На страницах журнала поднимались вопросы о влиянии античной культуры на современный мир. Здесь можно выделить в качестве примера статьи, посвященные увлечению античными сюжетами Пушкина⁴⁷⁷, Толстого⁴⁷⁸, Гоголя⁴⁷⁹ или французских поэтов того времени⁴⁸⁰. Так как журнал являлся

⁴⁷³ Кармазина О.В. Указ. соч. С. 101.

⁴⁷⁴ Гинтовт С.И. К реформе преподавания древних языков в духовных школах // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 4. № 1. С. 26-27.

⁴⁷⁵ Зоргенфрей Г. Г. Необязательный греческий язык // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 2. № 3. С. 84-85.

⁴⁷⁶ Варнеке Б.В. Английская система преподавания латинского языка // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 2. № 5. С. 127-131.

⁴⁷⁷ Малейн А.И. Пушкин и античный мир в лицейский период. Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 11. № 17. С. 489-498.

⁴⁷⁸ Зоргенфрей Г. Г. Толстой о греческом языке // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1913. Том 12. № 3. С. 54-56.

⁴⁷⁹ Звинский И.М. Гоголь, как любитель античного мира // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 419-421.

частным, на его страницах авторы могли позволить себе больше свободы в выражении мнения по животрепещущим вопросам общественной и научной жизни, в отличие от того же ЖМНП, где печатались статьи лишь поддерживающие правительственную политику.

Безусловно, основную часть журнала составляли строго научные статьи. В отличие от «Филологического обозрения», где все они были собраны в единый отдел, структура «Гермеса» была более дифференцированной. Основная их масса размещалась в разделе, неоднократно менявшем свое название, но в большинстве выпусков именовавшемся «Статьи по литературе, истории, философии и т.д.». Педагогические работы находились в разделе «Статьи по дидактике и методике преподавания древних языков», кроме того, существовали разделы «Археология и искусство» и «Переводы древних авторов». Мы также проанализировали соотношение тематики этих публикаций (приложение 11), сделав выборку из ряда томов (в выборку вошли тома: 2-3 т. 1908 г., 4-5 т. 1909 г., 6-7 т. 1910 г., всего 123 статьи). Согласно полученным результатам 40% опубликованных статей были посвящены конкретной истории, 34% – вопросам разбора текстов произведений древних авторов, 13% – археологии, 7% – преподаванию латинского и греческого языков, 3% – чистой филологии, 3% – методологии и науковедению. Таким образом, мы видим, что тематика конкретно-историческая выходит на первый план на страницах «Гермеса».

При рассмотрении научных статей, опубликованных в данном журнале, обращает на себя внимание их объем. Сравнительно с работами, публикуемыми теми же авторами в «Филологическом обозрении» или ЖМНП, объем статей, размещенных в «Гермесе», значительно уступает и составляет в среднем 5-6 журнальных страниц (объем около 12-13 тысяч

⁴⁸⁰ Анненский И.О. Античный миф в современной французской поэзии // // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 2. № 8. С. 177-185.

печатных знаков)⁴⁸¹. Следует отметить, что значительное их количество ограничивается 2-3 журнальными страницами (3,5-5 тысяч печатных знаков)⁴⁸², и лишь немногие превышают объем 10 журнальных страниц (15-16 тысяч печатных знаков)⁴⁸³. Такому положению дел соответствует и их содержание. Данные материалы зачастую представляют собой краткий обзор рассматриваемого вопроса или небольшие научные заметки. В то же время лишь немногие из них можно назвать полноценным научным исследованием. Для нас остается нерешенным вопрос: являлось ли это частью политики журнала, направленной на создание формата более «легкого» чтения, либо крупные ученые предпочитали размещать свои более серьезные работы в ЖМНП. В целях сравнения отметим, что подобного рода небольшого объема обзоры или заметки присутствуют и на страницах «Филологического обозрения» и ЖМНП, однако в существенно меньшем количестве. Статьи по переводам античных авторов и надписей на страницах «Гермес» также были небольшого объема. Здесь никогда не публиковали переводы целых произведений, но лишь отдельных фрагментов или небольших по объему произведений, например, од или текстов отдельных надписей.

Таким образом, мы приходим к выводу, что «Гермес» выступал в первую очередь в роли своего рода коммуникатора для научного сообщества специалистов по античному миру за счет наличия в нем актуальной информации касающейся данной области науки, новостей о выходящих книгах, популяризации античного наследия, публицистических статей, обилия иллюстраций, а также за счет его роли в качестве площадки для обмена мнениями и опытом посредством рубрики «Вопросы и ответы

⁴⁸¹ Ростовцев М.И. Александрия (путевые заметки) // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381.

⁴⁸² Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. № 3. С. 343-345; Звинский И.М. Гоголь, как любитель античного мира // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 419-421.

⁴⁸³ Шестаков С. Из новейшей литературы, относящейся к греческой трагедии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. № 3. С. 76-78; № 4. С. 97-111.

редакции», в то время как научная составляющая журнала оказалась отодвинута на второй план.

Поэтому, в отличие от «Филологического обозрения» и отдела классической филологии ЖМНП, характеризующихся нами как чисто научные, данный журнал, на наш взгляд, согласно предложенной Акоповым классификации следует характеризовать скорее как специализированный и научно-информационный⁴⁸⁴. В данном вопросе мы присоединяемся к мнению А.А. Абакумова, считавшего, что журнал являлся «своего рода координационным центром или клубом для российских учёных-антиковедов, площадкой для обмена мнениями»⁴⁸⁵. Тем не менее занятая «Гермесом» ниша была достаточно важна для жизни научного сообщества, так как на данном этапе развития науки коммуникация между учеными стала необходимым фактором развития данной области знаний и не только в плане обмена информацией о научных достижениях, но также и в плане обмена мнениями о текущем положении дел, обмена опытом по конкретно-практическим вопросам.

Анализ содержания журнала «Гермес» позволяет заключить, что изначально запланированная ставка редакции на привлечение широкой аудитории, на наш взгляд, не была реализована исходя из преобладания на его страницах публикаций научных и публицистических, касающихся вопросов, злободневных в первую очередь для жизни научного сообщества антиковедов и филологов-классиков. На это указывает даже сам состав авторов, публикуемых на страницах «Гермеса». Большинство из них деятели науки и педагоги. Вероятно, содержание журнала во многом определил сам материал, присылаемый ими в редакцию. Следовательно, целевой аудиторией «Гермеса», так же, как и в случае с «Филологическим

⁴⁸⁴ Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск: изд-во Иркутского ун-та. 1985. С. 7-8.

⁴⁸⁵ Абакумов А.А. Антиковедческие журналы в дореволюционной России // Книжная культура Ярославского края – 2013. Сборник статей и материалов. Ярославль: Изд-во «ВНД», 2014. С. 41.

обзрением», являлись ученые, преподаватели, «аспиранты», учителя гимназий, а также студенты историко-филологических факультетов, всерьез задумывающихся о будущей научной карьере.

В заключение данной главы мы вернемся к тезису, выдвинутому в ее начале. Проведенный нами анализ и рассмотрение периодических изданий «Филологическое обозрение», «Гермес» и Отдел классической филологии ЖМНП позволяет сделать вывод о том, что по целевому признаку перечисленные издания действительно могут быть характеризованы как специальные по антиковедению и классической филологии, так как в своей работе они преследовали цели удовлетворять и обслуживать интересы ученых и педагогов, работающих в этих областях науки и образования. Также они могут быть в полной мере определены как издания научные, учитывая авторский состав и тип статей, публикуемых на страницах этих изданий, за исключением «Гермеса», который по классификации Аكوпова следует характеризовать как журнал научно-информационный, учитывая большую долю в его составе статей о жизни научного сообщества. В связи с этим, на наш взгляд, первые по-настоящему специализированные и строго научные журналы по антиковедению появились во второй половине XIX в. В этом вопросе мы не согласимся с мнением С.Г. Карпюка, отводящего эту роль появившемуся лишь в советское время «Вестнику древней истории»⁴⁸⁶. Проведенное исследование показало, что истоки специальной научной периодики антиковедов в нашей стране уходят значительно глубже в прошлое. Также не согласимся мы и с мнением А.А. Абакумова, отдававшего пальму первенства в этом вопросе «Гермесу», по уже указанным ранее причинам⁴⁸⁷.

С точки зрения институционализации антиковедения в аспекте специальной научной периодики мы видим, что во второй половине XIX в.

⁴⁸⁶Карпюк С.Г. Вестник древней истории: начало // Вестник древней истории. 2017. № 3. С. 769-778.

⁴⁸⁷ Абакумов А.А. Указ. соч. С. 36-42.

данная область науки обретает свои печатные органы, работающие исключительно в ее интересах и отделяющие ее от других разделов всеобщей истории. Такое положение дел, безусловно, способствовало развитию антиковедения в России, обеспечивало обмен информацией и научными достижениями внутри сообщества антиковедов, консолидировало их работу и обеспечивало доступ к массиву публикаций как отечественных, так и отчасти зарубежных авторов. В то же время здесь, как и при рассмотрении образовательных институтов и институтов подготовки научных кадров, мы видим институциональное единство антиковедения и классической филологии. Труды по конкретно-историческим вопросам печатались в рассмотренных периодических изданиях наравне с работами по чистой филологии, где рассматривались различные вопросы грамматики латинского и греческого языков. Также особенностью институциализации печатных органов антиковедения в рассматриваемый период являлось совмещение в рядах целевой аудитории с одной стороны представителей науки и высшего образования, с другой – педагогов гимназий и прогимназий. Полагаем, что такое положение дел было продиктовано невозможностью издавать специализированный журнал, ограниченный лишь вопросами науки и высшего образования, из-за малочисленности такой аудитории в данный период. Тираж рассмотренных периодических изданий и спрос на них, как показало исследование, являлся достаточно низким, ставящим их фактически на грань выживания. Поэтому совершенно неизбежным становилось расширение круга тематики вопросами преподавания древних языков и древней истории в гимназиях для расширения целевой аудитории и спроса на такие журналы.

С точки зрения влияния рассмотренных институтов на содержательную часть науки мы можем предполагать, что специализированные журналы по античному миру, появившиеся в России в конце XIX – начале XX вв., предоставили молодым ученым пространство для своих публикаций и научных экспериментов. Блок Отдела классической филологии ЖМНП, как

уже было сказано ранее, имел строго ограниченный объем, и редакционная политика была направлена на отбор наиболее значимых научных трудов, как правило, созданных уже состоявшимися, известными учеными. Начинающим исследователям сложно было разместить свои работы на его страницах, и здесь на помощь им приходили «Филологическое обозрение» и «Гермес». Мы можем проследить эту ситуацию по первым публикациям Жебелева, Щукарева, Ростовцева, Бузескула, Сонни, Селиванова, Аппельрота. Основная доля их первых научных трудов опубликована именно в «Филологическом обозрении». Что касается упомянутых экспериментов, речь идет о «Хрониках» Щукарева и Жебелева, о пробах аналогичного творчества Ростовцева. Подобная рубрика была слишком нова и рискованна, особенно в исполнении молодых ученых, чтобы быть принятой для публикации ЖМНП. С другой стороны, редакция «Филологического обозрения», испытывающая трудности со сбором материалов, охотно включала подобные работы в свое издание. Таким образом, мы предполагаем, что специализированные журналы этого времени повлияли на содержательную сторону науки тем, что своим существованием стимулировали публикационную активность ученых, предоставляя им доступную возможность для размещения своих работ. В целом, ситуация получалась обоюдозависимой. С одной стороны, увеличивающееся количество ученых, которым нужно было где-то публиковаться, стимулировало появление новых научных журналов, в том числе специальных, а появление новых журналов, в свою очередь, стимулировало ученых повышать свою публикационную активность. Если такое предположение верно, то многие научные труды, особенно ранние работы ученых, начинающих свой профессиональный путь в конце XIX в., увидели свет и стали достоянием научного сообщества благодаря существованию «Филологического обозрения» и «Гермеса».

Ситуация меняется только с 1902 г. когда редактором Отдела стал Жебелев, который, вероятно, из-за своего опыта лучше понимал потребность молодых ученых в публикациях. В действительности, при нем, хоть и не

сразу, но к 1910-ым гг. на страницах ЖМНП можно было увидеть значительное количество работ еще не получивших ученую степень начинающих антиковедов⁴⁸⁸.

⁴⁸⁸ Например, Лурье С.Я. Беотийский союз // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1914. Ч. 51. С. 225-243; Часть 52. С. 227-315; Струве В.В. Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915. Ч. 55. С. 1-64; Богаевский Б.Л. Очерки земледельческого хозяйства Афин // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 58. С. 295-325; 1915. Ч. 57. С. 247-271; Казанский Б.В. Учение об арсисе и тезисе // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 58. С. 343-365.

Глава 3. Научные общества и Императорская Академия наук в контексте институционализации отечественного антиковедения

Третий и последний, согласно теории И. Жэнгра, аспект институционализации науки заключается в формировании научных общественных организаций, как независимых, так и находящихся под патронажем государства. Теоретик отмечает, что их возникновение в Европе еще в середине XVII в. стало поворотным моментом в рассматриваемом процессе, так как способствовало кооперации и координации деятельности исследователей на качественно новом уровне, открыло возможность проводить коллективные исследования, воплощать в жизнь масштабные проекты, ранее невозможные для осуществления отдельными лицами, и способствовало повышению авторитета и престижа науки в обществе, ее популяризации⁴⁸⁹. Применительно к предмету нашего исследования данный аспект выразился в создании специального отделения в структуре Академии наук и ряда научных обществ, специализирующихся на антиковедении или занимающихся им вместе с другими блоками истории, возникавших как по инициативе коллективов частных лиц, так и по инициативе государства или представителей власти на местах. В данной главе мы выявим институты, занимавшиеся исследованием античного мира, рассмотрим их возникновение, функционирование и постараемся оценить действительный вклад в развитие данной дисциплины.

Кроме того, на развитие отечественной науки об античности в определенной мере повлияла такая форма организации науки, как международные конгрессы ученых. Несмотря на то, что данный институт выходит за пределы государственных границ и нашего предметного поля, поэтому не может напрямую рассматриваться с точки зрения институционализации антиковедения в России, тем не менее, его влияние в определенной степени способствовало указанному процессу, что также будет рассмотрено нами.

⁴⁸⁹ Жэнгра И. Социология науки. М.: Изд-во «Высшей школы экономики». 2017. С. 34-36.

Из немногих вариантов определений такого явления, как «научное общество», представленных в историографии, на наш взгляд наиболее удачным является следующее: «добровольные объединения специалистов, ведущих научные исследования, и лиц, интересующихся какой-либо отраслью науки безотносительно к роду своей основной работы»⁴⁹⁰.

А.Д. Степанский первым в отечественной науке комплексно подошел к рассмотрению данного вопроса на материалах Российской Империи. В своих работах автор отмечал, что, несмотря на большое количество, исчисляемое сотнями, и соответствующее многообразие, возможно выделить некоторые общие черты и характеристики научных обществ дореволюционной России. Прежде чем приступать к детальному рассмотрению таких организаций именно антиковедческой направленности, мы считаем целесообразным обозначить выделенные Степанским общие черты данного явления, так как они будут характерны и для исследуемого нами материала⁴⁹¹.

Официальная история любого научного общества начинается с момента утверждения его устава в Министерстве народного просвещения. Однако фактически общество зарождается чуть ранее, когда возникает сама идея его создания и формируется первоначальный коллектив будущих участников. Как правило, проводилось одно-два собрания для совместной разработки, обсуждения и утверждения устава нового общества. Данный документ определяет организационное устройство и основные направления будущей деятельности, поэтому его выработка и принятие обычно проходили коллективно. Готовый и подписанный первоначальными участниками документ направляли в Министерство для утверждения, а в случае принятия положительного решения здесь следующей инстанцией

⁴⁹⁰ Шейман Ю.М. Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М.: Изд-во «Наука», 1972. С. 37.

⁴⁹¹ Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ дореволюционной России // Археографический ежегодник. М.: Изд-во «Наука». 1974. С. 38-56; Он же. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 74-78; Он же. История научных учреждений и организаций дореволюционной России: учебное пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ. 1967. – 86 с;

выступало Министерство внутренних дел, которое при необходимости должно было утвердить право общества заказывать из-за границы любые книги и право публиковать собственные издания без предварительной цензуры⁴⁹². Помимо этого, государство предпринимало ряд мер по контролю за работой ученых путем утверждения повестки конкретного собрания или какого-либо мероприятия. Государство также принимало меры по поддержке научных обществ. С 1867 г. было принято решение о выдаче ежегодного пособия в размере 2500 рублей каждому из них⁴⁹³. Кроме того, большинство научных обществ обращались к дополнительным государственным субсидиям в той или иной мере, как правило, в вопросах поиска средств для финансирования одного из своих проектов (чаще всего речь шла о печати какого-либо издания, созданного усилиями членов общества).

В большинстве своем научные общества учреждались коллективами частных лиц (профессионалов или любителей), не связанных с властью, или эта связь не имела отношения к данному вопросу. Однако иногда подобные общественные организации возникали под патронажем государства, при его активном участии или при государственных учреждениях. Например, Псковское археологическое общество было создано в 1878 г. по инициативе А.С. Уварова при губернском статистическом комитете, при этом основной костяк общества составляли именно чиновники. К концу XIX в. научные общества исторической или археологической направленности существовали при каждом университете, кроме Томского, так как он не имел историко-филологического факультета.

В соответствии с заявленной в уставе целью создания и работы общества их можно разделить на просветительские и исследовательские. Однако в данном вопросе мы разделяем мнение Степанского, утверждавшего, что такое деление условно, так как, несмотря на положения

⁴⁹² Дело по отношению министра народного просвещения об утверждении устава общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 1286 Оп. 35 Д. 152. Л. 4.

⁴⁹³ Обухович В.В. Научные общества Российской Империи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 5. С. 24.

устава, многие общества совмещали то и другое направление работы в разном соотношении, но, как правило, одно из направлений всегда было преобладающим⁴⁹⁴.

По своему составу научные общества могут быть разделены на профессиональные (в них входили преподаватели университетов, учителя, работники архивов, музеев, библиотек) и любительские, включающие в свой состав лиц, не связанных профессиональными отношениями с наукой и зачастую даже не имеющих профильного образования, но интересующихся ей. Однако и в этом случае такое деление часто было условным, так как с точки зрения профессионального критерия большая часть из них имела смешанный состав. Во многих научных обществах присутствовали «мертвые души». Это были представители высших слоев общества, чиновники, меценаты, которые входили в составы подобных обществ из соображений «престижности» связей с наукой, но практической пользы они зачастую не приносили, а иногда, наоборот, создавали трудности. Степанский выделяет в особую группу так называемые «великосветские» научные общества, где руководящую роль занимали аристократы и чиновники, в то время как рядовые ученые выполняли функции исполнителей⁴⁹⁵. В советской историографии этот момент по идеологическим соображениям оценивали как негативный, подчеркивая лишь его отрицательные стороны. В дальнейшем при рассмотрении работы антиковедческих обществ мы уточним этот вывод и дадим свою оценку применительно к конкретным организациям.

Основными формами работы научных обществ в целом Степанский считает следующие: «заслушивание и обсуждение научных докладов и сообщений, выпуск периодических и непериодических изданий, соби́рание и выявление исторических источников и памятников, создание и пополнение библиотек, музеев и архивов, проведение лекций и других просветительских мероприятий, в ряде случаев организация экспедиций и мер по охране

⁴⁹⁴ Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ дореволюционной России // Археографический ежегодник. М.: Изд-во «Наука». 1974. С. 39.

⁴⁹⁵ Там же. С. 40.

памятников»⁴⁹⁶. От себя мы добавим к этому списку также переводы и рецензирование трудов зарубежных авторов, закупку актуальной литературы по соответствующей тематике из Европы, участие в обсуждении общественных вопросов, в интересующем нас случае конкретно сферы образования.

С организационной точки зрения работа обществ осуществлялась преимущественно посредством собрания членов или собрания отделов общества, если они выделялись в структуре организации. На них присутствовали члены общества, и при открытом характере работы (который определялся уставом) допускалось приглашение заинтересованных лиц, представителей прессы, студентов, интересующихся. У большинства обществ такие мероприятия происходили раз в месяц, у наиболее активно работающих – два-три раза в месяц. Собрания открывал и вел председатель в соответствии с повесткой, заранее сформированной и разосланной членам общества секретарем. Здесь озвучивались торжественные речи, сообщались новости, коллективно обсуждались вопросы жизни организации, голосовали за принятие новых членов, провожали чтением некрологов скончавшихся, выносились предложения по дальнейшему развитию и организации работы. Наибольшая часть времени заседаний отводилась заслушиванию и обсуждению докладов членов общества. Важным направлением работы каждого сколько-нибудь реально работающего общества был выпуск «Трудов» или «Записок», в которых публиковали те самые доклады, статьи и другие труды их членов, а также отчеты о заседаниях или их протоколы, содержащие информацию по обсуждаемым вопросам и принятым решениям. Такие издания у разных организаций имели существенные отличия в периодичности выхода, содержании, структуре. Некоторые из них по всем признакам соответствовали научному журналу, за исключением того, что круг корреспондентов ограничивался членством в обществе. Немногие и вовсе организовали полноценный журнал, ориентируя его на свои нужды, но

⁴⁹⁶ Там же. С. 40.

стремясь при этом служить печатным органом для своей науки в целом и собрать на своих страницах все, касающееся ее жизни. Так в предыдущей главе мы говорили о том, что «Отдел классической филологии» в ЖМНП первое время служил целям общества классической филологии, а позже его членами было создано «Филологическое обозрение». Издатели при этом никак не ограничивали возможность публиковаться в нем членством в организации, напротив, старались привлечь всех возможных ученых к сотрудничеству.

Переходя к антиковедению, добавим также, что Степанский предложил разделять общества на универсальные, занимающиеся различными темами и областями науки, и специализированные, сосредоточившие свое внимание на конкретной предметной области или допускающие в своей повестке различную тематику, но при этом наблюдается выраженное преобладание какой-то конкретной из них. Как правило, этот момент четко фиксировался в уставе. Применительно к нашему исследованию мы выделим в качестве специализированных научных обществ по антиковедению те, которые сосредотачивали свое внимание на вопросах классической филологии, античной истории, а также всеобщей истории в целом, но с преобладающим уклоном в античную тематику, а также археологические, занимающиеся преимущественно классическими древностями Северного Причерноморья.

Из числа исторических обществ лишь Общество классической филологии и педагогики всецело специализировалось на античном мире. Также Историческое общество при Петербургском Императорском университете занималось различными разделами истории, но антиковедение в его работе занимало весьма значимую роль и было представлено отдельной секцией. Иные исторические и историко-филологические научные общества обращались к античной тематике относительно редко, такие обращения носили скорее случайный характер, нежели являлись сколько-нибудь целенаправленными. Поэтому иные общества не будут рассматриваться в данной работе.

Из числа археологических научных обществ нами не было выявлено ни одного специально занимающегося античностью. Однако, Императорское русское археологическое общество и Одесское общество истории и древностей внесли весьма значимый вклад в развитие отечественного антиковедения.

3.1. Научные исторические общества антиковедческой специализации

Первые научные общества, занимающиеся историей, появились в нашей стране еще в конце XVIII – начале XIX вв., однако их было немного, и некоторые из них долго не просуществовали. Лишь в пореформенный период началось по-настоящему активное и плодотворное развитие подобных организаций, что связывается с увеличением научных сил в стране, ростом интереса к науке и истории в частности, предоставлением больших свобод для ученого сообщества⁴⁹⁷. Одновременно с этим и государство стало проявлять больший интерес к поддержке общественных инициатив, направленных на укрепление и развитие сил отечественной науки⁴⁹⁸. Именно в этот период возникло первое научное общество, специализирующееся на изучении античного мира.

Общество классической филологии и педагогики было учреждено в Петербурге в 1874 г. по инициативе А.И. Георгиевского. Хотя в действительности эта дата условна и отражает скорее официальное утверждение устава общества министром народного просвещения Д.А. Толстым. Фактически общество зародилось несколько ранее. По утверждению А.И. Малеина, первые шаги по его организации были предприняты создателем еще в конце 1872 г. Тогда первые предполагаемые участники будущей организации, петербургские филологи и историки, регулярно собирались на квартире Георгиевского, где обсуждали саму идею, разрабатывали устав, решали прочие организационные вопросы и намечали планы будущей работы⁴⁹⁹. Первые предложения по проектам общества были озвучены уже на этом этапе. Вскоре документы были отправлены на утверждение. Прошение, поданное в 1874 г. на имя министра, помимо самого инициатора, подписали еще 54 человека. Малеин сообщает нам, что среди

⁴⁹⁷ Степанский А.Д. Первые исторические общества России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 74-78.

⁴⁹⁸ Обухович В.В. Указ. соч. С. 23-24.

⁴⁹⁹ Малеин А.И. К истории классической филологии в России. Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования // Филологическое обозрение. 1899. № 17. С. 53.

них были крупные деятели науки, профессора Петербургского университета, члены академии наук, учителя и директора гимназий⁵⁰⁰. При этом проведенный нами анализ подписей на самом документе позволил установить личность 22 участников (приложение 12) и определить социальный состав основоположников организации. Большинство из них – преподаватели древней истории или классических языков университетов и историко-филологических институтов, но также были выявлены четыре чиновника Министерства народного просвещения (сам Георгиевский и Н.М. Аничков, И.В. Помяловский, И.М. Фоков), два учителя гимназий (Э.А. Верт, И.Ф. Фоков), один инспектор гимназии – Ф.Ф. Гельбке, и четыре директора гимназий, хотя фамилии двоих установить не удалось, они подписались, как директора. Из последних нам известны В.Х. Лемониус и М.М. Янко. Несмотря на достаточно разноплановый состав участников, как по сфере деятельности, так и по социальному положению, всех их объединял научный интерес к античному миру.

С самого начала общество пользовалось бесспорной поддержкой и покровительством Министерства народного просвещения. Этому способствовал и общий курс образовательной политики, построенный на классицизме, членство некоторых чиновников Министерства народного просвещения, в том числе и самого Георгиевского, занимающего должность в ученом комитете Министерства, его личные близкие связи с Толстым, кроме того, последний, видимо, и сам искренне ратовал за любые инициативы, способствующие развитию классической филологии в России. Об этом сообщает нам Малеин, и его слова подтверждаются архивными документами. После утверждения устава общества Толстой направил в адрес Министерства внутренних дел письмо с личной просьбой ввиду полезности такого общества для развития науки ускорить рассмотрение вопросов о

⁵⁰⁰ Дело об утверждении устава Общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 14-15.

разрешении обществу печатать свои издания без предварительной цензуры и ввозить из-за границы необходимую научную литературу⁵⁰¹.

Согласно уставу, главной целью общества провозглашалось «содействовать успешному преподаванию древних классических языков и их литературы в средних и высших учебных заведениях светских и духовных и вообще преуспеванию классической филологии в России»⁵⁰². В тоже время в «круг деятельности общества» были включены девять основных пунктов:

1) Разработка вопросов, относящихся к разным областям классической филологии;

2) Забота об улучшении учебной литературы путем составления новых учебных пособий, поиска средств для этих нужд и распределения работы над самим изданием между членами общества;

3) Работа над улучшением доступности литературы путем распространения среди учебных заведений изданий, вышедших из-под редакции самого общества, а также заказ из-за границы необходимой научной литературы для членов общества и распространения в учебных заведениях;

4) Работа с библиотеками гимназий и университетов по ежегодному дополнению указателей книг, необходимых для изучения классической филологии;

5) При посредничестве руководства учебных заведений принятие мер для поощрения учащихся в занятиях классической филологией;

6) Обсуждение трудов членов общества;

7) Отслеживание появления новых исследований в области классической филологии, как отечественных ученых, так и зарубежных, выписывание изданий, в которых опубликованы такие труды;

⁵⁰¹ Дело по отношению министра народного просвещения об утверждении устава общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 1286 Оп. 35 Д. 152. Л. 3.

⁵⁰² Там же. // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 16-17.

8) Поощрение отечественных ученых к занятию классической филологией путем выдачи ссуд или пособий для издания их работ или печать таковых за счет общества;

9) Издание собственного журнала, сборников, отдельных статей, переводов или оригинальных текстов древних авторов.

Согласно заявленным направлениям работы общество было по большей части ориентировано на вопросы, связанные с изучением и преподаванием древних языков. В действительности рассмотрение вопросов античной истории составляло значительную часть его работы, о чем речь пойдет ниже.

По своему составу общество в первую очередь ориентировалось на профессиональных историков и филологов. В действительные члены общества принимали «прежних и нынешних» преподавателей древних языков высших и средних учебных заведений, а также «вообще лица, сведущие в обоих древних языках»⁵⁰³. Войти в ряды организации можно было по предложению не менее трех членов общества и посредством последующей баллотировки. Также в число именно почетных членов избирали по предложению председателя лиц, имеющих особые заслуги в области науки или преподавания древних языков. Эти две категории участников составляли основу общества и обладали всеми правами избираться в управляющие органы организации. Кроме того, существовала категория членов-соревнователей, созданная, вероятно, специально для включения в состав организации «великосветских» лиц, не связанных с наукой, так, чтобы их присутствием не создавать ущерба работе самого общества. Устав не допускал их к решению управленческих вопросов и занятию должностей, но позволял присутствовать на собраниях и участвовать в обсуждении докладов и статей. Кроме того, введение данной категории приносило бюджету общества очевидную выгоду. Членские взносы для них устанавливались в 10 раз выше чем для действительных

⁵⁰³ Там же. // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 21-22.

членов (100 и 10 рублей соответственно), а также требовался единовременный взнос в размере 500 рублей при вступлении⁵⁰⁴.

Главным управляющим органом общества выступал Совет, состоящий из пяти членов и председателя: «Без разрешения Совета Общества никакая мера, а также и никакой выбор не могут быть предложены и подвергнуты баллотированию, и не может быть произведён никакой денежный расход»⁵⁰⁵. Председатель являлся своего рода исполнительной властью при Совете, обеспечивая реализацию всех принятых им решений, он же открывал и закрывал заседания. Эту должность с самого начала и ежегодно вплоть до 1896 г. занимал А.И. Георгиевский, таким образом, он переизбирался более двадцати раз подряд. Возникающее на первый взгляд представление о том, что Георгиевский узурпировал свой пост на правах создателя общества, опираясь на свое высокое положение в Министерстве, в действительности оказывается ошибочным. Судя по всему, он был достоин занимать эту должность так долго. Малеин с грустью пишет о том, как Георгиевский объявил о своем уходе в 1896 г. по состоянию здоровья. Другие члены общества также не хотели его отставки и единогласно избрали «почетным председателем»⁵⁰⁶. Этот пост был формальным, своего рода способом отдать дань уважения заслуженному руководителю, а вот действительным председателем после него был избран В.В. Латышев, занимавший этот пост вплоть до конца существования общества в 1917 г. Товарищем председателя, своего рода заместителем при нем, был Ф.Ф. Зелинский.

В 1875 г. в адрес Министерства был подан отчет, в котором среди прочего сообщается, что членами Совета были избраны И.И. Помяловский, В.Х. Лемониус, Л.О. Лавровский и Н.И. Савинов. Секретарем был назначен А.А. Раданевский, казначеем К.И. Смирнов и библиотекарем Э.А. Верт⁵⁰⁷,

⁵⁰⁴ Там же. // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 22.

⁵⁰⁵ Там же. // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 31-32.

⁵⁰⁶ Малеин А.И. Указ. соч. С. 75.

⁵⁰⁷ Дело об утверждении устава Общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 205-206.

который в дальнейшем станет редактором Отдела классической филологии ЖМНП, о чем было сказано в предыдущей главе. Таков был первоначальный состав руководства и должностных лиц организации. В дальнейшие годы должности в Совете занимали А.И. Чистяков, К.И. Смирнов, А.А. Гофман, М.В. Пустонский, В.Х. Лемониус, М.М. Янко, Я.Г. Мор, А.Н. Щукарев, К.В. Гибель, И.Ф. Анненский, И.И. Прозоров⁵⁰⁸.

Устав предусматривал возможность создания региональных отделений общества со своим Советом и председателем, но находящихся под руководством Петербурга. Такие отделения возникли в Москве, Харькове, Киеве, Казани и Одессе. Однако их судьба оказалась не слишком удачной. Малеин называет их деятельность «очень эфемерной»⁵⁰⁹. Харьковское отделение прекратило существование спустя три с половиной года после открытия из-за перевода его основателя и директора 2-й Харьковской гимназии Н.Е. Скворцова на другую должность. Схожим образом в течение трех лет сошла на нет работа Казанского отделения. Причина заключалась в переводе многих членов регионального отделения на службу в другие города. Хуже всего обстояло дело с Одесским отделением, открытие которого было заявлено, но так и не состоялось.

Московское отделение, самое старшее из всех, созданное в 1874 г., хоть и официально существовало вплоть до событий 1917 г., в действительности прекратило активно работать после 1878 г. На одном из первых собраний члены общества под председательством М.Н. Каткова, известного сторонника господства классицизма в образовании, приняли решение сосредоточить работу отделения исключительно на вопросах грамматики древних языков и их преподавания. Такое положение дел многим не понравилось, и в скором времени некоторые члены покинули ряды общества, в том числе профессора Ф.Е. Корш и Ф.Ф. Фортунатов. Оказавшись

⁵⁰⁸ Об этом сообщают отчеты общества за разные годы. Например: Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики в 1904 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть I. С. 47.

⁵⁰⁹ Малеин А.И. Указ. соч. С. 54.

«обескровленным», Московское отделение не смогло оправиться от потери и продолжать эффективную работу⁵¹⁰.

Относительно указанных примеров лучше всех проявило себя Киевское отделение, просуществовавшее вплоть до 1917 г. В его работе было произведено несколько удачных проектов, однако вскоре после возникновения в 1875 г. Киевское отделение обособилось от своего «родителя» и функционировало по сути как самостоятельная организация.

Причина этого, согласно данным Малеина, заключается в чрезмерной медлительности Петербургского отделения в утверждении новых членов Киевского отделения и результатов выборов, на что поступали неоднократные жалобы⁵¹¹.

Оценить, насколько были велики научные силы общества, можно обратившись к его численности и составу. Ранее мы упомянули, что в момент подачи устава в Министерство для утверждения его подписали 54 участника. В течение 1870-ых гг. численность членов общества резко возросла до 163 человек⁵¹² за счет открытия региональных отделений, но, как мы уже знаем, они либо не просуществовали долго, либо стали самостоятельными. В дальнейшем в отчетах общества стала фигурировать информация только о членах Петербургского отделения. С течением лет их количество неспешно, но неуклонно увеличивалось: 1877 г. – 62 чел.⁵¹³, 1899 г. – 70 чел.⁵¹⁴, 1904 – 83 чел.⁵¹⁵ Также нами был составлен список известных членов общества (приложение 13). Однако эти цифры в действительности мало о чем говорят. Намного показательнее звучат имена членов общества. В тех же отчетах мы видим, что в нем состояли и принимали активное участие в работе такие

⁵¹⁰ Там же. С. 54-58.

⁵¹¹ Там же. С. 58.

⁵¹² Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики за 1874-1877 годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Часть СХСХVI. С. 833.

⁵¹³ Там же. С. 833.

⁵¹⁴ Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССLI. С. 311.

⁵¹⁵ Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики в 1904 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть I. С. 49.

крупные представители науки об античности, как В.Г. Васильевский, Э.А. Верт, В.К. Ернштедт, С.А. Жебелев, Ф.Ф. Зелинский, Г.Г. Зоргенфрей, Ф.Е. Корш, В.В. Латышев, Р.Х. Лепер, А.И. Малеин, Л.А. Миллер, И.В. Модестов, А. К. Наук, Б.Н. Некрасов, П.В. Никитин, И.В. Помяловский, М.И. Ростовцев, Н.И. Савинов, Ф.Ф. Соколов, Б.В. Фармаковский, С.О. Цыбульский, А.Н. Щукарев.

Работа общества осуществлялась преимущественно на собраниях. Подобные встречи согласно уставу проводились не реже раза в месяц, за исключением летних месяцев. Отчеты свидетельствуют о том, что заявленная периодичность этих мероприятий выдерживалась на протяжении всего времени существования организации. Допускалась также возможность проведения внеочередных экстренных встреч общества. Собрания являлись открытыми, к участию в них приглашались все представители науки и лица, сочувствующие целям общества, а информация о датах и повестке предстоящей встречи публиковалась в «Новом Времени», «Новостях», «Петербургских Ведомостях»⁵¹⁶. Постоянным местом их проведения с 1880 г. служили помещения 6-й Петербургской гимназии расположенной в центре города на площади Чернышева д. 2 (сейчас площадь Ломоносова). Кроме того, для решения отдельных задач могли формироваться комиссии, которые собирались отдельно, но в конечном итоге на общем собрании докладывали о результатах работы.

Основным форматом работы на собраниях общества являлось чтение и обсуждение докладов или рефератов. Анализ их содержания позволяет нам выделить три группы по принципу назначения: научные, практические и критические. Списки представленных докладов и короткие комментарии к ним сообщались в отчетах, подаваемых обществом в Министерство и публикуемых в Отделе классической филологии ЖМНП. Также они размещались на страницах «Филологического обозрения» в виде статей и отдельными выдержками по наиболее интересным и важным вопросам в

⁵¹⁶ Малеин А.И. Указ. соч. С. 75.

«Гермесе». В отличие от многих других научных обществ, Общество классической филологии и педагогики не издавало своих «Записок», их роль в разное время выполняли указанные выше периодические издания.

К первой группе докладов относились сообщения о проведенной научно-исследовательской работе с целью поделиться результатами, получить оценку со стороны коллег, довести до сведения остальных членов общества актуальную информацию о состоянии и движении в науке, инициировать дискуссию⁵¹⁷. Последние действительно нередко происходили во время собраний. Во многом такой формат рефератов схож с современным представлением докладов на научных конференциях или круглых столах.

Несмотря на заявленную в уставе общества направленность работы в области классической филологии, в действительности общество занималось разработкой античной истории в целом. Научные доклады, читаемые во время собраний, касались непосредственно истории, археологии, методологии изучения древнего мира, педагогических вопросов. Например, на заседании 10 октября 1901 г. В.В. Латышев выступил с сообщением о раскопках в Херсонесе в 1900 г., Ф.Ф. Зелинский представил доклад «О сущности и значении ритмического элемента в речах Цицерона», П.П. Соколов поделился результатами своих исследований, посвящённых хронологии гимнов Каллимаха⁵¹⁸. Так как наиболее удачные из них публиковались на страницах «Филологического обозрения», рассмотренного в предыдущей главе, нет необходимости отдельно анализировать их состав.

Доклады практического толка были направлены на обсуждение конкретных злободневных проблем в работе общества по научной или педагогической деятельности. Часто их результатом становилась организация совместной работы членов над тем или иным проектом. Например, подобное

⁵¹⁷ Например, краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССЛ. С. 327.

⁵¹⁸ Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССЛ. С. 340-341.

выступление Георгиевского в 1880 г. инициировало работу общества по разработке проекта требований к экзаменам и учебных планов по древним языкам в гимназиях, а в 1881 г. он же своим выступлением положил начало работе общества над переводом словаря греческих древностей Любкера⁵¹⁹. Также в этом формате часто ставились конкретные вопросы практической стороны учебного процесса, высказывались предложения по ним или, наоборот, взывали к совместному обсуждению той или иной проблемы и поиску путей ее решения. Достигнутые здесь результаты в дальнейшем члены общества стремились внедрить непосредственно в учебный процесс как в своей персональной работе, так и довести выработанные предложения до Министерства с целью их реализации на государственном уровне. Так, 18 октября 1900 г. И.О. Аралов выступил с докладом о новых учебных планах преподавания древних языков, в котором критиковал утвержденное Министерством сокращение курса грамматики и рекомендовал использовать концентрический метод для облегчения усвоения материала школьниками⁵²⁰, а 28 ноября 1901 г. Э.Ю. Кербер докладывал о том, «Каких последствий можно ожидать от преобразования средней школы в отношении развития идейности в учениках», рассуждая о целях классического образования и эффективности их достижения⁵²¹. Несмотря на то, что количество научных докладов в целом в повестке общества абсолютно преобладало, накануне или сразу после проводимых реформ или изменений в области образования практические вопросы вытесняли все остальные и по количеству докладов, и по количеству дискуссий, разворачивавшихся вокруг них.

Последнюю группу рефератов или докладов мы, вслед за Малеиным, обозначили как критические. В рамках этого направления работы члены общества разбирали и подвергали критическому рассмотрению труды

⁵¹⁹ Малеин А.И. Указ. соч. С. 61.

⁵²⁰ Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССЛ. С. 329.

⁵²¹ Там же. С. 341.

отечественных и зарубежных авторов по антиковедению, в том числе тех, которые поступали в адрес редакции отдела классической филологии ЖМНП. Важно отметить, что работа в этом направлении велась не только с напечатанными трудами, но также и с неизданными рукописями. Например, члены общества рассматривали бумаги, оставшиеся после смерти неизвестного учителя Черниговской гимназии, и высоко оценили составленный им учебник латинского языка для учеников трех начальных классов⁵²². По предложению Л.И. Лаврентьева внутри круга активно работающих членов общества были распределены издания и журналы, рассмотрение которых и подготовка соответствующего обзора вменялись в их обязанность. Данная мера была поддержана, но, по наблюдению Малеина, не реализована в должной мере. Однако работа по составлению критических докладов и без того велась достаточно активно и успешно: «за последние три года, смело можно сказать, на собраниях общества подверглись рассмотрению и обсуждению почти все выдающиеся явления в области как иностранной, так и русской литературы по классической филологии»⁵²³. Многие из этих докладов также в дальнейшем поступали для публикации в специализированных периодических изданиях в рубриках, посвящённых обзору новой литературы и статей.

Помимо собраний, общество занималось реализацией проектов практического назначения, предложенных авторами докладов. Характер таких проектов был самым различным. Важная сторона работы в этом направлении заключалась в выпуске под эгидой организации ряда научных изданий. Самым крупным проектом за всю историю существования общества являлся перевод и издание «Реального словаря классических древностей» Ф. Любкера⁵²⁴. Для осуществления такой по-настоящему объёмной задачи общество сформировало комиссию из четырех редакторов (А.И.

⁵²² Малеин А.И. Указ. соч. С. 73.

⁵²³ Малеин А.И. Указ. соч. С. 73.

⁵²⁴ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб.: Изд-во Общества классической филологии и педагогики. 1885. – 1552 с.

Георгиевский, М.В. Пустонский, Ф.Ф. Гельбке, П.В. Никитин), которые координировали и распределяли работу между остальными членами общества. По сообщению Малеина, в целом над словарем работали одиннадцать переводчиков, шесть редакторов-корректоров, один главный редактор, еще один редактор, занимавшийся составлением указателя, и для перевода греческих единиц измерения в русские был привлечен математик И.П. Верещагин⁵²⁵. На данном примере мы видим, почему возникновение подобных обществ было важно для науки. Подобный проект, безусловно значимый и не теряющий свою актуальность даже по сей день, не мог быть реализован силами одного-двух ученых энтузиастов. Только существование организации, объединяющей в своих рядах специалистов данной области, могло обеспечить кооперирование и координацию работы над подобной масштабной задачей, а также обеспечить необходимое финансирование.

Кроме того, члены общества составили несколько своих учебных пособий и помогли сторонним авторам в издании ряда учебных пособий по древним языкам. Так общество за свой счет помогло Е. Чеховскому выпустить комментарии к «*Sato maior*» Цицерона и оплатило создание настенных таблиц С.О. Цыбульского по римской и греческой истории⁵²⁶.

Члены общества единожды выступали судьями в конкурсе по написанию научных сочинений в области классической филологии, организованном Новороссийским университетом в 1878 г. Также в первые годы существования на заседаниях общества часто обсуждали возможность материального поощрения учеников гимназий, проявлявших особые способности к изучению древних языков. В 1880 г. предложение было реализовано. Тогда одному из учеников 7-й гимназии были выданы книги и учебные пособия на сумму 47 рублей 40 копеек⁵²⁷.

Доклады практического характера, как уже было сказано, нередко инициировали работу общества в области совершенствования преподавания

⁵²⁵ Малеин А.И. Указ. соч. С. 62.

⁵²⁶ Там же. С. 60.

⁵²⁷ Там же. С. 59.

древних языков. Как правило, для этих целей из членов общества формировалась комиссия, которая готовила конкретный проект изменений или предложений для Министерства. Промежуточные результаты работы представлялись на обсуждение собрания всего общества, а после при необходимости дорабатывались. Так в 1889 г. Георгиевский представил министру проект «о некоторых реформах желательных в преподавании древних языков». По утверждению Малеина, именно данный проект лег в основу учебных планов 1890 г. Вопросы, представленные в проекте, касались экзаменов по древним языкам, очередности изучения древних авторов, в частности предлагалось перенести Саллюстия из программы V класса в VI, списки литературы для домашнего чтения и каникулярных занятий⁵²⁸. По утверждению автора источника, подобных примеров деятельности общества было много, но автор ограничил свои очерки лишь одним.

С финансовой стороны вопроса данные проекты должны были реализовываться на средства самого общества, которые формировались из членских взносов и доходов, полученных от издательской деятельности. Однако последняя часто оказывалась экономически невыгодной и вместо того, чтобы пополнять бюджет организации, напротив, разоряла его, так как средства, полученные от продажи литературы, не покрывали расходов. Поэтому во многом деятельность общества оказалась возможной благодаря поддержке Министерства. Помимо гарантированного пособия для всех обществ в размере 2500 руб., Министерство регулярно предоставляло обществу дополнительные субсидии, запрашиваемые под конкретные нужды⁵²⁹.

Таким образом, мы видим, что Общество классической филологии и педагогики объединило в своих рядах почти всех крупных столичных

⁵²⁸ Там же. С. 66-67.

⁵²⁹ Дело об утверждении устава Общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 198-200; Отчет С-Петербургского Общества классической филологии и педагогики за 1874-1877 годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Часть СХСVI. С. 838.

деятелей науки и преподавания в области античной истории и древних языков и по праву может считаться крупнейшим в дореволюционной России научным обществом, специально занимающимся античным миром, а по большому счету и единственным в своем роде. Организация внесла существенный и многосторонний вклад в развитие науки, выступая с одной стороны как место обсуждения и совместного научного творчества, она одновременно оказывала влияние на проведение политики государства в сфере преподавания древней истории и древних языков.

Другие научные общества были в меньшей степени ориентированы на изучение античного мира, тем не менее, также касались этого вопроса и внесли определенный вклад в развитие данной области науки.

В 1889 г. было официально учреждено Историческое общество при Императорском Петербургском университете. Его создателем и бессменным председателем являлся Н.И. Кареев. Официальным печатным органом выступал неперiodический сборник «Историческое обозрение». На его страницах помещались немногие статьи и доклады членов общества. В то же время значительная часть материала отводилась протоколам и отчетам⁵³⁰.

В своей работе общество ориентировалось на широкий круг вопросов русской и всеобщей истории⁵³¹. Ранние годы существования общества были многообещающими. Численность членов стремительно увеличивалась. С 26 учредителей в 1889 г. она возросла до 162 уже в следующем 1890 г.⁵³² При этом общество ставило перед собой амбициозные проекты: превращение издаваемого сборника в полноценный научный журнал, охватывающий все области исторической науки, составление комплексного библиографического сборника зарубежных и отечественных трудов по истории. Отчеты свидетельствуют о том, что в 1890-ые гг. собрания общества проходили регулярно, и, будучи открытыми по своему характеру, привлекали интерес

⁵³⁰ Кареев Н.И. Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатилетие 1889-1914 // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 188.

⁵³¹ Там же. С. 189.

⁵³² Там же. С. 190.

большого количества студентов. Читаемые на них доклады иногда превращались в целые лекции и нередко заканчивались дискуссиями. Однако студенческие волнения и революционные события начала XX в. сказались на работе общества негативно. В 1899 г. по политическим мотивам был отстранен от преподавательской деятельности Кареев, организация собраний при участии большого количества студентов стала затруднительной. Все это привело к значительному снижению активности самой организации и к тому, что запланированные проекты так и остались нереализованными⁵³³. В этот период времени собрания стали настолько малочисленными, что возникала необходимость их переносить или отменять чтение запланированных докладов⁵³⁴.

Для активизации работы общества в 1903 г. была предпринята попытка реформирования, предполагавшая создание специализированных секций по русской и всеобщей истории⁵³⁵. С этого момента организация, по сути, оказалась разделенной на две части, так как общие собрания практически перестали проводиться. Создание последней из них обуславливает наш интерес к Историческому обществу, так как до этого тематика античного мира и классической филологии в работе организации фигурировала крайне редко. В целом, среди научных интересов секции преобладала медиевистика, новистика и востоковедение, в то время как вопросам античного мира уделялось наименьшее внимание. В первую очередь это было связано с немногочисленностью специалистов в составе общества.

В том же 1903 г. внутри секции были созданы четыре тематические группы: древний Восток, классический мир, средние века и новое время, между которыми членам общества было предложено распределиться. В ряды классической группы, самой малочисленной, записались М.И. Ростовцев,

⁵³³ Там же. С. 192.

⁵³⁴ Протоколы заседаний Исторического общества за 1894-1907 гг. // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 61.

⁵³⁵ Протоколы заседания секции всеобщей истории // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 78.

Э.Д. Гримм, Ф.Ф. Зелинский, В.И. Модестов, А.И. Покровский, С.Л. Степанов, Б.А. Тураев, К.В. Хилинский и И.М. Гревс, являвшийся председателем секции и группы⁵³⁶. За все время существования секции в ней было прочитано 24 научных доклада по античному миру, что уступает средним векам и новому времени, где таковых было 27 и 58 соответственно (группа по истории Востока в действительности так и не начала свое функционирование)⁵³⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что доклады по своему характеру были посвящены преимущественно конкретно историческим сюжетам и источниковедению. Работы, посвящённые переводам текстов древних авторов или филологической тематики, здесь отсутствовали.

Крупных проектов в работе данной секции не было проведено. С началом ее работы в 1903 г. ставилась задача составления и ведения библиографического перечня трудов по всеобщей истории последних лет, но работа в этом направлении даже не была начата. Причины этого мы видим в тех сложностях, которые переживало общество. Кроме того, работу по составлению перечней уже вели редакции журналов о которых шла речь в предыдущей главе. В этом случае вполне закономерно, что такая задача обсуждалась секцией в 1903 г., то есть на следующий год после закрытия «Филологического обозрения», что придало это работе определенную актуальность, но лишь на время. С появлением «Гермеса» в 1908 г., успешно продолжавшим в этом отношении дело своего предшественника, необходимость в дублировании одного и того же материала отпала.

Однако из положительных моментов работы секции можно отметить, что здесь наблюдается определенная интенсификация обращения к

⁵³⁶ Там же. С. 78.

⁵³⁷ Приложения. Рефераты, читанные в заседаниях Исторического общества за 1890-1914 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 202-203.

позднеримской проблематике (в работе других обществ к ней проявляли мало интереса) со стороны Гримма, Ростовцева и Гревса⁵³⁸

Прочие исторические и историко-филологические научные общества сосредотачивали свое внимание совсем на иных направлениях исследований. Появление в их повестке античной тематики происходило крайне редко и носило скорее случайный характер. Так, например, в протоколах Харьковского историко-филологического общества можно встретить доклады по истории Древней Греции И.В. Нетушила, Ф.Е. Корша и В.П. Бузескула. Они периодически выступали с докладами о своих научных изысканиях в области истории Древней Греции. Однако основное внимание общества было приковано к филологии славянских народов, изучению местного фольклора, краеведению⁵³⁹. В еще меньшей степени античность фигурировала в повестке Историко-филологического общества при институте князя Безбородко, где единственным крупным исследователем в этой области выступал И.Г. Турцевич⁵⁴⁰. Историко-филологическое общество при Новороссийском университете специализировалось по византиноведению и занималось преимущественно им. Античные сюжеты также фигурировали крайне редко в его повестке.

Таким образом, в дореволюционной России при всем многообразии научных обществ, существовавших во второй половине XIX – начале XX вв., только Общество классической филологии и педагогики всецело специализировалось на комплексном изучении античного мира, внесло заметный вклад в этом направлении работы само и оказало поддержку отечественным ученым, работающим в данном направлении. В силу этого оно по праву может быть отнесено к элементам институционализации

⁵³⁸ В заседаниях общества в период с 1890-1914 гг. Ростовцев выступил с 2 рефератами по позднеримской истории, Гревс с 2, Гримм с 1.

⁵³⁹ Например: Отчет о деятельности общества в 1893-1894 acad. году // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1894. Т. 6. С. 1-17.

⁵⁴⁰ Типологический указатель научных обществ // Справочник научных обществ России. URL: https://www.snor.ru/index-m=articles&an=sc_113.html (дата обращения 14.04.2022 г.).

антиковедения в России. Безусловно, его появление позволило данной научной дисциплине совершить качественно новый шаг в своем развитии.

Подводя итог сказанному, мы можем заключить, что научные исторические общества в дореволюционной России являлись важными элементами организации науки и своей деятельностью во многом способствовали ее развитию. Важнейшая их функция, как показало исследование, заключалась в кооперации и координации работы больших коллективов ученых, благодаря чему оказывалось возможным реализовывать по-настоящему крупные, амбициозные проекты. Перевод словаря Любкера или составление программы предложений для Министерства народного просвещения либо не могли бы быть реализованы усилиями одного-двух энтузиастов, либо потребовали бы значительно большего времени, превратившись таким образом в дело всей жизни в силу слишком большого объема работы. Но в рамках научного общества оказалось возможным кооперировать усилия десятков ученых, распределить между ними обязанности переводчиков, корректоров, редакторов с учетом их способностей и специализации, в результате чего реализовать поставленную задачу. Кроме того, подобные масштабные и дорогостоящие проекты, зачастую были непосильны с финансовой стороны для отдельных лиц, но научные общества имели необходимые ресурсы и дополнительные каналы для их привлечения. Также общества имели возможность материально поддерживать издательскую деятельность отдельных своих членов. В этом ключе для развития науки общества оказывались важным институтом еще и благодаря «великосветским» и «великодержавным» членам в их составе. Эти последние редко участвовали непосредственно в научной работе (Георгиевский в этом отношении скорее был исключением) и чаще всего вступали в ряды общества ради приобретения определенной репутации покровителей науки, в связи с чем в советской историографии их членству в научных обществах давали негативную оценку. В то же время, на конкретном примере, мы видим, что упомянутый Степанским «вред» от их

пребывания в Обществе классической филологии и педагогики был ограничен уставом, не допускавшим несвязанных с наукой профессионально лиц до управленческих должностей. При этом они платили значительно большие взносы, необходимые организации для финансирования своих проектов. По работе Георгиевского мы видим, что в некоторых случаях представители знати в обществах помогали налаживать канал связи между высшими правительственными кругами и учеными, донося до Министра народного просвещения вопросы, волнующие последних, влияя на принятие некоторых решений. В нашей работе мы не станем распространять этот вывод на все научные общества дореволюционной России, но утверждаем его справедливым для конкретной рассмотренной нами организации.

В значительной степени работа научных обществ оказывалась необходимой для специализированных научных изданий, зачастую тесно связанных с самими обществами, учитывая, что некоторые из них (отдел классической филологии ЖМНП и «Филологическое обозрение») являлись официальными печатными органами общества классической филологии и педагогики, другие («Гермес»), не имея такого официального статуса, теснейшим образом были связаны с научными обществами благодаря составу их участников и сотрудников самих изданий. Материалы, рассмотренные здесь, позволяют уточнить некоторые выводы, сделанные в предыдущей главе. Работа специализированных научных изданий по ведению рубрик с обзорами новой литературы и статей во многом оказалась бы затруднённой или даже невозможной без регулярной подготовки критических докладов членами научных обществ, в дальнейшем публикуемых в самих этих изданиях. Другой их функцией являлась организация публичного обсуждения научных работ до публикации, многие из которых дорабатывались авторами после представления на заседании общества и получения обратной связи от коллег. Не менее важным являлся авторитет общества, придающий общественно-го веса заявлениям, поступающим от его имени, и высказываемым мнениям, например, в тех же вопросах

предложений для Министерства по изменению в образовательной политике. В рамках научных обществ происходило тематическое и методологическое сближение ученых, формирование коллективов, разрабатывающих близкую друг к другу тематику.

Также судьба рассмотренных научных обществ позволяет нам сделать вывод о том, что в дореволюционной России подобные организации, занимающиеся историей или классической филологией, даже будучи общественными по своему характеру, не могли существовать и функционировать полностью самостоятельно. Их эффективная работа и реализация каких-либо крупных проектов оказывались возможными только при покровительстве государства. Поэтому, несмотря на важность частных инициатив лиц, искренне ратовавших за развитие науки, на данном этапе оказывалось невозможным ее серьезное продвижение независимыми силами.

3.2. Археологические научные общества и их вклад в исследование античной истории

Помимо исторических научных обществ, в XIX – начале XX вв. изучением античности, преимущественно памятников, расположенных на территории Северного Причерноморья, занимались также общества археологические. В соответствии со списком дисциплин, отнесенных нами к антиковедению, мы должны рассмотреть вопрос о том, могут ли такие общества быть вписаны в структуру институционального устройства антиковедения, каков вклад этих организаций в дело изучения античности на юге России⁵⁴¹. В этом ключе представляется необходимым рассмотреть их работу, оценить такие организации с точки зрения их роли в вопросе институционализации антиковедения в дореволюционной России.

Деятельность и устройство археологических обществ во многом были аналогичны их историческим коллегам. Основная работа проводилась в собраниях, раз в месяц, иногда чаще, на которых зачитывались научные и критические доклады с обзором работ, недавно вышедших в свет. Результаты работы также отражались в выпуске периодических сборников и отдельных изданий монографического типа. Спецификой работы именно археологических обществ, в сравнении с историческими, являлась организация экспедиций и раскопок.

Первым и наиболее крупным из них являлось Императорское Русское Археологическое общество, изначально возникшее в 1846 г. под наименованием Археологическо-Нумизматическое общество. У истоков его основания стояли Б.В. Кёне и Я.Я. Рейхель, которые планировали сосредоточить деятельность организации преимущественно на классической археологии и нумизматике. Однако со временем круг научных интересов

⁵⁴¹ Кармазина О.В. Антиковедение в России (1834-1917 гг.) по материалам Журнала Министерства народного просвещения: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М. 1999. С. 76-81.

общества стал значительно шире и сместил вектор внимания на другие области науки.

С 1851 г. в структуре общества было выделено три отдела: 1) русской и славянской археологии; 2) восточной археологии; 3) археологии древне-классической, византийской и западно-европейской. Изначально самым деятельным и плодотворным из них был последний, многие члены полагали, что он станет флагманом общества. Однако его судьба сложилась иным образом. Большинство участников организации, вошедших в отдел древностей, были немцами по происхождению и, по замечанию Васильевского, многие из них вообще не владели русским языком, другие знали его плохо⁵⁴². При этом с самого начала основания общества в 1846 г. оно выпускало два периодических издания «Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества» на русском и «Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. Petersburg» на немецком и французском, которые, по сути, дублировали друг друга, но последнее было расширенным. С 1851 г. «Mémoires» фактически стали органом именно отдела классических древностей. Однако уже в 1852 г. покровительство над организацией принял на себя Великий князь Константин Николаевич, который при первом своем визите в собрание общества настоятельно высказался за прекращение издания «Mémoires» и публикацию всех трудов в «Записках» на русском из соображений поддержки отечественной науки⁵⁴³. Такое решение деморализовало и подорвало силы классического отдела. Публикации докладов по классическим древностям стали осуществляться значительно реже из-за необходимости их перевода на русский, а секретарь отдела Кёне испытывал серьезные затруднения в написании протоколов также из-за плохого владения языком. Другим серьезным ударом по работе отдела стал уход самого Кёне, который всегда проявлял большую активность

⁵⁴² Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846-1896. СПб: Типография Главного Управления Уделов. 1900. С. 306.

⁵⁴³ Там же. С. 66.

в его работе. Такое решение было связано с устроенными им интригами ради получения должности в Академии наук, которые не только были раскрыты, но и выставили самого секретаря общества в нелюбезном свете⁵⁴⁴.

На протяжении 1850-1860-ых гг. классическое отделение практически не функционировало. Его председатели, сначала принц Александр Гессенский, затем сменивший его герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий регулярно находились за границей и не созывали собраний, а также не интересовались делами общества. Занявший этот пост в 1866 г. М.С. Куторга старался оживить работу классиков, но вскоре из-за продолжительной болезни также перестал уделять внимание делам организации. Полноценное возобновление работы отдела произошло только в 1874 г., когда его председателем был избран Н.И. Стояновский. Но наиболее плодотворный период в работе начался с 1886 г. после назначения на должность секретаря отдела В.В. Латышева, которого на этом посту сменили не менее деятельные В.К. Ернштедт в 1891 г. и С.А. Жебелев в 1894 г., а также, благодаря избранию новым председателем И.В. Помяловского в 1893 г., последний организовал издание отдельного сборника «Труды Отделения археологии древнеклассической, византийской и западно-европейской»⁵⁴⁵. На наш взгляд, во многом активизация работы отдела была связана непосредственно с произошедшим обновлением руководящих кадров и в целом членского состава отечественными учеными, пришедшими на смену немцам и «высококосветским» лицам, изначально представлявшим большинство в его составе.

Обращаясь к деятельности общества, мы можем выделить три основных направления работы: 1) чтение и обсуждение докладов на собраниях; 2) выпуск периодических изданий общества; 3) выпуск отдельных изданий; 4) организация раскопок. Первые три направления работы, безусловно, преобладали и имели решающий характер. Жебелев эту

⁵⁴⁴ Там же. С. 19-21; 66-67.

⁵⁴⁵ Там же. С. 316.

ситуацию характеризовал так: «Впрочем, не раскопки, а преимущественно издательская деятельность всегда была главным козырем в жизни Русского археологического общества. Оно постоянно заботилось о расширении и техническом усовершенствовании ее, не жалело средств на свои издания»⁵⁴⁶.

Читаемые на собраниях классического отделения доклады в большей степени были посвящены античной истории, причем далеко не только тематике Северного Причерноморья, но и всему античному миру в целом. Многие исследователи освещали раскопки, в которых они участвовали и в России, и за рубежом во время своих командировок, или с результатами которых они хотя бы знакомились за границей. Следом по количеству докладов шла византистика. Тематика западно-европейская получала наименьшее внимание, вероятно, из-за незначительного количества специалистов в составе общества. Например, во время семи заседаний, прошедших во второй половине 1908 г., было прочитано одиннадцать научных докладов, из которых шесть посвящены античной тематике, два византистике, один западно-европейской истории, один науковедению и еще один проблеме охраны памятников⁵⁴⁷. Поэтому данный отдел организации мы можем считать настоящим оплотом антиковедения в ее структуре.

Некоторые доклады печатались в «Записках» и «Трудах», издаваемых обществом. Туда же помещали тексты и переводы надписей, обнаруженных на территории России или переписанных во время пребывания за границей, в том числе большую роль в этом играли командированные за границу «аспиранты». Таким образом, общество способствовало введению в научный оборот новых источников и обеспечивало доступность работы с ними членам общества и отечественным ученым в целом. Данные издания, играли важную

⁵⁴⁶ Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк / Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. С. 71.

⁵⁴⁷ Протоколы заседаний Отделения Археологии древне-классической, византийской и западно-европейской за 1907 год // Записки Классического отделения Императорского Русского Археологического общества. 1908. Т. 5. С. 269-275.

роль в изучении античности и в первую очередь в работе представителей эпиграфического направления, в связи с чем неудивительно членство здесь и активная работа его родоначальника Ф.Ф. Соколова и его ближайших учеников.

Как уже отмечалось, наиболее важным и плодотворным направлением работы общества являлся выпуск отдельных изданий, написанных членами общества или иными лицами, но на средства общества и при его поддержке. Здесь античная тематика далеко не преобладала в сравнении с другими, особенно она уступала русской истории и византистике. Однако, хоть и немногие труды, сделанные в этом направлении, все же имели большую значимость для науки. В 1876 г. член общества А.Я. Гарваки выступил с предложением объединить все найденные античные надписи Северного Причерноморья в одном издании, что было бы весьма полезно для науки, учитывая рассредоточенность данного материала по множеству периодических изданий. Ввиду сложности и большого объема предполагаемой работы обществом была создана специальная комиссия с целью разработки плана будущего издания, в которую вошли Помяловский, Соколов и Гарваки. Свою задачу комиссия выполнила, однако на этом дело остановилось. Вопрос о создании такого сборника поднимался вновь в 1878 г. и 1882 г. Последний раз его осуществление предложили Соколову, который отказался взять столь большой труд на себя, но рекомендовал обществу поручить эту работу Латышеву, только что вернувшемуся из заграничной командировки и проявившему себя с лучших сторон во время ее прохождения, особенно в области работы с эпиграфическими памятниками⁵⁴⁸. Благодаря самоотверженной работе над этим колоссальным проектом первый том собрания греческих и латинских надписей Северного Причерноморья вышел в свет в 1885 г., второй в 1890 г. и четвертый в 1899 г.

⁵⁴⁸ Веселовский Н.И. Указ. соч. С. 132-133; Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: изд-во Дмитрий Буланин. 1999. С.178.

Третий том был поручен Е.М. Придику, который со своей задачей не справился. Кроме того, в силу увеличения объема нового материала в 1916 г. Латышев подготовил переиздание первого тома и начал работу над переизданием второго, но не успел ее закончить⁵⁴⁹. Таким образом, огромный труд Латышева был инициирован обществом и осуществлен во многом благодаря его поддержке. Общество выделяло Латышеву необходимые средства для осуществления командировок на юг России для работы по сличению надписей, хранящихся в местных музеях, и предоставило средства для издания самого труда⁵⁵⁰.

Также Латышев своими усилиями и при помощи других членов общества, имена которых источники, к сожалению, нам не сообщают, осуществил и другую инициативу организации. Еще в 1853 г. Р.И. Минцлов на одном из собраний предлагал составить и издать сборник всех текстов древних авторов и надписей, упоминающих Кавказ и юг России. Лишь в 1890 г. под редакцией Латышева вышел первый том «*Scythica et Caucasica*, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе»⁵⁵¹.

Несмотря на заявление общества как археологического, проведение раскопок в его работе было представлено в наименьшей степени. Их организация и осуществление происходили не систематически, скорее случайно, при наличии средств и инициатив со стороны отдельных членов. Необходимыми средствами общество, как правило, не располагало, и выделяемых ежегодно Министерством денег не хватало для обеспечения подобных мероприятий. Веселовский Н.И., будучи членом общества, указывает, что в данный период систематически проводить археологические раскопки было способно только государство, но никак не общественные организации⁵⁵².

⁵⁴⁹ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 75-76.

⁵⁵⁰ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999. С. 226; Жебелев С.А. Указ. соч. С. 74-76.

⁵⁵¹ Веселовский Н.И. Указ. соч. С. 140.

⁵⁵² Веселовский Н.И. Указ. соч. С. 207.

Здесь мы рассмотрим лишь те немногие археологические предприятия общества, которые касались античности. Первые раскопки античных памятников, предпринятые обществом, состоялись в 1848 г. Их организовал за свой счет А.С. Уваров, сын министра С.С. Уварова. Обществом был разработан план проведения экспедиции, который в действительности не был выполнен. Тем не менее, результаты проведенной работы оценивались научным сообществом как весьма успешные. Их итогом стало издание «Исследования древностей южной России и берегов Чёрного моря» в 1851 г., выпущенное под эгидой общества⁵⁵³.

В 1852 г. П.В. Беккер обратился в Министерство народного просвещения с просьбой предоставить ему средства для организации экспедиции с целью определения точного местоположения античного города Никониума. В Министерстве необходимых средств не нашлось, но там Беккеру порекомендовали обратиться в Русское археологическое общество, что он и сделал. Общество также не располагало необходимыми средствами, но их в качестве пожертвования предоставил один из членов А.С. Строганов⁵⁵⁴.

Следующая и последняя экспедиция, предпринятая классическим отделением, возглавляемая Н.Я. Марром, Я.И. Смирновым и К. К. Романовым, состоялась после длительного перерыва в работе отделения только в 1909-1910 гг. Ее целью были раскопки и составление материалов для будущей реставрации языческого храма II-III вв. н.э. в Гарни в Армении⁵⁵⁵. В дальнейшем классическое отделение планировало новые экспедиции, в частности в Крым, однако война, начавшаяся в 1914 г., не позволила их реализовать.

Таким образом, работа по ведению археологических раскопок в деятельности общества занимала скромное место, в первую очередь в силу отсутствия необходимых средств. В целом же, организация, не будучи

⁵⁵³ Там же. С. 208.

⁵⁵⁴ Там же. С. 209.

⁵⁵⁵ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 70.

специализированной на античной истории, и даже не имея отдела, исключительно занятого ей, внесла весомый вклад в изучение этого раздела истории за счет исследовательской работы, благодаря своим публикациям в «Записках» и отдельным изданиям, в числе которых монументальный труд Латышева, но не практической археологией, в силу чего данное общество типологически стоит ближе к своим «коллегам», рассмотренным в предыдущем параграфе, и отличается от них скорее тематикой, нежели характером деятельности.

В гораздо большей степени свои силы и труды, в том числе с практической стороны, направило на изучение античности Одесское общество истории и древностей. Целью общества, согласно уставу, провозглашалось исследование памятников и истории южной России, а наибольший интерес членов организации привлекал Крымский полуостров. Большому вниманию именно к античным сюжетам способствовало географическое расположение общества на территории, богатой античными памятниками.

Общество было создано в 1839 г. по инициативе историка, сотрудника канцелярии генерал-губернатора М.М. Кирикова и профессора Ришельевского лицея Н.Н. Мурзакевича. Ходатайствовал об учреждении организации перед Министерством народного просвещения попечитель Новороссийского учебного округа Д.М. Княжевич⁵⁵⁶.

Согласно редакции устава 1896 г., целью общества провозглашалось «всестороннее изучение истории и археологии вообще, а преимущественно южной России, то есть Новороссийского края, Бессарабии, Крыма и восточного берега Черного моря»⁵⁵⁷. Несмотря на то, что устав имел четыре редакции за длительное время существования организации, в нем неизменно

⁵⁵⁶ Попруженко М.Г. Императорское Одесское общество истории и древностей (По поводу 75-летия его существования) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1914. Том СXXXVIII. С. 544-555.

⁵⁵⁷ Устав Императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1896. Т. 19. С. 1.

подчеркивалась региональная направленность⁵⁵⁸. В действительности круг научных интересов общества был достаточно широк, что видно по составу докладов и статей, опубликованных на страницах его «Записок». Он включал в себя многие сферы жизни региона. Здесь можно отметить археологию, историю различных периодов, начиная от древнейших и заканчивая самым приближенным временем к жизни современников, этнографию, историческую и современную географию, краеведение, исследования биографий выдающихся уроженцев этих мест, историографию, присутствовала даже доисторическая тематика, хоть и крайне ограниченно.

Общество управлялось президентом, который, как правило, являлся персоной высокого положения. В разные годы этот пост занимали попечитель Одесского учебного округа Д.М. Княжевич, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор А.Г. Строганов, командующий Одесским военным округом Х.Х. Рооп, великий князь Александр Михайлович⁵⁵⁹. Обычно, они редко участвовали в работе общества и присутствовали на заседаниях. Реальным управлением занимался Совет и вице-президент, избираемый Советом из числа ученых-историков. В Совет входили, помимо президента и вице-президента, секретарь, казначей и еще четыре избранных члена общества.

По сравнению с другими провинциальными научными обществами, Одесское имело достаточно многочисленный состав. На момент 1906 г. в его рядах состояли 12 почетных членов, 148 действительных членов и 45 членов-сотрудников⁵⁶⁰.

⁵⁵⁸ Шаманаев А.В. «Уставы» Одесского общества истории и древностей // Документ. Архив. История. Современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21-22 октября 2010 г. С. 226-230.

⁵⁵⁹ Шаманаев А.В. Организационные принципы деятельности Одесского общества истории и древностей // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI-XIX вв. 2010. № 4. С. 248.

⁵⁶⁰ Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1906 г. Одесса: тип. Алексомати. 1907. С. 35-40.

Работа общества велась по тем же направлениям, как в случае Русского археологического общества. Наиболее плодотворным из них можно назвать подготовку докладов и статей с их последующей публикацией в «Записках». Мы провели анализ состава этих работ в томах «Записок» с 14 по 24 (1888-1902 гг.)⁵⁶¹. В результате чего удалось установить, что античной тематике были посвящены 30% из них, что делает ее второй по распространенности после вопросов отечественной истории и краеведения (49%). Наиболее активными исследователями-антиковедами в рядах данного общества рассматриваемого периода являлись В.В. Латышев, С.А. Жебелев, В.В. Шкорпил, Э.Р. Штерн, В.Н. Юргевич и П.Н. Кречетов. На страницах «Записок» перечисленные выше исследователи старались своевременно и наиболее полно указывать информацию о новых найденных античных надписях на территории юга России с подробным описанием и рисунками, а также приведением оригинального текста⁵⁶², тем самым вводя в научный оборот новые источники. Подобные публикации также были посвящены памятникам, предметам быта, древним строениям, топографии античного времени⁵⁶³. Таким образом, благодаря их работе, члены общества и научное сообщество в целом своевременно получали информацию о движении науки и могли оперативно использовать ее в своих исследованиях.

В значительно большей степени Одесское общество истории и древностей преуспело на поприще классической археологии, в сравнении с Русским археологическим обществом. Тем не менее, члены организации также оценивали как недостаточное количество организуемых раскопок и аналогично видели причину такого положения дел в нехватке средств⁵⁶⁴. Предпринимались попытки получить необходимое финансирование в 1856 г.,

⁵⁶¹ Всего подсчитано 167 статей.

⁵⁶² Например, Латышев В.В. Новая надпись из Партенита // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1888. Т. 14. С. 58-65; Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году. Там же. С. 1-21.

⁵⁶³ Шкорпил В.В. Новооткрытое Боспорское надгробие // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1895. Т. 18. С. 199-202.

⁵⁶⁴ Юргевич В.Н. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Тип. Шульца, 1899. С. 31.

однако положительных результатов удалось достигнуть лишь в 1876 г., когда министр Толстой выделил ежегодное пособие для этих целей в размере 1000 рублей⁵⁶⁵. Благодаря этому в период с 1876 по 1886 гг. членами общества проводились раскопки на территории Херсонеса, главным открытием в ходе которых стало обнаружение руин античного города под слоями средневекового⁵⁶⁶. Проведенная ими работа оценивается по-разному. Отмечается низкий уровень профессионализма. Но в то же время существует мнение, что члены общества заложили методологическую основу для дальнейшего изучения города⁵⁶⁷. Помимо этого, в период с 1840-ых по 1890-ые гг. они провели девять археологических экспедиций, связанных с изучением античных памятников, преимущественно на острове Змеиный и в Крыму⁵⁶⁸.

Раскопки были не единственным источником материала для исследований. Общество имело свой музей и стремилось сосредоточить в его коллекциях как можно больше предметов и памятников, обнаруженных на территории региона. Коллекции пополнялись путем пожертвований, покупки⁵⁶⁹, передачи от государства⁵⁷⁰. В отчетах общества регулярно размещались списки купленных и полученных в дар предметов старины⁵⁷¹. Кроме того, из финансовых документов видно, что организация ежегодно тратила солидную часть своего бюджета на «приобретение древностей». Например, в 1902 г. из 3537 рублей, имеющихся в распоряжении общества,

⁵⁶⁵ Юрченко П.О. Летопись Общества с 14 ноября 1874, по 14 ноября 1877 // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. 10. С. 368.

⁵⁶⁶ Юргевич В.Н. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Тип. Шульца, 1899. С. 57-58.

⁵⁶⁷ Шаманаев А.В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // Античная древность и средние века. 2003. № 34. С. 422.

⁵⁶⁸ Там же. С. 31-37.

⁵⁶⁹ Юргевич В.Н. Новоприобретенная Оливийская надпись // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. 17. С. 31-32.

⁵⁷⁰ Мазуркевич Н.Н. Летопись Общества с 14 ноября 1862, по 14 ноября 1866 года // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 483.

⁵⁷¹ Например, Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1880 г. по 14 ноября 1881 года. Одесса: тип. Алексомати. 1882. С. 17-18; Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1906 г. Одесса: тип. Алексомати. 1907. С. 13.

практически треть – 950 рублей были потрачены на покупку новых экспонатов⁵⁷². Нередко находки, пополняющие фонды музея общества, оказывались случайными, например, в статье В.В. Юргевича описывается ситуация, когда аспидная дощечка была найдена крестьянами на берегу Буга после сильного дождя, размывшего землю⁵⁷³. Дощечка также была выкуплена обществом. Поэтому, несмотря на нечастый и нерегулярный характер археологических экспедиций, музей организации регулярно пополнялся новыми предметами, и общество, заявляющее себя как в первую очередь археологическое, не теряло возможности активно работать с новыми поступающими в его распоряжение находками. Следует отметить, что сами члены общества в меру наличных сил обрабатывали материал, имеющийся у них на хранении, не только недавно обнаруженный, но и собранный на протяжении всего времени существования организации. Наибольший интерес к этой работе проявлял Юргевич, занимавший в 1880-ые гг. пост хранителя музея⁵⁷⁴. В результате, на момент 1899 г. музей имел на хранении 2541 предметов и 86% из них относились к античному миру, что давало членам общества и другим ученым богатую базу для исследования⁵⁷⁵.

Таким образом, Одесское общество истории и древностей внесло значительный вклад в изучение античности на юге России. Если среди исследований и публикаций членов организации античная тематика занимала лишь второе место после отечественной истории и краеведения, то практическая сторона работы по ведению археологических раскопок и многочисленные усилия по сбору артефактов для музея общества, безусловно, отмечаются большим интересом к античности. Усилия по

⁵⁷² Маркевич А.Н. 337 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. Приложение 1. С. 11.

⁵⁷³ Юргевич В.Н. Аспидная дощечка, найденная в Ольвии, хранящаяся в музее Общества // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 150-151.

⁵⁷⁴ Шаманаев А.В. Вклад В.Н. Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма // Античная древность и средние века. 2011. № 40. С. 411.

⁵⁷⁵ Юргевич В.Н. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Тип. Шульца, 1899. С. 67.

собранию музейных коллекций в данном ключе имели наибольший вес, так как обеспечивали создание материальной базы для антиковедов всей страны и будущих поколений, пришедших им на смену.

Рассмотрев археологические общества, занимающиеся изучением античного мира, мы можем заключить, что ни одно из них нельзя назвать специализированным на вопросах антиковедения и, следовательно, характеризовать как институты антиковедения, тем не менее, эта область науки занимала значительное место в их работе. Многочисленные статьи и доклады, опубликованные на страницах «Записок», а также отдельные издания внесли свой вклад в развитие интересующей нас научной дисциплины. Более того, некоторые из чрезвычайно значимых проектов, таких как издание Латышева «Исследования древностей южной России и берегов Чёрного моря», стали возможны благодаря инициации этой работы со стороны членов организации, проведению ими же определенной подготовки, содействию и финансовой поддержке общества. Таким образом, здесь, как и в случае с обществами историческими, присутствует важная функция кооперации усилий и средств исследователей для осуществления масштабных задач. Археологические общества, не имея необходимых финансовых средств, внесли относительно скромный, но в любом случае ценный вклад в проведение раскопок. В то же время гораздо более успешной оказалась их работа по сбору и систематизации музейных коллекций предметов античного мира, позволивших отечественной науке эффективнее исследовать древности Северного Причерноморья. Не будучи специально ориентированными на исследования античности и, следовательно, не являясь органами институционализации антиковедения, археологические общества в период второй половины XIX – начала XX вв. внесли значительный вклад в развитие данной научной дисциплины.

3.3. Российские антиковеды на международных исторических конгрессах

Если рассматривать институциональную структуру науки как своего рода социальную систему, внутри которой и по правилам которой формируется, работает и творит ученый, мы должны обратиться не только к ее элементам, существовавшим внутри страны, но и к институтам международным, с учетом того, насколько в них было вписано отечественное антиковедение, и с учетом их влияния на его развитие. В начале XX в. важным явлением в жизни исторической науки всех европейских стран, в том числе России, стали международные исторические и археологические конгрессы (именуемые в некоторых случаях конгрессами по классической археологии), объединившие в своей работе ведущие научные силы того времени. Регулярность проведения данных мероприятий, а также регулярность и серьезный уровень участия в них отечественных ученых позволяют нам утверждать, что для России участие в них являлось не разовым и случайным событием, а важной тенденцией развития отечественной науки. Следовательно, необходимо рассмотреть и оценить их роль и значение для отечественного антиковедения.

Вопросы, связанные с участием российских ученых в международных исторических конгрессах, специально рассматривала в диссертационном исследовании Н.С. Зонова⁵⁷⁶, а также этому вопросу посвятили статьи А.Е. Кравченко, И.А. Желенина, А.Г. Слонимский⁵⁷⁷. Поэтому, на наш взгляд, данные сюжеты достаточно хорошо освещены в историографии в целом, однако ни одно исследование в этом ключе не сосредотачивало свое внимание на вопросах антиковедения. Чтобы не повторять выводы своих

⁵⁷⁶ Зонова Н.С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Нижний Новгород. 2004. С. 25-29.

⁵⁷⁷ Кравченко Е. А. Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX веке : судьбы ист. науки. под общ. ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1999. С. 436-446; Желенина И.А. Из истории международных конгрессов исторических наук // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 182-189; Желенина И.А. Международные конгрессы историков // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. 1966. Стлб. 269-276; Слонимский А.Г. Участие российских ученых в международных конгрессах историков // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 95-108.

предшественников, в рамках нашей работы мы не будем детально останавливаться на рассмотрении самих конгрессов, вопросов их организации и проведения, результативности их работы в целом, но в силу озвученных в начале главы причин рассмотрим участие именно отечественных представителей науки об античности, а также постараемся оценить, какое влияние оказало их участие на развитие этой научной дисциплины в нашей стране. Иначе обстоит дело с исследованием археологических конгрессов. Первому из них (Афины 1905 г.) была посвящена статья И.В. Тункиной⁵⁷⁸. Последующие два (Каир 1909 г., Рим 1912 г.) ранее не становились предметом специального исследования и в целом в отечественной историографии на данный момент о них крайне мало сведений. Поэтому на них мы остановимся более подробно.

Появление такой формы международного научного сотрудничества, как конгрессы, обусловлено закономерностями развития самой науки. В течение XIX в. основным форматом сотрудничества ученых из разных стран выступали личные связи во время командировок и переписка. Но к рубежу XIX – XX вв. ситуация меняется. Становится очевидно, что наука уже не может полноценно развиваться, замкнувшись в национальных границах, требуются новые каналы получения информации, обмена мнениями, постановки вопросов глобального значения, организации международных проектов или совместных изданий, а самое главное – своего рода подведения итогов текущего развития науки.

Российские историки, в том числе антиковеды, принимали участие в каждом международном историческом конгрессе, которых до начала революции 1917 г. состоялось три: Римский – 1903 г., Берлинский – 1908 г., Лондонский – 1913 г. Примечательно также и то, что в 1918 г. очередной конгресс планировался для проведения в Петербурге, работа по его

⁵⁷⁸ Тункина И.В. К столетию первого международного археологического конгресса в Афинах // *In situ*: к 85-летию профессора А.Д. Столяра: сборник статей. СПб: Изд-во СПб ун-та. 2006. С. 377-386.

организации и подготовке активно велась, но Первая мировая война и революция сделали его проведение невозможным.

Количество участников от России с каждым новым мероприятием увеличивалось. Если в Риме их было всего 11, и это была одна из самых малочисленных делегаций из числа европейских стран, то в Берлине их насчитывалось уже 15, а в Лондоне 30, что делало представителей от России третьими в составе участников после англичан и немцев⁵⁷⁹. При этом учеными из России было сделано за все три съезда 22 доклада – 5, 4 и 13 – соответственно⁵⁸⁰. С точки зрения нашего исследования важно отметить, что большинство из них было посвящено античности.

Работа конгрессов начиналась с пленарного заседания (кроме первого, Римского), на который выносились доклады, представляющие интерес для наибольшего числа участников. Далее работа проходила по отдельным тематическим секциям. В структуре организации секций всегда присутствовала одна, посвященная античной истории. Именовались они по-разному, однако соответствовали одной научной дисциплине: Римский – Древняя история, Эпиграфика, Классическая и сравнительная филология; Берлинский - История Эллады и Рим; Лондонский – Греческая, римская и византийская истории. Исключением в данной случае выступил Лондонский конгресс, где секцию по античности объединили с византиноведением. При этом М.М. Хвостов, будучи одним из участников Берлинского конгресса, отмечал, что внимание антиковедов также привлекала секция по истории Востока⁵⁸¹. Об этом же сообщает Ростовцев, утверждая, что не только восточная секция, но и доклады секции археологии и древней истории

⁵⁷⁹ Зонова Н.С. Указ. соч. С. 25-29.

⁵⁸⁰ Там же. С. 82.

⁵⁸¹ Хвостов М.М. Международный Исторический конгресс в Берлине 6-12 августа 1908 года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXV. Выш. 5. Казань, 1909. С. 7.

содержали массу интересного материала, связанного с изучением античного мира⁵⁸².

В рамках данной работы мы должны обратить внимание на то, что доклады, посвященные античной истории, составляли существенную, иногда большую часть представляемого российскими учеными материала, более того, количество антиковедов, выступавших на конгрессе от России, превышало количество представителей других дисциплин. Так во время Римского конгресса 4 из 5 выступавших от России были специалистами по античной истории и выступили с сообщениями на соответствующие темы; 2 из 4 на Берлинском конгрессе⁵⁸³ и 6 из 13 во время Лондонского⁵⁸⁴. Большая часть из них была в дальнейшем опубликована в различных отечественных изданиях, а некоторые легли в основу будущих монографий. Например, доклад Ростовцева «Ионизм и иранизм в южной России», прочитанный на сессии Лондонского конгресса, лег в основу его работы «Эллинизм и иранство на юге России». Активное участие антиковедов в международных конгрессах позволяет под новым углом зрения, ранее плохо представленным в историографии, оценить успехи в развитии дореволюционной науки об античности. Выходит, что она имела в своем распоряжении большее число представителей, достойных участия в мероприятиях международного уровня, в сравнении с другими областями всеобщей истории, что указывает и на высокий уровень ученых и относительную обеспеченность страны кадрами.

Другой вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что от участия в подобных конгрессах больше всех получало выгоду именно антиковедение, так как его представители в большем количестве, чем прочие историки, испытали на себе все положительные стороны от участия в таких мероприятиях. К числу подобных положительных сторон относится:

⁵⁸² Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 3. № 13. С. 344.

⁵⁸³ Хвостов М.М. Указ. соч. С. 9-11.

⁵⁸⁴ Зонова Н.С. Указ. соч. С. 83.

Во-первых, возможность обогатить свои знания, заслушав доклады европейских ученых, некоторые из которых еще нигде не были опубликованы и представлялись впервые, возможность принять участие в обсуждении важных для науки вопросов, получить обратную связь не только от соотечественников, но и от зарубежных коллег по существу своих собственных исследований. Все это было полезно не только для профессионального роста самих ученых, но и для развития дисциплины в целом, так как способствовало сближению научных направлений и школ из разных стран. Российское антиковедение, таким образом, оказывалось на передовой и могло принять активное участие в подведении итогов уже достигнутого наукой и определении будущих задач и направлений ее развития, как методологических, так и в плане постановки новых проблем. В этом отношении продуктивнее других оказался Берлинский конгресс, на котором количество узкотематических докладов было незначительным, и большая часть выступлений была посвящена проблемам будущих движений науки⁵⁸⁵.

Во-вторых, организаторы разрабатывали достаточно объемную культурно-досуговую программу, включающую в себя посещение различных музеев и памятников в столицах принимающих стран и в ближайших к ней городах, тем более что некоторые музейные выставки создавались специально для участников съезда⁵⁸⁶. Например, Ростовцев после участия в Берлинском конгрессе восхищался выставкой папирусов, которую назвал «блестящей» и отметил, что ее материалы помогут пролить свет на ряд важнейших для науки вопросов пока еще не решенных⁵⁸⁷.

В-третьих, конгресс предоставлял широкое поле для личного общения со своими коллегами, что, по мнению того же Ростовцева, является чуть ли не самым главным элементом в подобных международных мероприятиях. В

⁵⁸⁵ Хвостов М.М. Указ. соч. С. 6.

⁵⁸⁶ Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Новая серия. Часть XVIII. С. 36.

⁵⁸⁷ Там же. С. 32-33

наибольшей степени этим отличился Лондонский конгресс, в рамках которого было организовано множество возможностей для общения участников⁵⁸⁸.

Еще большее значение именно для антиковедения имели международные конгрессы по классической археологии. Российские ученые до революции успели принять участие в трех: Афины – 1905 г., Каир – 1909 г., Рим – 1912 г.

Идея проведения первого такого мероприятия возникла у сотрудников Французской археологической школы в Афинах еще в 1896 г. по случаю пятидесятилетия организации. Оно должно было состояться в следующем 1897 г. Однако, события политической жизни, развернувшаяся греко-турецкая война вынудили отложить проведение конгресса до 1905 г.⁵⁸⁹

Для его организации был создан специальный комитет. Председателем являлся наследный принц Греции Константин, секретарем – директор Французской археологической школы Т. Омоль. С учетом этого официальным языком работы конгресса, на котором печатались все делопроизводственные документы был французский. Кроме того, представление докладов было допустимо на греческом, немецком, английском и итальянском⁵⁹⁰.

Целями конгресса, согласно регламенту, провозглашалось: «содействие успехам археологии посредством расследования и разбора научных и практических вопросов, относящихся к указанной области знания, публикации протоколов Конгресса и мемуаров, которые имеют быть представлены, и вообще путем всех средств, которые для того окажутся удобными и пригодными»⁵⁹¹. По существу, работа конгресса имела две основные формы: во-первых, заседания по секциям общим и специальным с

⁵⁸⁸ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 26.

⁵⁸⁹ Жебелев С.А. Первый международный археологический конгресс в Афинах. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Часть CCCLX. С. 1-2.

⁵⁹⁰ Там же. С. 2; 5.

⁵⁹¹ Там же. С. 3.

чтением и обсуждением докладов (7 дней); во-вторых, организация обширных экскурсий для участников конгресса по континентальной Греции, островам Эгейского моря и Малой Азии (13 дней, 20 пунктов).

Организационно работа конгресса была разделена на общее заседание и заседания по семи секциям: 1) секция классической археологии; 2) доисторической и восточной археологии; 3) раскопок и музеев, охраны памятников; 4) эпиграфики и нумизматики; 5) географии и топографии; 6) византийской археологии; 7) преподавание археологии⁵⁹². Во всех секциях было заявлено 140 докладов. При этом больше всего их пришлось на классическую археологию – 31 и эпиграфику вместе с нумизматикой – 21. В силу того, что протоколы заседаний конгресса вопреки планам организаторов не были напечатаны, остается вопросом, были ли в действительности прочитаны все заявленные доклады.

Стоит отметить также, что темы докладов касались общенаучных проблем, конкретных узкоспециализированных вопросов, а также практической стороны ведения раскопок и организации музейного дела. Последние представляли собой особую важность для российских ученых в свете сказанного в предыдущем параграфе о несовершенстве навыков проведения раскопок некоторыми из научных обществ. Поэтому для участия в конгрессе помимо ученых от университетов были также командированы представители Одесского общества истории и древностей и Русского археологического общества.⁵⁹³

Во время открытия конгресса были избраны члены бюро, в состав которого вошли председатели секций и их заместители. Из числа российских ученых в состав бюро вошли Ф.И. Успенский, как председатель секции византийской археологии и Э.Р. Штерн, как заместитель председателя заседаний, проходящих вне секции⁵⁹⁴.

⁵⁹² Павловский А.А. Первый международный археологический съезд в Афинах // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. Т. 27. С. 32.

⁵⁹³ Там же. С. 31-33.

⁵⁹⁴ Жебелев Указ. соч. С. 8.

О своем участии в конгрессе заявили около 1000 человек, при этом по оценке Жебелева⁵⁹⁵, действительно присутствовали около 700. Половину от общего количества составляли греки. Делегации других стран по численности расположились следующим образом: Франция, Германия, Англия, Италия, Австрия, Россия (22 делегата), США, Дания, Бельгия, Голландия, Швеция.

От России в конгрессе приняли участие и выступали с докладами по античности: Э.Р. Штерн (2 доклада) – о границах распространения классической культуры в России и о протомикенских некрополях в южной России; Б.В. Фармаковский – раскопки в Ольвии; С.А. Жебелев – о древнегреческих вещах из Кубани; Фармаковский и Жебелев также совместно докладывали о золотых вещах найденных при раскопках Шульца в Кубанской области на Кавказе; Е.М. Придик – о Мельгуновском кладе; В.К. Мальмберг – о золотых вещах, найденных в Херсоне, о копии Чертомлыского горита из Киевской губернии; М.И. Ростовцев – о керченской настенной живописи в катакомбах римского периода⁵⁹⁶.

Делегат от Одесского общества истории и древностей А.А. Павловский, отмечает, что доклады российских ученых вызвали неподдельный интерес у зарубежных коллег ввиду того, что открыли для них многое об археологии в России и исследовании античности в Северном Причерноморье, о которых ранее, они «не только не знали, но и не подозревали... и даже А. Фуртвенглер, этот всегдашний строгий критик, выразил благодарность нашим рефератам»⁵⁹⁷. Особый эффект российские докладчики произвели отчасти благодаря идее Ростовцева, который предложил объединить их выступления в рамках одного заседания секции. Таким образом перед слушателями предстала своего рода целостная картина российской классической археологии⁵⁹⁸.

⁵⁹⁵ Там же. С. 5.

⁵⁹⁶ Там же. С. 7.

⁵⁹⁷ Павловский А.А. Указ. соч. С. 37.

⁵⁹⁸ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 14.

Кроме того, в работе конгресса была не только научная, но и практическая сторона. Так во время заседаний по секциям поступали и рассматривались предложения: создать корпус аттической топонимии, издать планы Афинского акрополя и сборник христианских античных надписей, вести и издавать международную археологическую библиографию. Подобные практические предложения также рассматривались и в заключительном общем собрании. На нем было решено продолжать практику таких мероприятий, устраивая их каждые 2-5 лет и для этих целей создать регламент и комиссию, которая должна была сменяться перед каждым следующим съездом: «организационная комиссия сохраняет свои полномочия и образует международное бюро, пока второй конгресс не освободит ее от этих обязанностей»⁵⁹⁹. Также обсуждались вопросы организации более тесного сотрудничества ведущих музеев мира, предлагалось наладить обмен копиями наиболее ценных и значимых экспонатов, обсуждали меры по сохранению отдельных памятников, находящихся в плачевном состоянии, поступали предложения создать «международную лигу» для борьбы с фальсификациями археологических памятников. В состав такой лиги также должны были войти ведущие музеи Европы и извещать друг друга об известных им подделках.

Вторая часть конгресса, как уже было сказано ранее, представляла собой тринадцатидневную экскурсию по Греции и островам Эгейского моря и Малой Азии. Мы не будем подробно останавливаться на ее содержании, отметим лишь то, что по отзывам участников конгресса она была организована самым достойным образом. Ее проведением занимались сотрудники Французской археологической школы и другие крупные ученые греческие и европейские, поэтому качество преподнесения материала вызвало у Жебелева восхищение, как впрочем, наверняка и у многих других⁶⁰⁰. Для отечественных ученых, которым не удалось побывать в двух-

⁵⁹⁹ Там же. С. 15.

⁶⁰⁰ Там же. С. 21-27.

трехгодичных командировках во время прохождения «аспирантуры», как например упомянутому Жебелеву, это был прекрасный и бесценный опыт, способствовавший их профессиональному развитию. Сам он отмечает, что побывал на местах раскопок и лично увидел то, о чем писал в хронике «Филологического обозрения».

На афинском конгрессе было решено провести следующий съезд в Каире в 1909 г., учитывая, что «Египет за последние пятьдесят лет приобрел важное значение и как страна, где открывается масса памятников классической, греко-римской культуры»⁶⁰¹.

В архиве Внешней политики Российской Империи сохранилось официальное приглашение на конгресс от правительства Египта к России с просьбой направить делегатов от научных обществ и институтов. В самом приглашении подчеркивается, что место, выбранное для проведения мероприятия, весьма удачно, так как на территории Египта ежедневно обнаруживают новые источники⁶⁰².

Несмотря на географическое расположение и ожидаемое в связи с этим значительное внимание к истории Востока и Египта, конгресс, как и было заявлено, имел направленность именно на классическую археологию. Египтология в его программе не присутствовала вовсе и докладов по ней не читалось⁶⁰³. По истории Востока было прочитано лишь два доклада. Остальные укладывались в тематику конгресса.

Несмотря на название, в действительности конгресс базировался в двух городах. Первые заседания проходили в Александрии (с 25-26 марта), а торжественное открытие (с 28-29 марта) и вторая половина мероприятия в Каире (с 30 марта по 1 апреля). Такое решение вполне понятно, учитывая

⁶⁰¹ Формаковский Б.В. Второй международный конгресс классической археологии в Каире // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Новая серия. Часть XXV. С. 2.

⁶⁰² Нота министра иностранных дел Египта Бутрос-паши Л. А. Смирнову с приглашением направить русских представителей на международный археологический конгресс в Каире // АВПР. Ф. Турецкий стол (новый). ОП. 5026. Д. 5519. Л. 3.

⁶⁰³ Тураев Б.А. Второй международный конгресс по классической археологии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 576.

важность и интерес, который представляла столица Птолимеев для исследования античности.

Список участников конгресса насчитывал 670 человек. Российская делегация была представлена 29 участниками, впрочем, не все они выступали с докладами. Помимо непосредственно ученых в составе делегации приехали также представители от Эрмитажа и ряда других музеев, Русского археологического института в Константинополе, Археологической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества и Одесского общества истории и древностей⁶⁰⁴.

Работа конгресса проходила в 6 секциях: 1) доклассическая археология (по наблюдению Тураева, большая часть докладов здесь была посвящена крито-микенской культуре⁶⁰⁵); 2) классическая археология; 3) эпиграфика и папирология; 4) религиозная археология; 5) византийская секция; 6) секция нумизматики и географии. Также, как и на предыдущем конгрессе, председателем 5 секции был выбран Ф.И. Успенский.

Всего на конгрессе прочитали 80 докладов, большая часть из которых, аналогично Афинам, пришлась на секцию классической археологии. От России с докладами по античному миру выступали: Е.М. Придик – о греческих надписях экспедиции В.Ю. Бока, хранящихся в Эрмитаже, Б.В. Фармаковский – о раскопках последнего сезона в Ольвии., Э.Р. Штерн – о торговых сношениях греческих колоний юга России с Египтом, И.В. Цветаев – об организации музеев слепков, Б.А. Тураев (2 доклада) – о египетских и египтоподобных вещах, находимых на юге России; о надписи по случаю смерти священного быка в Копте эпохи Трояна и Адриана⁶⁰⁶.

Заметным отличием данного конгресса от Афинского и исторических, рассмотренных ранее, стало отсутствие строгого регламента в работе секций, особенно в александрийской части. Здесь не было даже председателей, их избрали лишь в Каире после торжественного открытия. В силу этого, никто

⁶⁰⁴ Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 3.

⁶⁰⁵ Тураев Б.А. Указ. соч. С. 576.

⁶⁰⁶ Там же. С. 579; Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 4-15.

не следил за соблюдением временного регламента, работа проходила непринужденно, и докладчики не ограничивали себя, выступая столько, сколько считали нужным⁶⁰⁷. Такой опыт кажется интересным и необычным на фоне иных конгрессов, где выступающего могли прервать, не дав закончить по истечению отведенного ему времени, что стало причиной недовольства многих участников.

Так же, как и во всех предыдущих случаях, научную работу конгресса разнообразили многочисленные экскурсии по разным частям Египта. Здесь программа не была строго разделена, как в Афинах и ряд экскурсий проводился после работы секций, другие проходили после официального закрытия конгресса.

Помимо вопросов научных, конгресс также занимался практической работой. В этом плане главным достижением стало продолжение работы начатой членами первого конгресса в Афинах по созданию постоянно действующего комитета международных археологических конгрессов и разработка его устава. Разработанный в 1905 г. в виде проекта документ, был доработан и подписан участниками съезда на заключительном общем заседании⁶⁰⁸. Он провозглашал создание постоянно действующего международного комитета конгресса под председательством наследного принца Греции Константина, включающего в свой состав директоров всех иностранных институтов в Афинах. При этом нации, не имеющие таких учреждений в Афинах, могли быть представлены в комитете командированными членами, назначенными их правительством. Устав предполагал, что в стране, принимающей очередную сессию конгресса, будет временно создаваться местный комитет, на который будет возложена вся организационная работа, но в строгом взаимодействии с комитетом международным. Последний должен был отвечать за то, чтобы практика

⁶⁰⁷ Тураев Б.А. Указ. соч. С. 577.

⁶⁰⁸ Устав постоянного Комитета Международных конгрессов классической археологии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 582-584.

таких конгрессов не прерывалась и выступал своего рода координатором для местных комитетов.

Также документ закреплял в качестве основных форм работы общие и секционные заседания и структуру секций: 1) классическая археология; 2) доисторическая археология; 3) археология стран Востока в ее отношении к классической археологии; 4) древняя нумизматика и эпиграфика; 5) византийская и христианская археология. Как мы увидим дальше, организаторы следующего, римского конгресса не стали строго придерживаться данной структуры и внесли в нее коррективы. Однако, в общих чертах она все же была соблюдена.

Создание подобного международного органа, обеспечивающего организацию и периодическое проведение научных мероприятий, объединяющих ученых-антиковедов со всей Европы, является крайне важным явлением научной жизни, заслуживающим отдельного рассмотрения в специальном исследовании. Россияне не вошли в его состав, тем не менее продолжали активно участвовать в научных съездах.

Обязанностью каждого конгресса по уставу являлось выбрать год и город для проведения следующего мероприятия. На тот момент правительства Италии и Алжира изъявили желание принимать следующий съезд ученых у себя. Собравшиеся в Каире делегаты отдали предпочтение Италии, избрав Рим следующим местом проведения международного конгресса и назначив его на 1912 г⁶⁰⁹.

Римский конгресс проходил с 9 по 16 октября. Местом его торжественного открытия стал музей Капитолия. С нашей точки зрения, главным отличием конгресса 1912 г. стало более активное участие представителей России в его организационной работе⁶¹⁰. Четверо из них были выбраны председателями заседаний секций (новый председатель избирался на каждое заседание секции, которых было от двух в самых

⁶⁰⁹ Тураев Б.А. Указ. соч. С. 581.

⁶¹⁰ Черняев П.Н. Третий международный конгресс классической археологии в Риме. Отчет о заграничной командировке. Варшава: тип. Варшавского уч. окр. 1913. С. 5.

малочисленных секциях до пяти в наиболее оживленных). Вероятно, такая ситуация была обусловлена еще и значительно большим количеством секций в структуре конгресса, которых в Риме выделили двенадцать: 1) доисторическая археология; 2) восточная археология; 3) доэллиническая археология; 4) археология италийская и этрусская; 5) история классического искусства; 6) греческие и римские древности; 7) эпиграфика и папирология; 8) нумизматика; 9) мифология и история религии; 10) античная топография; 11) христианская археология; 12) организация археологических работ.

Председателями секций от России были избраны: В.К. Мальмберг – 5-ая секция; М.С. Ростовцев – 6-ая секция; Е.М. Придик – 7-ая секция; М.В. Покровский – 11-ая секция.

Иным образом участие российских ученых в работе конгресса выделялось тем, что впервые на церемонии торжественного закрытия с речью выступил один из них, а именно Ростовцев. К сожалению, источники не сообщают нам содержания этой речи и даже общей тематики. Сам Ростовцев скромно умалчивает об этом факте. При этом русский язык, как и прежде, не был введен в качестве одного из официальных языков работы конгресса.

По численности участников данный конгресс оказался самым большим. В его работе приняли участие около 1000 человек, но российская делегация оказалась одной из самых малочисленных. Не в пример предшествующим съездам в Афина и Каире, здесь было лишь 11 участников из России. Такое положение дел П.Н. Черняев объяснял выбором даты проведения мероприятия в октябре, оказавшейся неудачной для отечественных ученых, так как в это время учебная деятельность в университетах шла полным ходом, в то время как предыдущие конгрессы выпадали на пасхальные каникулы⁶¹¹.

Из числа российских ученых доклады читали: А.И. Линиченко (2 доклада) – общий взгляд на результаты доисторической археологии в России,

⁶¹¹ Черняев П.Н. Указ. соч. С. 15.

о фальсификации предметов древности; В.К. Мальмберг – дополнения к бельведерсокуму торсу; О.К. Линдеман – русские и римские пенаты с археологической точки зрения; М.И. Ростовцев – могилы Сабазиастов в Пантикапее; И.Н. Бороздин – доисторическая и классическая археология в России за последние годы⁶¹².

В том, что касается экскурсионной части конгресса, она также была организована. Большая ее часть проходила в Риме, но также были организованы выезды в Остию и в Цере. Кроме того, после закрытия мероприятия участники конгресса сами устроили своего рода неофициальную поездку в Помпеи, Неаполь, Пестум, юг Италии, Сицилию и Сардинию⁶¹³. Не все смогли принять в ней участие.

Типологически археологические и исторические конгрессы были устроены сходим образом и преследовали схожие цели. Намного важнее обратить внимание на их различия. Все три конгресса по классической археологии отличает от исторических аналогов то, что здесь в меньшей части была организована программа культурных мероприятий, подразумевающая различные приемы и торжества, но больше внимания уделялось именно научным занятиям в виде экскурсий по музеям, памятникам и местам раскопок. В этом отношении здесь создавалось меньше условий для межличностного общения ученых и создания личных связей, но больше для научных занятий и обмена профессиональным опытом.

Одной из важнейших задач таких конгрессов Ростовцев выделил знакомство ученых из разных стран с тем, как организовано музейное дело и проведение раскопок в тех странах, где такая работа организована наивысшим образом⁶¹⁴. В действительности экскурсии, проводимые по местам раскопок секретарем Немецкого археологического института в

⁶¹² Там же. С. 7-13.

⁶¹³ Бороздин И.Н. Международный археологический конгресс в Риме // Древности. Труды Московского археологического общества. 1914. Т. 24. С. 278. (275-278).

⁶¹⁴ Ростовцев М.И. Третий международный археологический конгресс в Риме // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Новая серия. Часть 41. С. 105.

Афинах В. Дёрпфельдом, и там же сотрудниками Французской археологической школы, экскурс в работу каирского музея от его директора Г. Масперо⁶¹⁵, стали бесценным опытом и для российских ученых, и для делегатов-сотрудников научных учреждений, в том числе музеев: «... образцовая постановка в Египте дела археологического исследования, устройства музеев и охраны древних памятников под руководством знаменитого Масперо обещали многому научить в области чисто практической археологии...»⁶¹⁶. В этом отношении совершенно закономерным кажется то, что делегатами исторических конгрессов от России были преимущественно преподаватели, а на археологические конгрессы были направлены также представители музеев и научных обществ, занимающихся раскопками.

С точки зрения содержания работы конгрессов по классической археологии, они в действительности оправдывали свое название. Если исторические съезды включали в свой состав античную историю лишь как одну из многих составляющих, то здесь античная тематика абсолютно преобладала. По большей части доклады, представленные на них, были посвящены именно античному миру, причем не всегда вопросам археологическим, присутствовало немало сообщений, которые мы можем отнести к конкретной истории.

Российские ученые в работе трех рассмотренных конгрессов достаточно удачно заняли определенную нишу как исследователи античности в Северном Причерноморье благодаря чему заявили об отечественной науке, как о важной составляющей в исследованиях античности, без которой картина греко-римского мира никогда не будет полной.

На этих конгрессах так же, как и в их аналогах общеисторических, поднимался широкий сектор вопросов, начиная от узкоспециальных и

⁶¹⁵ Тураев Б.А. Указ. соч. С. 581.

⁶¹⁶ Фармаковский Б.В. Указ. соч. С. 2.

заканчивая общими проблемами науки о классической древности, а участники получали обратную связь и делились критическими замечаниями, устраивали дискуссии и совместно искали решения поставленных проблем. Российские делегаты приобретали бесценные знания и могли своими глазами увидеть, как налажено музейное дело или ведение раскопок в ведущих в этом отношении странах, чтобы в дальнейшем применить их в своей работе на родине. Несмотря на меньшее количество мероприятий в формате неформального общения, на археологических конгрессах также налаживались личные связи между учеными, на что указывают самоорганизованные экскурсии, но с тем отличием, что все они были специалистами в одной области. Поэтому здесь будут справедливы все те же выводы, что мы сделали ранее, говоря об исторических конгрессах, но в еще большей степени направленные на пользу именно антиковедения. На наш взгляд, участие российских ученых в конгрессах по классической археологии стало важным шагом в развитии этой дисциплины в самой России, а также способствовало совершенствованию музейной практики и приемов ведения археологических раскопок, что в конечном итоге повышало качество источниковой базы науки об античности.

3.4. Антиковедение в Российской Академии наук

Императорская Академия наук, так же как и в предыдущем случае, достаточно хорошо исследована. Однако нельзя сказать, что на данный момент круг неразрешенных вопросов, связанных с ней, исчерпан. В частности, работа Академии по направлению исследований античности, ее вклад и вообще то, какое место антиковедение занимало в ее структуре, до сих пор не становились предметом специального рассмотрения и ограничивается лишь весьма краткими сведениями в работах общего характера. В данном параграфе мы обобщим уже сказанное по этим вопросам нашими коллегами и постараемся заполнить имеющиеся пробелы, таким образом вписав Академию наук в картину институционального устройства дореволюционного антиковедения.

Со времени принятия устава 1836 г. и вплоть до установления ее преобразования в Советское время Академия не претерпевала серьезных коренных изменений своего функционала или организации. Многочисленные проекты ее реформирования в конечном итоге оставались лишь на бумаге, а в жизнь воплощались лишь отдельные их положения, касающиеся скорее частных вопросов. Самое значительное изменение в жизни Академии произошло в 1841 г., когда в ее состав было введено Отделение русского языка и словесности. С того момента структура оставалась неизменной и была представлена тремя отделениями: физико-математическим, историко-филологическим и уже указанным отделением по русскому языку и словесности. Каждый отдел включал в свой состав несколько специальностей, которые были разделены по разрядам. В свою очередь для каждого разряда устанавливалось определенное число академиков. Интересующий нас историко-филологический отдел делился на следующие разряды: историко-политических наук, восточной словесности, лингвистики и классической филологии. Последний из них является непосредственным предметом нашего интереса.

Согласно штатному табелю все историко-филологическое отделение включало 8 ординарных академиков и 5 мест выделялось для академиков экстраординарных и адъюнктов⁶¹⁷. По разряду классической филологии обычно было два ординарных академика одновременно, иногда к их числу присоединялся адъюнкт или экстраординарный профессор, который в итоге становился ординарным после смерти одного из старших коллег. С момента открытия в 1724 г. и по 1917 г. в стенах Академии работали 14 специалистов по античной истории (приложение 14), а также около 70 членов-корреспондентов, в число которых входили как отечественные, так и зарубежные ученые. Во второй половине XIX в. важной тенденцией в изменении кадрового состава организации стало занятие ее должностей русскими по происхождению учеными вместо немцев, господствовавших в Академии с самого ее учреждения. Многие критиковали учреждение из-за засилья немцев, утверждая, что труды, написанные и изданные на русские деньги, но на немецком языке, возвеличивают славу немецкой, но не русской науки и остаются в большинстве своем неизвестными и невостребованными для российского общества⁶¹⁸. Тенденция эта не обошла стороной и антиковедение. Л.Э. Стефани и К.А. Наук стали последними немецкими антиковедами-академиками, на их место пришли П.В. Никитин и В.В. Латышев, позже В.К. Ернштедт, А.В. Никитский и М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков (через два года перешел в отделение русского языка и словесности), что лишним раз подчеркивает состоявшийся в это время в России переход данной научной дисциплины на зрелый этап своего развития.

По существу, работа Академии в целом и отделения классической филологии и археологии мало чем отличалась от деятельности рассмотренных ранее научных обществ, коим Академия по сути и является, если отвести в сторону ее особый статус и положение. Направления работы

⁶¹⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Том XIII. СПб.: Гос. тип. 1897. № 9717. Приложение 1. С. 183-186.

⁶¹⁸ Жемчужников А.М. Еще один вопрос: что такое наша Академия наук? // Отечественные записки. 1861. Т. 137. № 7-8. С. 27-40.

здесь во многом были теми же: представление и обсуждение научных докладов на собраниях по отделениям, работа с музейными коллекциями, имеющимися в распоряжении Академии, выпуск отдельных специальных и периодических изданий, в числе которых были записки отделений и тематические журналы или сборники.

Собрания всей Академии могли быть торжественными, например в честь празднования дня ее основания 29 декабря, экстраординарными и одинарными. Последние происходили один раз в месяц. На них обсуждались и решались общие вопросы жизни Академии, зачитывались некрологи известных ученых, проходили обсуждения и голосования за принятие новых членов, выносились предложения, заслушивались отчеты, но по большей части – около 80-90% общих собраний были посвящены работе по комплектованию и упорядочиванию фондов библиотеки Академии⁶¹⁹. Для нас куда важнее заседания по отделениям, которые устраивались два раза в месяц. Именно на них происходили выступления и обсуждения научных докладов, презентация результатов своих научных трудов, обсуждение текущего положения дел в науке, представление отчетов о пребывании в командировках, а также здесь выносили решение о присуждении премий авторам наиболее значимых научных трудов, изданных в текущем году.

Что касается музейной работы Академии, в ее распоряжении находились две музейные коллекции, имеющие непосредственное отношение и научный интерес для изучения античности: Музей классической археологии, содержащий в себе артефакты и монеты греческие и римские, и Египетский музей Академии наук. Обе коллекции были переданы Эрмитажу⁶²⁰ во второй половине XIX в. Таким образом, в отношении

⁶¹⁹ Протоколы заседаний Императорской Академии наук. 1864-1899: документы и указатели по истории БАН. Вып. 2. В 2-х кн./ науч. рук. Н.В. Колпакова; отв. ред.: Н.М. Баженова, М.П. Лепехин; сост.: Н.С. Андреева, Н.Н. Елкина (отв. сост.). СПб.: БАН. 2020. С. 3.

⁶²⁰ Хартанович М.Ф., Хартанович М.В. Музей классической археологии Императорской Академии наук XIX в.: история организации и передачи коллекцией в Императорский Эрмитаж // Вопросы музеологии. Т. 12. Вып. 1. 2021. С. 13-27.

собрания и сохранения памятников античности Академия наук утратила свою роль.

Иначе обстояло дело с комплектованием Библиотеки Академии наук. Структурно она была разделена на два отделения – русское и иностранное. Общего директора у учреждения не было, каждым отделом заведовал один из академиков, у которого в подчинении находилось несколько библиотекарей (в 1880-ых гг. – 8 человек, в 1893 г. – 12 человек, в 1912 г. – 18 человек). Иностранным отделом руководили А.А. Штраух с 1879 по 1890 гг. и К.Г. Залеман с 1890 по 1916 гг.⁶²¹. Академия самым активным образом старалась пополнять иностранный отдел всеми значимыми научными трудами, выходящими в свет за рубежом. Для этого налаживали обмен академических изданий с изданиями европейских научных учреждений, часть книг поступала в качестве пожертвований, но большую часть необходимой литературы все же приходилось покупать. Иностранное отделение библиотеки было одним из лучших в стране, ежегодно в его распоряжение поступало около 10 000 томов⁶²². Доступ к фондам для читателей был затруднен из-за ограниченности помещений и небольших читальных залов. Иностранное отделение могло вместить не более 18 посетителей за раз, при этом желающих посетить ее среди студентов и интеллигенции было много. В тоже время книги библиотеки всегда были доступны для академиков, что делало их положение более выгодным в сравнении с другим учеными.

В отечественной историографии надежно укоренился вывод о том, что в течение XIX в. Академия наук утратила свое значение ведущего научного учреждения, уступив первенство университетам, по крайней мере, в области истории⁶²³. Для антиковедения это утверждение более справедливо, чем для

⁶²¹ Басаргина Е.Ю. Указ. соч. С. 117.

⁶²² Басаргина Е.Ю. Указ. соч. С. 119.

⁶²³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999. С. 174; Басаргина Е.Ю. Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889-1917 гг. Дисс. ... доктор. ист. наук: 07.00.02. СПб. 2009. С. 75; Соболева Е. В. Борьба

любого другого раздела исторической науки. Во второй половине – конце XIX в. антиковедение в стенах Академии было основательно вытеснено византиноведением⁶²⁴.

Изначально исследования Византии главным образом базировались в разряде историко-политических наук. В его рамках на протяжении всего XIX в. работали А.А. Кунник, В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский, П.Г. Виноградов. С конца XIX в. византийская тематика постепенно перемещается в разряд классической филологии и археологии и начинает занимать в нем господствующее положение, захватывая научные интересы состоящих в его рядах антиковедов. Данное явление в науке неоднократно фиксировалось, однако его причины все еще до конца не выяснены. «Причины этого любопытного явления – ухода, казалось бы, преуспевающих классиков в «глубокую византистику» – еще предстоит выяснить: по-видимому, холодная красота классицизма была все же менее привлекательна русскому сердцу, чем таинственный и малоизученный, но чем-то столь родственный мир византинизма»⁶²⁵. Среди таких причин выделяют следующие: во-первых, широкие возможности для осуществления оригинальных исследований, так как в Европе трудов и специалистов по истории Византии было относительно немного, поэтому данное направление являлось востребованным⁶²⁶; во-вторых, в некоторых случаях смена научных интересов подогревалась доступом к памятникам и археологическому материалу на юге России, так например, Латышев постепенно заинтересовался историей Византии, занимаясь изучением эпиграфики Херсона и регулярно сталкиваясь с источниками византийского происхождения⁶²⁷; в-третьих, играло роль личное влияние Васильевского в

за реорганизацию Петербургской академии наук в середине XIX века. Л.: Изд-во «Наука». 1971. – 199 с.

⁶²⁴ Басаргина Е.Ю. Указ. соч. С. 230.

⁶²⁵ Медведев И.П. Предисловие // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб: Изд-во «Институт Российской истории РАН». 1999. С. 6.

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Басаргина Е.Ю. Указ. соч. С. 232.

стенах Академии. Первые труды по византийской проблематике Ернштдта и Никитина были написаны в соавторстве с ним уже после получения академических должностей⁶²⁸. Исследовавшая жизненный путь Никитина Е.Ю. Басаргина утверждает, что Васильевский активно способствовал его привлечению к исследованиям в области Византии, более того, после смерти последнего именно Никитин взялся закончить оставленные коллегой труды⁶²⁹. Столь же активно возбуждал интерес к Византии и ее изучению А.А. Куник. Он выступил с инициативой создания отдельного разряда по византиноведению в структуре Академии⁶³⁰. Предложение не было реализовано, но это не помешало Кунику вовлекать в новое исследовательское поле других историков.

В действительно бурное развитие и выделение новой дисциплины, занимающейся историей Византии требовало официального включения ее в структуру учреждения. Но на деле соответствующий разряд не был создан, а штат Академии не расширили для принятия в ее ряды новых филологов-классиков на замену тем, кто занялся византиноведением из-за нехватки выделяемых правительством средств. В результате такого положения дел работа в области исследований античности в стенах Академии велась крайне скромно и сводилась к редким публикациям статей в ее изданиях. Доходило до того, что в отчетах Академии фигурировали работы, написанные ее членами для других организаций, видимо с целью того, чтобы раздел классической филологии в отчете не оставлять пустым. Так, например, упоминается о работах Латышева для Русского Археологического общества⁶³¹ по изданию сборника надписей Северного Причерноморья или об изданных К.А. Науком трудах в Лейпциге в местных изданиях на

⁶²⁸ Басаргина Е.Ю. Указ. соч. С. 232.

⁶²⁹ Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб.: Изд-во РАН «Нестор-История». 2004. С. 122-128.

⁶³⁰ Куник А.А. Почему Византия доньше остается загадкой во всемирной истории? // Ученые Записки ИАН по I и III отделениям. 1853. Т.2. Вып. 3.С. 444-454.

⁶³¹ Современная летопись. Императорская Академия наук в 1897 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХV. 1898. С. 105.

немецком⁶³². При этом далеко не в каждом годовом отчете вообще фигурирует информация о деятельности филологов-классиков, что в значительной степени контрастирует с плодотворной работой их коллег, занимавшихся русской, всеобщей или историей Востока. Византиноведы организовали выпуск периодического издания «Византийский временник» с целью объединения в одном месте всех научных сил, занимающихся этой темой, а также образовали комиссии по изданию неоконченных трудов Васильевского и по изданию трудов епископа Порфирия⁶³³; исследователи русской истории Н.Ф. Дубровин и А.С. Лаппо-Данилевский и Н.В. Калачов совместными усилиями осуществили колоссальную работу по сбору, обработке и изданию больших пластов источников⁶³⁴; ориенталисты в лице В.В. Радлова, О.Н. Бётлингга, В.П. Васильева и К.Г. Залемана, С.Ф. Ольденбурга активно всеми доступными средствами работали над пополнением Азиатского музея (преимущественно рукописями) и Музея антропологии и этнографии, существовавших при Академии наук, выпускали несколько сборников и периодических изданий («Bibliotheca Buddhica», «Bibliotheca Armeno-Georgica. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», «Образцы народной словесности монгольских племен», «Христианский Восток»), а также устраивали экспедиции в страны Востока, привозя от туда множество источников и артефактов для дальнейших исследований⁶³⁵.

Тем не менее, антиковеды-академики в конце XIX – начале XX вв. частично продолжали заниматься исследованием античного мира, однако вся их работа в этом направлении велась либо под эгидой научных обществ, либо

⁶³² Современная летопись. Императорская Академия наук в 1888 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССLXI. 1889. С. 65.

⁶³³ Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX-XX вв. М.: Индрик. 2008. С. 226-238.

⁶³⁴ Там же. С. 258-262. Например, «Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726-1730 гг.», «Доклады и приговоры правительствующего Сената в царствование императора Петра Великого», «Акты Московского государства», «Сборник грамот Коллегии экономии», «Материалы для истории русского законодательства», «Памятники русского законодательства 1649-1832 гг.»

⁶³⁵ Там же. С. 272- 286.

в частном порядке. Единственное значительное начинание в области науки об античности, организованное непосредственно от имени Академии наук, стало издание неопубликованных трудов К.К. Гёрца, посвящённых Северному Причерноморью. Для этой цели была создана комиссия, в которую вошли Никитин, Коковцов и Латышев, однако именно последний осуществил всю работу⁶³⁶. Безусловно, такое положение дел не должно умалять научные силы разряда классической филологии и археологии, и обусловлено, как уже сказано ранее, тем, что его представители посвятили значительные силы исследованию Византии.

Таким образом, мы можем заключить, что Академия наук в рассмотренный хронологический период не просто уступила исследовательское лидерство в области антиковедения университетам и научным обществам, она практически утратила такое направление научных изысканий. Формально разряд классической филологии и археологии оставался частью институциональной структуры отечественного дореволюционного антиковедения. По всем внешним признакам он продолжал функционировать и имел в своем штате филологов-классиков, специализировавшихся на античной истории. Фактически же мы вынуждены констатировать, что в конце XIX – начале XX вв. Академия наук перестала иметь сколько-нибудь значимое отношение к антиковедению.

Подводя общие итоги главы, мы можем заключить, что научные исторические общества являлись важным элементом институционализации антиковедения в дореволюционной России и сыграли значительную роль в его развитии, чему на данный момент в отечественной историографии уделялось недостаточное внимание. Также существенный вклад в развитие этой дисциплины внесли общества археологические. Ни одно из них не было сосредоточено в полной мере на исследовании античного мира, поэтому мы

⁶³⁶ Современная летопись. Императорская Академия наук в 1897 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCCXV. 1898. С. 98.

не включаем их в институциональную структуру антиковедения. Тем не менее, некоторые из них сделали многое для введения новых источников и памятников античности в научный оборот, без чего невозможным было бы развитие историко-эпиграфического направления антиковедения, ставшего ведущим в нашей стране. Общества и той и другой специализации способствовали объединению усилий ученых, ставили масштабные задачи, совместно обсуждали тенденции развития науки, а также выделяли проблемы, требующие внимания научных сил, что обеспечивало более системный подход к развитию антиковедения в стране, закладывало элементы планомерности и упорядоченности в этом процессе. Наиболее эффективными формами их работы оказались: 1) собрания, на которых представлялись и обсуждались доклады с результатами исследований, критическими отзывами, рецензиями; 2) реализация совместными силами крупных проектов, среди которых наиболее значимым направлением оказалось издание крупных трудов под эгидой общества.

В дореволюционной России лишь одно Общество классической филологии и педагогики всецело специализировалось на античном мире. Благодаря отсутствию аналогичных, своего рода конкурирующих организаций, ему удалось объединить в своих рядах ведущих представителей науки об античности. Такое положение дел способствовало концентрации и интенсификации совместной работы. Но что важнее, оформило неформальный круг лиц, занятых научным изучением античности в официально институционализированное сообщество. В то же время, подобные научные организации, занимающиеся антиковедением, не имели успеха в провинциях, что было вызвано нехваткой научных или организационных сил на местах. Безусловно такое положение дел ставило ученых, работающих за пределами столицы, в менее выгодное положение по сравнению со столичными коллегами.

Схожим образом на развитие антиковедения оказали влияние международные исторические конгрессы. Аналогично собраниям обществ

внутри отдельной страны, они способствовали коммуникации всего научного сообщества Европы, а также обеспечивали своего рода взаимную интеграцию национальных наук. Здесь также обсуждались тенденции в науке, поднимались наиболее значимые проблемы, обменивались мнениями. Выход отечественных представителей науки об античности на международный уровень одновременно является и показателем успешности развития дисциплины в России, и фактором, способствующим ускорению ее движения вперед.

Также мы можем предполагать, что институционализация антиковедения в области создания научных обществ и организаций повлияла на содержательную часть науки и дала определенные результаты, что показывают нам некоторые затронутые в данной главе примеры. Многолетняя работа В.В. Латышева в области греческой и римской эпиграфики вылилась в написание им чрезвычайно важного для науки «Свода античных надписей, найденных в Северном Причерноморье». Однако, материалы данной главы показывают нам, что без институциональной составляющей создание подобного труда было бы невозможно. Сама идея подобного свода родилась внутри Русского археологического общества, неоднократно обсуждалась и разрабатывалась на уровне планов и программ еще до того, как Латышев закончил учебу в университете и попал в ряды организации. Не менее важно и то, что осуществление подобной работы было бы невозможно без финансирования обществом многочисленных поездок Латышева по музеям страны. В конце концов, столь объемный труд, в силу дороговизны, просто не был бы издан без средств общества.

Этот пример показывает нам еще одну сторону воздействия институциональной среды на ученого. Именно с момента поручения Латышеву составления свода, сфера его научных интересов, ранее направленная на Грецию, безвозвратно меняется в сторону исследования Северного Причерноморья, которым он будет заниматься многие годы,

прежде чем увлечется Византией. Исходя из этого, мы можем предположить, что роль институтов в формировании научных интересов ученого, особенно молодого, весьма велика и в ряде случаев становится решающей.

Столь масштабный труд, как перевод на русский «Реального словаря классических древностей» Ф. Любкера, был бы невозможен усилиями одного-двух ученых, но оказался воплощенным в жизнь благодаря организационным и координационным функциями Общества классической филологии и педагогики. На обложке издания значатся фамилии Гельбке, Георгиевского, Зелинского, Канского, Куторги и Никитина. Но это только верхушка айсберга. Данный проект потребовал объединения усилий 18 членов организации и привлечения одного математика со стороны. Таким образом, институциональная среда способствовала объединению ученых для выполнения масштабных задач.

В этом же ключе отметим работу археологических обществ по сбору материалов для последующих исследований ученых. Если их деятельность по организации раскопок оказалась не слишком результативной, хотя и она давала почву для новых научных трудов⁶³⁷, то работа по организации сбора и систематизации археологических памятников и надписей в рамках музея Одесского общества истории и древностей стала отправной точкой для многих исследований. В качестве примера можно привести деятельность В.Н. Юргевича, который занимал должность хранителя музея и члена общества Э.Р. Штерна⁶³⁸. Оба ученых опубликовали ряд научных трудов по имеющимся в распоряжении музея экспонатам⁶³⁹.

⁶³⁷ Шаманаев А.В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // Античная древность и средние века. 2003. № 34. С. 415-425; Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб: Тип. гос. бумаг. 1851. – 138 с.

⁶³⁸ Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859-1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2001. № 3. С. 29-52.

⁶³⁹ Шаманаев А.В. Вклад В.Н. Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма // Античная древность и средние века. 2011. № 40. С. 411.

Другим вкладом научных обществ, как институтов, в содержательную часть науки стало обсуждение научных работ. Доклады, представляемые членами общества на собраниях, впоследствии публиковались в научных журналах. Мы можем предполагать, что подобная презентация в узком кругу, предшествовавшая публикации, служила своего рода «защитой» исследования. И после полученных отзывов и мнений или в свете заданных вопросов, научный труд мог дорабатываться и уточняться перед тем, как уйти в печать, что в свою очередь повышало его качество и научную значимость. Мы приведем несколько примеров: в ноябре 1901 г. в собрании общества выступал П.П. Соколов с докладом «К хронике гимнов Каллимаха»⁶⁴⁰ и в декабрьском выпуске «Филологического обозрения» того же 1901 г. опубликована его статья «К Каллимаху. Хронологическая дата гимна к Аполлону»⁶⁴¹; На собрании в январе 1901 г. И.Ф. Анненский выступил с докладом «О поэтической концепции Еврипидовой Альkestы»⁶⁴² и в том же 1901 г. его доклад был напечатан в ЖМНП в качестве статьи «Поэтическая концепция Альkestы Еврипида»⁶⁴³.

Иногда прочитанные на собраниях доклады ложились в основу более масштабной работы. В 1901 г. Ф.Ф. Зелинский выступал в собрании Общества классической филологии и педагогики с двумя докладами на тему астрологии в греко-римском мире. Секретарь общества кратко зафиксировал основные мысли докладчика⁶⁴⁴. Позже в 1907 г. они легли в основу главы

⁶⁴⁰ Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть ССCL. С. 340.

⁶⁴¹ Соколов П.П. К Каллимаху. Хронологическая дата гимна к Аполлону // Филологическое обозрение. 1901. Т. 20.

⁶⁴² Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть ССCL. С. 332.

⁶⁴³ Анненский Ф.И. Поэтическая концепция Альkestы Еврипида. Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Часть СССXXXIII. С. 73-96.

⁶⁴⁴ Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть ССCL. С. 335-338.

«Умершая наука»⁶⁴⁵ в составе большого сборника Зелинского – «Из мира идей», частично прозвучали в «Истории античной культуры», 1914 г.⁶⁴⁶, а также «Религии эллинизма», 1922 г.⁶⁴⁷

Таким образом, если ранее мы предполагали, что существование журналов предоставляло возможность и тем самым создавало мотивации для ученого писать и публиковаться, то существование научного общества и возможность выступать с докладами перед его членами, по нашему предположению, влияло на качество работ и позволяло их совершенствовать с учетом критики.

⁶⁴⁵ Зелинский Ф.Ф. Из мира идей. Т.2. Репринт. с изд. 1907,1922. М.: Изд-во «Ладомир». 1995. С. 240-339. (- 720 с.)

⁶⁴⁶ Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб: Изд-во «Марс». 1995. С. 324-329. (- 380 с.).

⁶⁴⁷ Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск: Изд-во «Водолей». 1996. – 159 с; Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Античная религиозность в интерпретации Ф.Ф. Зелинского // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 7-22.

Заключение

В ходе проведенной работы, отталкиваясь от теории И. Жэнгра, мы воссоздали картину институционального устройства антиковедения в дореволюционной России конца XIX – начала XX вв., выделив в исследуемом объекте три составляющие части, именуемые в используемой теории аспектами институционализации. В нашей работе таким аспектам соответствуют три организационных поля науки, совместно обеспечивающих ее полноценное функционирование.

В научно-образовательном аспекте институализация антиковедения в конце XIX – начале XX вв. продвинулась достаточно далеко и принесла ощутимые результаты. Ее итог предстает перед нами в виде развитой системы институтов, позволяющей эффективно осуществлять подготовку ученых специалистов по античному миру. В ее структуру входили:

На уровне высшего образования: 1) ряд кафедр, связанных с изучением античного мира; 2) специализированная кафедра классической филологии. Структурной единицей последней являлось классическое отделение, позволяющее студенту сосредоточить свое обучение на выбранной области истории.

На уровне подготовки высших научно-педагогических кадров: Командирование за границу и «оставление при университете». Являясь общенаучными институтами они имели определенную специфику своего функционирования применительно к подготовке будущих антиковедов: особые программы сдачи магистерских экзаменов для получения ученой степени, специально установленных трехгодичных сроков командирования и специальных маршрутов командирования.

На уровне неформальных институций: система органично дополнялась неформальным институтом домашних семинаров, тесно связанным с формированием в стране первых научных школ антиковедов и оказавшим существенное влияние на профессиональное становление и выбор научных интересов некоторых крупных представителей науки об античности.

В то же время мы можем наблюдать ряд негативных факторов, тормозивших процесс институционализации и частично нивелирующих его результаты. Во-первых, неудачные решения в области государственной политики по отношению к высшему образованию, временно поставившие на грань существования историко-филологические факультеты. Во-вторых, само представление ученых о месте науки об античности в системе научных дисциплин и о ее соотношении с классической филологией в рассматриваемый период были далеки от того, чтобы признать необходимость их строгого разделения и выделения антиковедения в разряд самостоятельной дисциплины. В результате чего в дореволюционной России так и не сложились самостоятельные кафедры, специализирующиеся сугубо по античной истории. Следствием этого стал переход студентов и оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию, не желавших связывать свое обучение с обилием филологии, на кафедру всеобщей истории и защита диссертаций по соответствующему разряду.

Говоря о втором аспекте институционализации, мы видим, что во второй половине XIX в. отечественное антиковедение обретает свои собственные печатные органы, обслуживающие исключительно его научные и организационные интересы и отделяющие его от прочих направлений всеобщей истории. Такое положение дел, безусловно, способствовало развитию антиковедения в России, обеспечивало обмен информацией и научными достижениями внутри сообщества антиковедов, консолидировало их работу и обеспечивало доступ к массиву публикаций как отечественных, так и отчасти зарубежных авторов.

В то же время, здесь, как и в предыдущем случае, мы наблюдаем отсутствие разграничения между античной историей и классической филологией со всеми вытекающими из этого последствиями.

Другой спецификой рассматриваемых изданий стало включение в круг их целевой аудитории не только представителей науки и высшего образования, но и педагогов гимназий и прогимназий. Такое решение,

безусловно, снижало престиж журналов, но являлось вынужденным ввиду малочисленности научного сообщества специалистов по античному миру. Иным способом не представлялось возможным обеспечить доход от продаж журнала, способный покрыть издержки редакции и позволяющий хотя бы балансировать на грани разорения.

В области третьего аспекта институционализации мы можем заключить, что научные общества исторического и археологического характера сыграли весьма важную роль в развитии отечественной науки об античности в дореволюционной России. В их рядах кооперировались ведущие ученые того времени и совместно работали над реализацией по-настоящему масштабных и значимых проектов. На наш взгляд, собрания научных обществ стали местом наиболее плодотворной и активной научной работы в рассматриваемый период.

В то же время институционализация антиковедения в области научных организаций сталкивалась с рядом проблем. В первую очередь нехватка научных кадров приводила к временной приостановке работы некоторых из них, вызывала сложности в проведении собраний, в том числе на уровне формирования повестки, и даже приводила к их ликвидации. Последнее в большей степени было характерно для провинциальных отделений. Нехватка финансирования, как по средствам членских взносов, так и государственных субсидий также осложняла, а в некоторых случаях делала невозможной реализацию намеченных проектов. В большей степени от этого страдали археологические общества в части организации раскопок и экспедиций.

Участие российских ученых в исторических и археологических международных конгрессах в начале XX в. стало еще одним важным элементом институционализации антиковедения и оказало существенное влияние на развитие дисциплины внутри страны. Благодаря таким съездам отечественные антиковеды оказались самым активным образом включенными в разработку новейших научных проблем, принимали участие в определении будущего движения науки, налаживали сотрудничество и

обмен опытом с ведущими специалистами мира. С практической стороны конгрессы позволили делегатам из России усовершенствовать навыки музейного дела и проведения раскопок под руководством ведущих специалистов Европы, привнести эти навыки в отечественную практику.

При этом наиболее значимыми оказались конгрессы по классической археологии, которые вопреки своему названию и заявленным целям преимущественно сосредоточились вокруг вопросов конкретной истории античного мира. Здесь российские ученые смогли зарекомендовать себя на весь мир в роли ведущих специалистов по изучению античности Северного Причерноморья.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что институционализация антиковедения оказывала прямое влияние на результаты научной работы ученых-антиковедов в рассматриваемый период и способствовала обогащению науки об античности в содержательном отношении новыми знаниями и достижениями. Заграничные командировки открывали доступ к новому археологическому материалу и источникам, зачастую ложившимся в основы последующих диссертаций и многочисленных статей командированных, а опыт, полученный в ходе совместной работы с более опытными зарубежными коллегами, в дальнейшем успешно применялся в исследованиях на отечественном материале. Домашние семинары способствовали формированию научных интересов и методологических установок будущих ученых под влиянием учителя, что демонстрирует нам пример учеников Ф.Ф. Соколова. Появление специализированных научных журналов предположительно стимулировало публикационную активность ученых, так как появлялось больше мест для размещения результатов их научной деятельности. В первую очередь это относится к молодым ученым, работы которых редко принимали в ЖМНП, поэтому публикация на страницах «Филологического обозрения» и «Гермеса» становилась для них наилучшим выходом. Первые публикации молодых С.А. Жебелева, А.Н. Щукарева, М.И. Ростовцева, В.П. Бузескула,

А.И. Сонни, С.А. Селиванова, В.Г. Аппельрота были сделаны именно в указанных изданиях. Кроме того, специализированные журналы стали полем для научных экспериментов, апробаций различных новых рубрик и жанров.

Научные общества, как уже было сказано выше, и вовсе являлись, на наш взгляд местом наиболее активной и плодотворной научной работы. Во-первых, они выступали в роли совместного центра, генерирующего идеи. Во-вторых, обеспечивали возможность, в том числе финансовую, для реализации крупных проектов. Примером первых двух положений может служить «Свода античных надписей, найденных в Северном Причерноморье» В.В. Латышева. В-третьих, обеспечивали объединение, координацию и организацию усилий коллективов ученых при работе над масштабными проектами, которые не могли быть реализованы усилиями одного-двух ученых, но потребовали создания целых рабочих групп, как перевод «Реального словаря классических древностей» Ф. Любкера над которым работали 18 членов Общества классической филологии и педагогики. В-четвертых, их собрания служили местом для презентации и обсуждения результатов научного творчества, благодаря чему некоторые труды могли быть доработаны или уточнены. Многие из докладов, обсуждаемые в собраниях научных обществ, впоследствии были опубликованы на страницах специализированных журналов, а некоторые легли в основу более крупных работ. Таковы «Из мира идей», «История античной культуры», «Религии эллинизма» Ф.Ф. Зелинского. В-пятых, отметим вклад археологических обществ. Если их деятельность по организации раскопок оказалась не слишком результативной, хотя и она давала почву для новых научных трудов, то работа по организации сбора и систематизации археологических памятников и надписей в рамках музея Одесского общества истории и древностей стала отправной точкой для многих исследований и выступала фундаментом для историко-эпиграфического направления в антиковедении. В частности, В.Н. Юргевич и Э.Р. Штерн активно занимались исследованиями накопленных здесь

материалов, также В.В. Латышев при составлении своего сборника надписей тесно сотрудничал с музеем общества.

В таком виде предстает перед нами картина институционального устройства антиковедения дореволюционной России в его наиболее развитой форме конца XIX – начала XX вв. Мы можем констатировать, что определенные результаты имелись по всем трем рассмотренным аспектам. Развитая и эффективно работающая система подготовки ученых специалистов по античности и классической филологии, государственные и частные специализированные научные издания и научное общество, объединившее в своих рядах выдающихся антиковедов своего времени. В таком виде российская наука об античности достигла высоких результатов и вышла на один уровень с наукой ведущих стран Западной Европы того времени.

На наш взгляд, проведенное исследование и созданная в ходе него картина институционализации отечественного антиковедения позволяет не только комплексно представить организационные формы и силы данной научной дисциплины, но и по-новому взглянуть на вопросы, казавшиеся в историографии уже решенными. Ранее господствовавшие тезисы о том, что в XIX – начале XX вв. наука преимущественно развивалась в университетах, как минимум требуют корректировки с учетом открывшейся роли научных обществ. Очевидна несостоятельность тезиса о том, что первым специализированным периодическим изданием по античному миру в России являлся «Вестник древней истории» или «Гермес». Также и утверждение, не раз озвученное в науке, о ведущей роли государства в развитии отечественной науки того времени должно быть теперь скорректировано с учетом того, что по двум из трех аспектов институционализации антиковедения основные усилия были предприняты учеными-энтузиастами, хоть и при поддержке Министерства.

Список использованных источников и литературы

Список использованных источников

Неопубликованные источники

1. Дело об утверждении устава Общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 14-15.
2. Дело об утверждении устава Общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 205-206.
3. Дело по отношению министра народного просвещения об утверждении устава общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 1286 Оп. 35 Д. 152.
4. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Дело об издании в Москве журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 776. Оп. 8. Д. 670.
5. Переписка по вопросу об открытии русского института при Университете в Лейпциге для приготовления преподавателей древних языков и истории // РГИА Ф. 733 Оп. 155 Д. 206. Л. 47.
6. Дело по предположению об учреждении Русского Археологического института в Афинах // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 673. Л. 6.
7. Дело Департамента народного просвещения «О рекомендации журнала «Филологическое обозрение» // РГИА Ф. 733. Оп. 194. Д. 1298.

Опубликованные источники

1. Ананьич Б.В., Толстая Л.И. Петербургский университет в январе-феврале 1911 г. (Власть и профессура) [Переписка приват-доцента И.И. Толстого (1880-1954) со своим отцом И.И. Толстым (1858-1916) и сестрой Л.И. Толстой (1882-1948), 1911]. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. — СПб.: Издательство «Нестор-История». 2007. С. 93-117.
2. Анненский И.О. Античный миф в современной французской поэзии // // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник

античного мира. 1908. Том 2. № 8. С. 177.

3. Анциферов Н.П. Из дум о былом: воспоминания. М.: Изд-во «Феникс». 1992. – 511 с.

4. Ардашев П.Н. Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб.: Сенатская тип. 1913. – 59 с.

5. Бабст И.К. Антоний и Клеопатра // Пропилеи. 1854. Книга 4. С. 165-209.

6. Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т.2. Харьков: типография Зильберберг. 1904. 1136 с.

7. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Изд-во «Наука». 1980. Т.1. – 743 с.

8. Благовещенский М.Н. О гиерантике в древнем греческом искусстве // Пропилеи. 1851. Книга 1. С. 3-43.

9. Благовещенский Н.М. Пропилеи. Сборник статей по классической древности изд. П. Леонтьевым. Книга IV // Отечественные записки. 1855. Т.103. Часть 3. С. 1-26.

10. Бороздин И.Н. Международный археологический конгресс в Риме // Древности. Труды Московского археологического общества. 1914. Т. 24. С. 275-278.

11. Бузескул В.П. Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, как источник для истории афинской демократии до конца V века до Р.Х. // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Часть ССХСШ. С. 329-373.

12. Бузескул В.П. Вопрос о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXII. С. 142-189.

13. Бузескул В.П. Вопрос о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Часть ССLXXXVIII. С. 134-212.

14. Бузескул В.П. Г.Ф. Шульц (некролог) // Журнал Министерства

народного просвещения. Новая серия. Часть XIV. 1908. С. 118-122.

15. Бурачков В.Ф. Заметки по поводу мнения В.В. Латышева о местонахождении Ипполаева мыса // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Часть ССЛ. С. 307-314.

16. Варнеке Б.В. Английская система преподавания латинского языка // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 2. № 5. С. 127-131.

17. Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846-1896. // СПб: Типография Главного Управления Уделов. 1900. – 516 с.

18. Владиславлев М.И. Заметки на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 35 с.

19. Воропонов В. Ф. На рубеже двух уставов. Воспоминания студента 80-х гг. // Исторический журнал для всех. 1909. № 4. С. 315-334

20. Воспоминания счастливого человека: Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения "Гептахор" в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Главное архивное управление города Москвы ; [авт-сост. А. А. Кац]. - Москва : Изд-во Главархива Москвы : ГИС. 2007. - 854 с.

21. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов [1884] // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. СПб., 1887. Т. IV. – 1267 с.

22. Георгиевский А.И. Записка «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 22 с.

23. Герасимов И. Раскопки на Крите // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 6. № 4. С. 120.

24. Гёрц К.К. О портретном искусстве у древних // Пропилеи. 1856. Книга 5. С. 151-193; Герц М. Литераторы и публика в Риме // Там же. С. 125-151.

25. Гимназия. Журнал филологии и педагогики // Русская периодическая печать: Справочник. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. — С. 326. URL: <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-6792.htm> (дата обращения 08.06.2021)
26. Гинтовт С.И. К реформе преподавания древних языков в духовных школах // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 4. № 1. С. 26-27.
27. Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755-1884 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том LXXIX. 1900. С. 328-356
28. Головнин А. В. Записки для немногих. / Отв. ред. и сост. Б. Д. Гальперина. СПб., 2004. — 575 с.
29. Григорьев В.В. Императорский С. Петербургский университет в течении первых пятидесяти лет его существования. СПб. 1870. — 432 с.
30. Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. №2. С. 177-202.
31. Жебелев С.А. В.К. Ернштедт (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХХІІІ. 1902. С. 50-63.
32. Жебелев С.А. Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922. Т. 2. № 2. С. 158-175
33. Жебелев С.А. Памяти Александра Николаевича Щукарева. СПб: Изд-во «Типография И.Н. Скороходова. 1900. — 14 с.
34. Жебелев С.А. Первый международный археологический конгресс в Афинах. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Часть ССCLX. — 27с.
35. Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк / Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. — 672 с.
36. Жебелёв С.А. Столетие рождения Ф.Ф. Соколова / Подготовка текста, публикация и комментарии Тункина И.В., Фролов Э.Д. // Вестник

древней истории. 1993. № 1. С. 182-194

37. Жебелев С.А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем. // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: Изд-во «Наука». 2002. С. 146-194

38. Жемчужников А.М. Еще один вопрос: что такое наша Академия наук? // Отечественные записки. 1861. Т.137. №7-8. С. 27-40.

39. Звинский И.М. Гоголь, как любитель античного мира // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 419-421.

40. Зелинский Ф. Ф. О чтении судебных речей Цицерона в гимназиях // Филологическое обозрение. 1894. Т. 7. Отд. 1. С. 143-166

41. Зелинский Ф.Ф. О дорийском и ионийском стилях в древней аттической комедии (продолжение) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Часть ССXXXVIII. С. 129-224.

42. Зелинский Ф.Ф. *Irrealis futuri* // Филологическое обозрение. 1893. Т.4. С. 152-153; Шварц А.Н. К вопросу об *irrealis futuri* // Филологическое обозрение. 1893. Т.4. С. 167-189.

43. Зелинский Ф.Ф. Автобиография. Пер. с нем. А.И. Рубана, коммент. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. IV. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2012. 456 с.

44. Зелинский Ф.Ф. О дорийском и ионийском стилях в древней аттической комедии // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Часть ССXXXVII. С. 1-128.

45. Зелинский Ф.Ф. Университетский вопрос в 1906 году // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть IV. 1906. С. 111-159.

46. Зоргенфрей Г. Г. Необязательный греческий язык // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том

2. № 3. С. 84-85.

47. Зоргенфрей Г. Г. Толстой о греческом языке // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1913. Том 12. № 3. С. 54-56.

48. Ивановский И.В. Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XII. 1907. С. 1-47.

49. Идея редакции // Гермес. Иллюстративный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 1-4

50. Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 1-4.

51. Историческая хроника под ред. Н.И. Кареева // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1891 год. СПб., 1891. Т. III. С. 173-265.

52. Историческая хроника под ред. Н.И. Кареева // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. СПб., 1890. Т. I. С. 276-310.

53. Кагаров Е.Г. Из заграничных впечатлений // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381.

54. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Петроград: Изд-во: «тип. В. Безобразова». 1915. – 746 с.

55. Кареев Н.И. Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатилетие 1889-1914 // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 188-200.

56. Катков М.Н. Записка М.Н. Каткова представленная им в 1885 году. СПб. 1889. – 22 с.

57. Катков М.Н. Наша учебная реформа // Наша учебная реформа: [Ст. из Моск. вед. 1864-1871 гг.]: С прил. [ст.: И.М. Муравьева-Апостола, Т.Н. Грановского, И.С. Аксакова и извлеч. из "Дневника писателя" Ф.М.

Достоевского] и с предисл. и примеч. Льва Поливанова. М.: Изд-во «С.Н. Фишер». 1902. С. 167с.

58. Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии // Пропилеи. 1851. Книга 1. С. 305-359; 1853. Книга 3. С. 61-145.

59. Корнеберг И.Я. Маргиналии и выписки // Минерва. Часть 3. Харьков: университетская типография. 1835. С. 87-211.

60. Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССLI. С. 311-348.

61. Кронеберг И.Я. Илиада // Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Часть 1. Харьков: университетская типография. 1825. С. 151-169.

62. Кронеберг И.Я. О избытке пластического искусства у греков и причинах онаго. // Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Часть 1. Харьков: университетская типография. 1825. С. 103-151.

63. Кронеберг И.Я. Предупреждение // Амалтея или собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности. Часть 1. Харьков: университетская типография. 1825. 169 с.

64. Кронеберг И.Я. Разбор шести од Горация // Минерва. Часть 2. Харьков: университетская типография. 1835. С. 213-278.

65. Кулаковский А.Ю. Памяти Моммзена // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССLI. С. 40-61.

66. Кулаковский Ю.А. к вопросу о пифагореизме царя Нумы // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. С. 177-190.

67. Кулаковский Ю.А. К вопросу о пифагореизме царя Нумы // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. С. 177-190.

68. Кулаковский Ю.А. Международный конгресс исторических наук в Риме // Университетские известия. 1903. № 5. С. 1-21.
69. Куник А.А. Почему Византия доныне остается загадкой во всемирной истории? // Ученые Записки ИАН по I и III отделениям. 1853. Т.2. Вып. 3. С. 444-454.
70. Куторга М.С. Из не изданных сочинений Михаил Семеновича Куторги // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Часть ССLXXVIII. С. 344-392.
71. Куторга М.С. Из не изданных сочинений профессора М.С. Куторги // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Часть ССLXXV. С. 78-120.
72. Куторга М.С. Исследование из истории государственных учреждений Афин (Из неизданных сочинений М.С. Куторги) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXIII. С. 319-346.
73. Куторга М.С. Исследование из истории государственных учреждений Афин (Из неизданных сочинений М.С. Куторги) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXIV. С. 97-134.
74. Куторга М.С. Исследования из истории государственных учреждений Афин (Из неизданных сочинений М.С. Куторги) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXII. С. 25-65.
75. Куторга М.С. Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Пропилеи. 1853. Книга 3. С. 145-188.
76. Латышев В.В. Новая надпись из Партенита // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1888. Т. 14. С. 58-65
77. Латышев В.В. По поводу заметки проф. А.И. Сонни // Филологическое обозрение. 1893. Т.5. С. 140-142.
78. Латышев В.В. Ф.Ф. Соколов 1841-1909 (некролог) // Известия Императорской Академии наук. 1909. Серия IV. Том 3. Выпуск 14. С. 949-954.

79. Леонтьев П.М. О различие стилей в греческом ваянии. Там же. С. 43-59.
80. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб.: Изд-во Общества классической филологии и педагогики. 1885. – 1552 с.
81. Любомудров С.И. Памяти А.В. Адольфа (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть III. С. 199-202.
82. Ляпустина Е.В. Античная история в русском журнале «Исторический вестник», 1880-1917 гг. (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. М.: РАН. 1991. С. 146-167.
83. Мазуркевич Н.Н. Летопись Общества с 14 ноября 1862, по 14 ноября 1866 года // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 479-483.
84. Малеин А.И. К истории классической филологии в России. Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования // Филологическое обозрение. 1899. № 17. С. 53-78.
85. Малеин А.И. Пушкин и античный мир в лицейский период. Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 11. № 17. С. 489-498.
86. Малеин А.У. К истории классической филологии в России. Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования // Филологическое обозрение. 1899. № 17. С. 53-78.
87. Маркевич А.Н. 337 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. Приложение 1. С. 11.
88. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1892. Т.3. С. 179-180.

89. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1893. Т.5. С. 195-196.
90. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1894. Т.7. С. 270-271.
91. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1895. Т.9. С. 197-198.
92. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1896. Т.11. С. 232-233.
93. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. С. 193-194.
94. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1898. Т.15. С. 229-230.
95. Материалы журнальной статистики // Филологическое обозрение. 1899. Т.17. С. 156-157.
96. Международное право древних греков. Пер. Каченовский Д.И. // Пропилеи. 1856. Книга 5. С. 225-257.
97. Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. Ч.2. СПб. 1897. – 375 с.
98. Миртов А. Кружок друзей древнего мира // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 10. № 1. С. 37.
99. Модестов В. И. Русская наука в последние двадцать пять лет. Одесса: Изд-во «Экон.тип.» 1890. – 27 с.
100. Модестов В.И. Африканские надписи и культ Сатурна // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Часть ССLXXXV. С. 355-377.
101. Модестов В.И. Вопрос о греческом чтении (произношении) // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Часть ССLXXIV. С. 97-121.
102. Модестов В.И. Древнейший период Рима // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Часть ССXCIX. С. 293-323.

103. Модестов В.И. Заметки по Тациту // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Часть ССХСII. С. 274-325.
104. Модестов В.И. Несколько необходимых возражений проф. Нетушилу по поводу его заявлений о песни братьев Арвальских // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. С. 47-54.
105. Модестов В.И. Фалиски // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Часть ССХСVIII. С. 125-160.
106. Начинающий преподаватель. Как вести урок лат. прозаика? // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 7. № 20. С. 513.
107. Нетушил И.В. Амбарвалии, арвальские братья и арвальская песнь // Филологическое обозрение. 1897. Т.12. С. 195-205.
108. Нетушил И.В. О времени введения латинского алфавита (ответ проф. Модестову) // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. С. 93-113.
109. Нетушил И.В. О пифагореизме Нумы // Филологическое обозрение. 1895. Т.9. С. 125-147.
110. Нетушил И.В. По поводу вопроса о пифагореизме Нумы (ответ Ю.А. Кулаковского) // Там же. С. 208-211.
111. Нетушил И.В. По поводу вопроса о пифагореизме Нумы (ответ Ю.А. Кулаковскому) // Филологическое обозрение. 1896. Т.10. С. 208-211.
112. Никитин П. В. В. К. Ернштедт [некролог]. Извлечение из протокола заседаний Академии // Известия императорской Академии наук. 1902. Т. 17. № 2. С. 1-6.
113. Никитин П.В. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 14 с.
114. Никитский А.В. По поводу первого тома пелопонесских надписей М. Френкеля // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1903. Часть ССCL. С. 515-538.
115. Нота министра иностранных дел Египта Бутрос-паши Л. А.

Смирнову с приглашением направить русских представителей на международный археологический конгресс в Каире // АВПР. Ф. Турецкий стол (новый). ОП. 5026. Д. 5519. Л. 3.

116. О правилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 4. Царствование императора Александра II, 1865-1870. СПб. 1871. № 194. Стлб. 444. – 1752 с.

117. Об издании отдела классической филологии в виде приложения к журналу министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Часть CLXIX. С. 3-9.

118. Обзорение преподавания в Императорском Казанском университете.

119. Обзорение преподавания в Императорском Московском университете

120. Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете.

121. Общий устав императорских российских университетов [18 июня 1863] // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб. 1865. – 582 с.

122. Ордынский Б.И. Занятия молодого Афинянина // Пропилеи. 1851. Книга 1. С. 153-179.

123. Ордынский Б.И. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П.Леонтьевым. Книга I // Современник. 1851. №6. С. 33-60.

124. Ордынский Б.И. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Книга I // Современник. 1851. №6. С. 45.

125. От редакции // Филологическое обозрение. 1891. № 1. С. 8-10

126. От редакции // Филологическое обозрение. 1891. Т.1. С. 1-3.

127. От редакции. 250 лет Академии Наук СССР и изучение древней

истории // Вестник древней истории. 1974. № 2. С. 3-17.

128. Ответ редакции. // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 6. С. 165.

129. Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1906 г. Одесса: тип. Алексомати. 1907. – 40 с.

130. Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1906 г. Одесса: тип. Алексомати. 1907. – 40 с.

131. Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1880 г. по 14 ноября 1881 года. Одесса: тип. Алексомати. 1882. – 34 с.

132. Отчет о деятельности Историко-филологического общества в 1891-1892 академическом году // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. 1892. № 4. С. 1-22

133. Отчет о деятельности общества в 1893-1894 акад. году // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1894. Т. 6. С. 1-17.

134. Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики в 1904 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть I. С. 47-61.

135. Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики за 1874-1877 годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Часть СХСХVI. С. 831-840.

136. Павловский А.А. Первый международный археологический съезд в Афинах // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. Т. 27. С. 31-39.

137. Покровский М. М. К вопросу об авторе новооткрытого трактата «Афинская Политика» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Часть ССLXXXIII. С. 29-48.

138. Покровский М.М. Вторая заметка по поводу перехода конкретных имен в *nomina actionis* // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С.

171-178.

139. Покровский М.М. Мысли о реформе университетского учебного строя на основе «предметной» системе // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть II. 1906. С. 1-43

140. Покровский М.М. О переходе конкретных имен в абстрактные nomina actionis // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 72-74.

141. Покровский М.М. О переходе конкретных имен в абстрактные nomina actionis // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 72-75.

142. Покровский М.М. Семасиологическая заметка по поводу лат. furturn // Филологическое обозрение. 1894. Т.7. С. 236-240.

143. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Том XIII. СПб.: Гос. тип. 1897. № 9717. Приложение 1. С. 183-186.

144. Положение «Об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» 1864. СПб. 1864. – 13 с.

145. Помяловский И.В. В ответ на записку А.И. Георгиевского «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов». СПб. 1889. – 14 с.

146. Попруженко М.Г. Императорское Одесское общество истории и древностей (По поводу 75-летия его существования) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1914. Том СXXXVIII. С. 544-555.

147. Правила Императорского Московского университета 1864 года // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: Т. 3.: 1850-1864 г. СПб. 1867. № 702. Стлб. 864. – 1118 с.

148. Правила о производстве испытаний в испытательных комиссиях (12 июня 1906 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Новая серия. 1906. Ч. IV, август. С. 71-74

149. Преподаватель из провинции. Письмо в редакцию и ответ редакции» // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1912. Том 10. № 7. С. 194-197.

150. Приложения. Рефераты, читанные в заседаниях Исторического

общества за 1890-1914 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 201-221.

151. Проект главных положений устава университета, выработанный Советом Императорского Петербургского университета. СПб. 1905. – 58 с.

152. Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Книга 1. М.: Изд-во «Университетская Типография». 1856. С. 1-3

153. Протоколы заседаний Императорской Академии наук. 1864-1899: документы и указатели по истории БАН. Вып. 2. В 2-х кн./ науч. рук. Н.В. Колпакова; отв. ред.: Н.М. Баженова, М.П. Лепехин; сост.: Н.С. Андреева, Н.Н. Елкина (отв. сост.). СПб.: БАН. 2020. С. 3. - 1576 с.

154. Протоколы заседаний Исторического общества за 1894-1907 гг. // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 1-76.

155. Протоколы заседаний Отделения Археологии древне-классической, византийской и западно-европейской за 1907 год // Записки Классического отделения Императорского Русского Археологического общества. 1908. Т. 5. С. 269-275.

156. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета.

157. Протоколы заседания секции всеобщей истории // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 77-177.

158. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля (окончание) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Часть ССLIII. С. 156-177.

159. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга I // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXII. С. 67-87.

160. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга II // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXIII. С. 1-16.

161. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга III // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXV. С. 16-38.

162. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга IV // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Часть ССXXXVI. С. 1-23.

163. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга V // Журнал

Министерства Народного Просвещения. 1885. Часть ССХLII. С. 513-553.

164. Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. Книга VI // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. Часть ССLII. С. 97-139.

165. Редакция. Владимир Германович Аппельрот: некролог // Филологическое обозрение. 1897. Т.13. 91-93.

166. Редакция. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. II. М. 1852 // Библиотека для чтения. 1852. № 7. С. 484-517; Ордынский Б.П. Указ. соч. 33-60.

167. Редакция. Хроника // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 3. № 15. С. 411.

168. Ростовцев М.И. Александрия (путевые заметки) // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1911. № 15. С. 376-381.

169. Ростовцев М.И. Археологическая хроника римского Запада // Филологическое обозрение. 1895. Т.9. С. 89-184.

170. Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. Том 3. № 13. С. 343-345.

171. Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908. № 3. С. 343-345.

172. Ростовцев М.И. Международный исторический съезд в Берлине // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Новая серия. Часть XVIII. С. 25-36.

173. Ростовцев М.И. Памяти Александра Николаевича Щукарева // Журнал министерства народного просвещения. 1900. Часть СССХХХII. С. 46-50.

174. Ростовцев М.И. Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелеву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру // Скифский роман. М.: Изд-во «Росспэн» 1997. С. 369-416.

175. Ростовцев М.И. Третий международный археологический конгресс в Риме // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Новая серия. Часть 41. С. 105-111.
176. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том XVI. СПб. 1894. – 1490 с.
177. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том XI. СПб. 1892. – 1758 с.
178. Соболевский А.И. Еще семасиологические заметки по поводу лат. *furtum*. // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 16-17.
179. Соболевский А.И. К вопросу о переходе конкретных имен в абстрактные // Филологическое обозрение. 1895. Т.8. С. 159-161.
180. Соболевский С.А. В.Г. Зубков (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Часть ССCLII. 1904. С. 98-107.
181. Современная летопись. Императорская Академия наук в 1888 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССLXI. 1889. С. 51-88.
182. Современная летопись. Императорская Академия наук в 1897 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXV. 1898. С. 91-118.
183. Соколов П.П. Сцена из комедии Плавта *Aulularia* в исполнении учеников 1-й СПб. гимназии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1908 Том 3. № 15. С. 408-410.
184. Соколов Ф.Ф. По поводу книги А.В. Никитского «Исследования в области греческих надписей» // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1902. Часть СССXXXI. С. 248-265.
185. Соколов Ф.Ф. По поводу книги С.А. Жебелева // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Часть СССXXII. С. 84-103.
186. Сонни А.И. К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря // Филологическое обозрение. 1893. Т.5. С. 53-57.
187. Список членов Императорской академии наук, 1725-1907. сост.

Б. Л. Модзалевский. СПб: Тип. Императорской акад. наук. 1908. 404 с;
Персональный состав РАН // Информационная система «Архивы Российской Академии наук». URL: <https://www.isaran.ru/?q=ru/node/66> (дата обращения 12.07.2022).

188. Степанов Я.С. По поводу пересмотра устава университетов. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1878. – 68 с.

189. Стефани Л.Э. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа // Пропилеи. 1856. Книга 5. С. 257-336.

190. Тиханович П.В. Брак и свадебные обряды древних римлян // Пропилеи. 1854. Книга 4. С. 209-255; Данц А. День в римском цирке // Пропилеи. 1853. Книга 3. С. 245-271.

191. Трубецкой С.Н. Университет и студенчество // Антология русской классической социологии. М.: Изд-во Московского ун-та. 1995. С.51-67.

192. Тураев Б.А. Второй международный конгресс по классической археологии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 576-582.

193. Устав Императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1896. Т. 19. С. 1-14.

194. Устав историко-филологического общества при Императорском Харьковском университете. // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Часть СХС. С. 27-30.

195. Устав общества классической филологии и педагогики // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Часть CLXXIV. С. 249-262.

196. Устав постоянного Комитета Международных конгрессов классической археологии // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1909. Том 5. № 19. С. 582-584.

197. Уставы православных духовных семинарий и училищ,

высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего синода. – Санкт-Петербург: В Синодальной типографии. 1888. Приложение №1. – 301 с.

198. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего синода. – Санкт-Петербург: В Синодальной типографии. 1888. – 202 с.

199. Учебный план историко-филологического факультета Императорского Московского университета.

200. Учебный план предметов, преподаваемых в мужских гимназиях министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXII. 1872. С. 35-241.

201. Фармаковский Б.В. Ответ на вопрос г. И. Герасимова // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 6. № 4. С. 120.

202. Фармаковский Б.В. письмо в редакцию // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1915. Том 16. № 7-8. С. 196-198.

203. Фармаковский Б.В. Второй международный конгресс классической археологии в Каире // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Новая серия. Часть XXV. С. 1-25.

204. Хвостов М.М. Международный Исторический конгресс в Берлине 6-12 августа 1908 года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXV. Вып. 5. Казань, 1909. С. 1-25.

205. Холодняк И.И. И.В. Помяловский (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть VI. 1906. С. 20-21

206. Холодняк И.И. И.В. Помяловский (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть VI. С. 407-418.

207. Циркулярное предложение попечителям учебных округов о порядке командирования за границу или увольнения в отпуск профессоров и преподавателей университетов от 25 мая 1874 года // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXIV. 1874. С. 107-111.
208. Цыбульский С.О. Греческий театр: Объясн. текст к 12 и 13 «Табл. для нагляд. преподавания и изучения греч. и рим. Древностей». Варшава: Изд-во тип. К. Ковалевского. 1891. – 34 с.
209. Цыбульский С.О. Иллюстрации быта древних греков и римлян. СПб: Изд-во тип. В. А. Тиханова. 1903. – 16 с.
210. Цыбульский С.О. К вопросу о преподавании древних языков в гимназиях. СПб. Изд-во «Тип. В.Д. Смирнова». 1906. 8 с.
211. Цыбульский С.О. Ответ на вопрос начинающего преподавателя // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1910. Том 7. № 20. С. 534-537.
212. Цыбульский С.О. Римский дом: Объяснительный текст к XI-й «Таблице для наглядного преподавания и изучения греческих и римских древностей». СПб: Изд-во тип. В.А. Тиханова. 1902. – 39 с.
213. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. Том 2. М: Изд-во Гослитиздат. 1949. С. 931 с.
214. Черняев П.Н. Третий международный конгресс классической археологии в Риме. Отчет о заграничной командировке. Варшава: тип. Варшавского уч. окр. 1913. – 37 с.
215. Шебор О.А., Соболевский А.И. Н. Гельвих, Наблюдения над именами прилагательными у Плавта // Филологическое обозрение. 1894. Т.6. С. 3-13.
216. Шейман Ю.М. Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах // Москва: Изд-во «Наука», 1972. С. 37.
217. Шестаков С. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым // Отечественные записки. 1852. №6. С. 49-70.

218. Шестаков С.Д. О роли паразитов в древней комедии. Там же. С. 179-223.
219. Шестаков С.П. Ф.Г. Мищенко (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть X. 1907. С. 39-74
220. Шкорпил В.В. Новооткрытое Боспорское надгробие // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1895. Т. 18. С. 199-202.
221. Щукарев А.Н. Археологическая хроника эллинского Востока // Филологическое обозрение. 1891. Т.1. С. 73-85.
222. Щукарев А.Н. Исследования в области каталога афинских архонтов III века до Р.Х. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1889. Часть CCLXIV. С. 1-96.
223. Щукарев А.Н. Исследования в области каталога афинских архонтов III века до Р.Х. (окончание). 1889. Часть CCLXV. С. 97-187.
224. Юргевич В.Н. Аспидная дощечка, найденная в Ольвии, хранящаяся в музее Общества // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 150-151.
225. Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году. Там же. С. 1-21.
226. Юргевич В.Н. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Тип. Шульца, 1899. – 121 с.
227. Юргевич В.Н. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Тип. Шульца, 1899. – 120 с.
228. Юргевич В.Н. Новоприобретенная Оливийская надпись // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. 17. С. 31-32
229. Юрченко П.О. Летопись Общества с 14 ноября 1874, по 14 ноября 1877 // Записки Императорского Одесского общества истории и

древностей. 1877. Т. 10. С. 367-370.

Литература

1. Абакумов А.А. Антиковедческие журналы в дореволюционной России // Книжная культура Ярославского края – 2013. Сборник статей и материалов. Ярославль: Изд-во «ВНД». 2014. С. 36-42.
2. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М.: Московский общественный научный фонд. 2001. 192 с.
3. Акиньшин А.Н., Немировский А.И. Михаил Никитич Крашенников – историк литературы и педагог // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 33-47.
4. Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск: изд-во Иркутского ун-та. 1985. 96 с.
5. Алервас Н.Н., Гришина Н.В., Скворцов А.М. К созданию коллективного портрета историков- соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX вв.: разработка базы данных и предварительный анализ // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань. 25-26 марта 2016. С. 32-38.
6. Алипов П.А. А. Мау, Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: к вопросу о научной кооперации историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. №1. С.28-38.
7. Антощенко А. В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в. // Быть русским по духу и европейцем по образованию. Университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-начала XX в. Ответственный редактор серии А.В. Доронин. - Сер. Россия и Европа. Век за веком. XVIII-XX. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия».

2006. С. 263-278.

8. Антощенко А. В., Свешникова А. В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд-во «Высшей школы экономики» 2012. С. 138-160
9. Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта "семинариев" московскими профессорами во второй половине XIX в.) // "Быть русским по духу и европейцем по образованию". М., 2009. С. 263-278
10. Бабосова Е.М. и Мамедова А.К. Социология науки (учебное пособие для бакалавров). М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. 2011. – 215 с.
11. Бакулов Б.Д. Основные этапы процесса институализации современной науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1. С. 2-7
12. Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История». 2004. — 467 с.
13. Басаргина Е.Ю. Из истории реформы Д.А. Толстого: А.И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. С. 20-23.
14. Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX-XX вв. М.: Индрик. 2008. – 656 с.
15. Басаргина Е.Ю. К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына, С.-Петербург, 26-30 нояб. 2008 г. С. 228-231
16. Басаргина Е.Ю. Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889-1917 гг. Дисс. ... доктор. ист. наук:

07.00.02. СПб. 2009. – 435 с.

17. Белик К.М. Диссертационные рецензии в России второй половины XIX– начала XX в.: анализ конвекций // Новое прошлое/The New Past. №3. 2020. С. 180-190
18. Беликов А.П., Елагина А.А. Тацит в отечественной историографии до 1917 года // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 274-285
19. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802-1902). Том II. Юрьев: Изд-во «Типография К. Маттисена». 1903. – 656 с.
20. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869-1894 : Т. 1, А. - Л. СПб: Изд-во «Тип. Б.М. Вольфа». 1896. – 419 с.
21. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869-1894 : Т. 2, М. - Я. СПб: Изд-во «Тип. Б.М. Вольфа». 1898. – 373 с.
22. Богачева А.В., Волошина О.Б. Штрихи к портрету российского студента конца XIX века // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Том 19. №3. 2017. С. 47-53
23. Бон Т.М. Русская историческая наука (1880-1905): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб.: Изд-во «Олеариус Пресс». 2005. – 270 с.
24. Брагинская Н.В. Домашние семинары в 1970-ых гг. URL: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=54014> (дата обращения 18.09.2021).
25. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб: Изд-во «Коло». 2005. – 672 с.
26. Виноградов П.Г. Россия на распутье: Историко-

- публицистические статьи. М.: Изд-во «Территория будущего». 2008. – 573 с.
27. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб.: Изд-во РАН «Нестор-История». 2004. – 468 с.
28. Галкин К. М. Высшее образование и подготовка научных кадров. М.: Изд-во «Сов. наука». 1958. – 176 с.
29. Граков Б.Н. Николай Иванович Новосадский (80 лет жизни и 55 лет ученой деятельности) // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 172-173.
30. Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка. Омск: Изд-во Омского гос. Ун-та. 2014. С. 122-145
31. **Гутнов Д.А.** Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX – начале XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. №1. 1993. С. 57-68
32. Гутнов Д.А. Как преподавали историю на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX – начале XX вв. (по мемуарам преподавателей и слушателей) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 5. С. 59-71.
33. Гутнов Д.А. Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX - начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1991. – 306 с.
34. Дёмина Н.В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. №1. С. 120-126
35. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защиты диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алервас, Н.В. Гришиной. М.: Изд-во «Нестро-История». 2022. С. 93.
36. Дмитриев А.Н. Заграничная «аспирантура» как институт

подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Томск. 2012. С. 65-76

37. Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб, 2007. С. 236-255
38. Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60- X -90-х г.г. XIX в. //Вестник Московского университета. 1954, №7. С. 95-115.
39. Едрнова В.Н., Овчаров А.О. Правовая база и институциональная структура современной российской науки // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 6. С. 2-16.
40. Жарова Е.Ю. Издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как исторический источник по истории высшего образования в дореволюционной России // Историческое обозрение. Вып. 14, 2013. С.68-73
41. Жарова Е.Ю. Система обучения в университетах Российской империи: между академической свободой и государственной регламентацией // Genesis: исторические исследования. 2017. № 12. С. 25-34
42. Жэнгра Ив. Социология науки. М.: Изд-во «Высшей школы экономики». 2017. С. 111
43. Зайцева Л.А. Общий устав российских императорских университетов 1884 г. Как комплексный акт по управлению высшим образованием // Lex Russica №7 (128). 2017. С. 195-213
44. Зайцева Л.А. Общий устав университетов 1863 г.: предыстория, характеристика, значение // Lex Russica. №9 (118). 2016 С. 214-229
45. Зелинский Ф. Ф. Филология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том Т. XXXVa. Фенолы – Финляндия. СПб: Изд-во «Семеновская Типолитография». 1902. С. 811–816.

46. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской Империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия: право. 2010. № 3(24). С. 17-29
47. Змеев В.А. Высшая школа России на рубеже XIX - XX в. //Социально-гуманитарные знания 2000 № 1. С. 207 – 222.
48. Змеев В.А. Университетский устав 1884 года. //Социально-политический журнал. 1998. № 6. С. 139 – 153.
49. Зонова Н.С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Нижний Новгород. 2004. – 168 с.
50. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман. М.: Изд-во «РОССПЭН». 1997. С. 50-85.
51. Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1991. – 329 с.
52. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX - начале XX века. М.: Изд-во АН СССР. 1991.392 с.
53. Иванов А.Е. Дискуссия о проблемах высшего педагогического образования в России на рубеже XIX — нач. XX в.в. //Педагогика. 1999. № 6. С. 83-91.
54. Иванова О.Ю. «Классическое образование» и культура серебряного века // Вестник Российского нового университета. Серия: человек и общество. 2013. № 3. С. 97-102
55. Иванчик А.И. Антиковедение в России: проблемы развития в современных условиях // Труды отделения историко-филологических наук РАН. 2014. С. 229-233
56. Историография античной истории (под ред. И.В. Кузищина). Учебное пособие. М.: Изд-во «Высшая школа». 1980. – 415 с.
57. История научных учреждений и организаций дореволюционной России: учебное пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ. 1967. – 86 с;

58. Казначеев Д.А., Якушев А.Н. Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени Российской империи // Право и образование. - М., 2006, № 3. С. 162-175
59. Кармазина О.В. Антиковедение в России (1834-1917 гг.) по материалам Журнала Министерства народного просвещения: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: 1999. – 234 с.
60. Кармазина О.В. Антиковедение в России (1834-1917 гг.) по материалам Журнала Министерства народного просвещения: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: 1999. – 234 с.
61. Карпюк С.Г. «Вестник древней истории»: начало // Вестник древней истории. 2017. № 3. С. 769-778.
62. Карцов А.С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. *Jus Antiquum*. 2003. № 2(12). С. 120-145
63. Кащеев В.И. Инновационные подходы к развитию личности. Часть 2: Серия монографий. Одесса: Изд-во «Куприенко СВ». 2019. – 175 с.
64. Коллинз Р. Социология философии. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф». 2002. – 1282 с.
65. Комарова И.И. Справочник научных обществ России. URL: <https://www.snor.ru/index.html> (Дата посещения: 28.03.2022).
66. Комков Н.И. Условия и направления реформирования российской науки // Проблемы прогнозирования. - 2005. № 3. С. 3-16.
67. Константинова А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань: Изд-во Казанского гос. Ун-та. 1964. С. 94.
68. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Том II. Выпуски 22–30. Бабаджано–Бензенгр. СПб.: Изд-во «Семеновская Типо-Литография». 1891. С. 57.
69. Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов

Российской империи (1755-1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н.Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола». 2004. – 342 с.

70. Крылова А.И. Современное состояние российской науки и положение ученых в условиях реформирования // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. Вып. 15. С. 561-566.
71. Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор переписки с учёными и современниками // Мир русской византистики : Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. член-корр. РАН И.П. Медведева. - СПб.: Дм. Буланин, 2004. - 832 с.
72. Лаут О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университете (начало XIX – XX вв.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Майкоп. 2000. – 185 с.
73. Лубский А.В. Историзма принцип // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Под ред. А.О. Чубарьян. М.: Изд-во «Аквилон». 2014. С. 149-151.
74. Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: Структуры и институты. М.: Изд-во «Прогресс» 1980. – 431 с.
75. Матушанский Г.У., Бушман О.В. Организационные формы послевузовской подготовки научно-педагогических кадров в дореволюционной России // Казанский педагогический журнал №3. 2005. С. 58-64
76. Матушанский Г.У., Завада Г.В. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. №5. 2008. С. 48-57
77. Медведев И.П. Предисловие // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб: Изд-во «Институт Российской истории РАН». 1999. С. 5-7.

78. Микодина Е.В. Князев Е.А. Аспирантура ВНИРО.1. Эволюция подготовка научно-педагогических кадров в России // Труды ВНИРО. Том 166. 2017. С. 179-193
79. Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2004. – 832 с.
80. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Под редакцией М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 51-65
81. Никитский А. В. Василий Васильевич Латышев // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 181-188
82. Новая философская энциклопедия в 4-х томах/ Научно.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. - М.: Мысль, 2000. — Т. 1—4. — 2659 с. (2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1. С. 627-628.
83. Новая философская энциклопедия в 4-х томах/ Научно.-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. - М.: Мысль, 2000. — Т. 1—4. — 2659 с.
84. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Университетский вопрос» в 1866-1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. №1. 2014. С. 22-33;
85. Обидина Ю.С. Роль академической мобильности в формировании русской науки об античности в XIX веке // Запад – Восток. 2013. №6. С. 5-11
86. Обухович В.В. Научные общества Российской Империи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: познание. 2018. № 5. С. 23-27.

87. Паладьева А.Ф. Особенности полемики вокруг проблемы преподавания древних языков в гимназии (1898 – 1905 гг.) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2013. №4. С. 44-47
88. Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII - начале XX вв. : Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь. 2005. – 260 с.
89. Правовое регулирование университетского образования в России в XVIII — первой половине XIX в. Дисс.канд. юрид. наук. – Екатеринбург. 1998. 264 с.
90. Прытков П.П. Проблемы реформирования российской науки // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 64-69; Белый В.М. Проблемы реорганизации высшего образования и науки // ИнВестРегион. 2013. № 4.1. С. 7-13.
91. Птицин А.Н. Русская филологическая семинария в Лейпциге и эмиграция австро-венгерских славян в Россию // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 97-102
92. Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц окончивших курс института. Часть 1. Выпуски I—XXIII (1867-1917) / Под ред. В.В. Латышева. Петроград: Изд-во «Научное дело». 1917. с.222-225.
93. Радциг С.И. Из истории кафедры классической филологии Московского университета // Вопросы классической филологии. Выпуск 1. М: Изд-во Московского ун-та. 1965. 219 с.
94. Ростовская Ю.В. Журналы путешествий. История развития специализированной периодики в России // Вопросы теории и практики журналистики 2012. № 2. С. 206-213.
95. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884-1917): Дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. СПб. 2016. – 946 с. (в 2-х томах).
96. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте

социально-политической истории России (1884-1917): Дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. СПб. 2016. – 946 с. (в 2-х томах).

97. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX - начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи - СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 849-887
98. Свешникова А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. 2010. С. 248-283
99. Свешникова А. В., Антощенко А. В. Исторический семинар как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд-во «Высшая школа экономики». 2012. С. 138-159.
100. Семенова А.Л. специализированный философский журнал и «журнал направления» в истории русской философской публицистики начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 250-258.
101. Сидорчук О.Н. Торговля Сибири в освещении «толстых» и «тонких» журналов второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4(20). С. 43-55.
102. Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 1950. – 558 с.
103. Скворцов А.М. «Диссертационная культура» историков-антиковедов дореволюционной России // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX - середины XX вв.: опыт и перспективы изучения сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара). Челябинский государственный университет. 2016. С.

104. Скворцов А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 403-418.
105. Скворцов А.М. Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги // // PAX BRITANNICA: история Британской империи и созданного ею мира. Челябинск. 2016. С. 168-182.
106. Скворцов М.А. М. С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения Михаила Семёновича Куторги) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12. С. 125-130
107. Смирнова Е.А. Покровский Михаил Михайлович. URL: <http://www.ras.ru/nappelbaum/d886705d-f2ee-4822-9c8d-71d77629f195.aspx?hidetoc=1> (дата посещения 02.09.2021)
108. Соболева Е. В. Борьба за реорганизацию Петербургской академии наук в середине XIX века. Л.: Изд-во «Наука». 1971. – 199 с.
109. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ дореволюционной России // Археографический ежегодник. М.: Изд-во «Наука». 1974. С. 38-56.
110. Степанский А.Д. Первые исторические общества России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 74-78.
111. Сушков А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. №11-12. С. 107-114
112. Сыченкова Л.А. Алексей Максимович Миронов – попытка реабилитации // Гасырлар авазы - Эхо веков: научно-документальный журнал. 2004. №1. С. 75-84.
113. Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856 – 1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва. 2007. – 236 с.
114. Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по

- материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: изд-во Дмитрий Буланин. 1999. С.172-282.
115. Тункина И.В. К истории изучения Ольвии в первой трети XIX в. // Археологія (Киев). 2001. № 4. С. 35-50.
116. Тункина И.В. К столетию первого международного археологического конгресса в Афинах // In situ: к 85-летию профессора А.Д. Столяра: сборник статей. СПб: Изд-во СПб ун-та. 2006. С. 377-386.
117. Тункина И.В. К столетию Первого международного археологического конгресса в Афинах // In situ: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб.: изд-во С. Петербургского ун-та, 2006. С. 377-386.
118. Тункина И.В. Классическая археология: академики и дилетанты (первая треть XIX в.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук. Мат-лы Междун. конференции (28 июня-4 июля 1999 г.) / СПбНЦ РАН. СПб.: б.и., 1999. Т. 2. С. 245-256.
119. Тункина И.В. М.И. Ростовцев на перекрестке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. №4. С. 231-262.
120. Тункина И.В. Начальные этапы становления русской науки о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Печатный дом, 2009. Вып. 9: 170 лет Одесскому обществу истории и древностей, 50 лет Одесскому археологическому обществу. С. 295-317.
121. Тункина И.В. Рисунки находок из античных памятников Восточного Крыма 1820-1821 г. // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции / Гос. Эрмитаж, Гос. музей истории религии, Ин-т истории материальн. культуры РАН. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Ч. 2. С. 333-339.

122. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX вв.). СПб.: Изд-во «Наука». 2002. 676 с.
123. Фролов Э.Д. М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 143-166
124. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1999 С. 604.
125. Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. №3. С. 143-165.
126. Хартанович М.Ф., Хартанович М.В. Музей классической археологии Императорской Академии наук XIX в.: история организации и передачи коллекцией в Императорский Эрмитаж // Вопросы музеологии. Т. 12. Вып. 1. 2021. С. 13-27.
127. Хохлова Д.А. История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804-1918) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М. 1998. – 23 с.
128. Цыбульский Степан Осипович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXVIII. Цензурный комитет – человек. СПб: Изд-во «Семеновская Типолитография». 1903. С. 304.
129. Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: история. история русской православной церкви. 2014. №4. С. 117-132.
130. Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в // Вестник ПСТГУ. 2014. № 4. С. 117-132.
131. Чесноков В.И. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50 – 70-х годах XIX в. // Российские

университеты в XIX – начале XX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1993. С. 58-70

132. Шаманаев А.В. «Уставы» Одесского общества истории и древностей // Документ. Архив. История. Современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21-22 октября 2010 г. С. 226-230.
133. Шаманаев А.В. Вклад В.Н. Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма // Античная древность и средние века. 2011. № 40. С. 409-421.
134. Шаманаев А.В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // Античная древность и средние века. 2003. № 34. С. 415-425.
135. Шаманаев А.В. Организационные принципы деятельности Одесского общества истории и древностей // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. 2010. № 4. С. 243-254.
136. Шейман Ю.М. Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах // Москва: Изд-во «Наука», 1972. – 574 с.
137. Шеффер Валерий Александрович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIXA. Шенье — Шуйский монастырь. СПб: Изд-во «Семеновская Типолиитография». 1903. С. 543.
138. Шичалин Ю.А. Гомер — исток и скрепа Европейской цивилизации // Вестник ПСТГУ. 2020. № 64. С. 9-35.
139. Щерова М.С. Способы взаимодействия с читательской аудиторией в специализированной периодике (на примере журнала «искусство и художественная промышленность, 1898-1901 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 223-226.
140. Юдин А.В. Развитие антиковедения в начале XX века: конец классической или начало современной науки о древней Греции и древнем Риме? // Наука и школа. 2010. № 1. С. 115-121.

141. Яйленко В.П. А.В. Никитский (к 50-летию со дня смерти) // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 175-188.

Список сокращений и условных обозначений

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

РГИА – Российский государственный исторический архив

Приложения

Приложение 1

Набор учебных курсов на примере Петербургского университета в 1899-1900 учебном году. *

Общие курсы	Специальный курсы для студентов классического отделения
Логика	«Греческие авторы и греческая литература»
Психология или введение в философию	«Греческое право и греческая религия» или «Историческая грамматика греческого языка и диалектология»
Филологическая энциклопедия или введение в классическую археологию (для студентов классического отделения)	«Латинские авторы и латинская литература»
	«Римское право и римская религия» или «Историческая грамматика латинского языка и диалектология»
	«История Востока, Греции и Рима»
	«История древней философии»
	«История древнего искусства»

* Составлено нами на основании: Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1899-1900 учебный год. СПб. 1900. С. 1-29.

Приложение 2

Набор учебных курсов на примере Петербургского университета в 1906-1907 учебном году. *

Обязательные предметы		Предметы по специальности классического отделения	
Древняя история	4 лекции	Древние авторы	6 лекций
Русская история	2 лекции	Практические упражнения по древним языкам	2 часа
Средняя история	2 лекции	История древней философии	3 лекции
Новая история	2 лекции	История русской литературы	4 лекции
Русская история	2 лекции	Русская история	2 лекции
История древней философии	3 лекции	Средняя история	2 лекции
История русской литературы	4 лекции		
Богословие	-		
Новые языки	-		

* Составлено нами на основании: Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1906-1907 учебный год. СПб. 1907. С. 1-29.

Приложение 3

Таблица 1*

Годы	Оставленные при университетах	В том числе командированные в заграничные университеты	Годы	Оставленные при университетах	В том числе командированные в заграничные университеты
1899	184	19	1906	247	15
1900	206	21	1907	231	28
1901	183	14	1908	244	24
1902	218	21	1909	238	24
1903	201	13	1911	353	40
1904	207	17	1913	465	33
1905	245	14	1915	484	6
Итого				3706	289

* Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука. 1991. С.

Приложение 4

Диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах Санкт-Петербургского и Московского университетов в период с 1884 по 1917 гг. по антиковедению *

Разряды наук	Санкт-Петербургский (Петроградский) университет	Московский университет
Греческая и римская словесность (антиковедение)	<p style="text-align: center;">Латышев Василий Васильевич (1855 – 1921)</p> <p style="text-align: center;">Исследования об истории и государственном строе города Ольвии / В.В. Латышева. – СПб., 1887. – XII, 314 с.</p> <p>Дата защиты: 17.05.1887.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	<p style="text-align: center;">Соболевский Сергей Иванович (1864 – 1963)</p> <p style="text-align: center;">De preposifcum usn Aristophaneo / Scripsit Sergiue Sobolevski. - Mosquae, 1890. - VI, 229 p.</p> <p>Дата защиты: 13.04.1890.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр</p>
	<p style="text-align: center;">Кулаковский Юлий Андреевич (1855 – 1919)</p> <p style="text-align: center;">К вопросу о начале Рима / Ю.А. Кулаковского. – Киев, 1888. – 156 с.</p> <p>Дата защиты: 25.09.1888.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	<p style="text-align: center;">Шеффер Валериан Александрович (1864 – 1900)</p> <p style="text-align: center;">Афинское гражданство и народное собрание / Валериана Шеффера. - М., 1891.</p> <p>Дата защиты: 29.01.1891.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
	<p style="text-align: center;">Деревицкий Алексей Николаевич (1859 - ?)</p> <p style="text-align: center;">Гомерические гимны: Анализ памятника в связи с историей его изучения:</p>	<p style="text-align: center;">Малеин Александр Иустинович (1869 – 1938)</p> <p style="text-align: center;">Марциал: Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации / А. Малеин. - СПб., 1900. - V, 203 с. : 1 л.</p> <p>Дата защиты: 22.04.1900.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>

	<p>Историко-литературный этюд / А.Н. Деревницкого. – Харьков, 1889. – 176 с.</p> <p>Дата защиты: 03.12.1889.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Ернштедт Виктор Карлович (1854 – 1902)</p> <p>Порфириевские отрывки из аттической комедии: Палеографические и филологические этюды / В. Ернштедт. – СПб., 1891. – VIII, 275 с.: 5 л. табл.</p> <p>Дата защиты: 22.05.1891.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Крашенинников Михаил Никитич (1865 - ?)</p> <p>Римские муниципальные жрецы и жрицы: Эпиграфическое исследование / М.Н. Крашенинникова. – СПб., 1891. – 158 с.</p> <p>Дата защиты: 13.10.1891.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Никитский Александр Васильевич (1859 – 1921)</p>	<p>Соболевский Сергей Иванович (1864 – 1963)</p> <p>Sintaxis Aristophaneae capita selecta: De sententiarum conditionalium temporalium formiset usu / Scripsit Sergius Sobolewski. - Mosquae, 1891. - X, 181 p.</p> <p>Дата защиты: 13.02.1892.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Варнеке Борис Васильевич (1874 – 1944)</p> <p>Наблюдения над древнеримской комедией: К истории типов / Б.В. Варнеке. - Казань, 1905. - V, 318 с.</p> <p>Дата защиты: 28.02.1906.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
--	--	--

	<p>Дельфийские эпиграфические этюды. I – VI / Александр Никитский. – Одесса, 1895. – XII, 308 с.: 8 л. табл. Дата защиты: 08.10.1895. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Крашенинников Михаил Никитич (1865 - ?) Августалы и сакральное магистерство: Исследование из области римского муниципального права и древностей / М.Н. Крашенинникова. – СПб., 1895. – VI, 338 с. Дата защиты: 05.11.1895. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Сонни Адольф Израилевич (1861 – 1922) Ad Dionis Chrysostomum Analecta / Scripsit Adolphus Sonni. – Kioviae, 1897. – 241, II с. Дата защиты: 23.03.1897. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: доктор.</p>	
--	--	--

	<p>Жебелев Сергей Александрович (1867 – 1941)</p> <p>Из истории Афин 229-31 года до Р.Х. / С. Жебелев. – СПб., 1898. – XVI, 365 с.</p> <p>Дата защиты: 20.12.1898.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	
	<p>Ростовцев Михаил Иванович (1870 – 1952)</p> <p>История государственного откупа в Римской империи: (от Августа до Диоклетиана) / М.И. Ростовцев. – СПб., 1899. – XIV, 304 с.</p> <p>Дата защиты: 21.04.1899.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	
	<p>Никитский Александр Васильевич (1859 – 1921)</p> <p>Исследования в области греческих надписей / А.В. Никитский. – Юрьев, 1901. – XLVI, 290 с.: 1 л. табл.</p> <p>Дата защиты: 11.11.1901.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	

	<p>Ростовцев Михаил Иванович (1870 – 1952)</p> <p>Римские свинцовые тессеры / М.И. Ростовцев. – СПб., 1903. – VIII, 332 с.: 5 л. табл.</p> <p>Дата защиты: 26.01.1903.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	
	<p>Варнеке Борис Васильевич (1874 – 1944)</p> <p>Очерки по истории древнеримского театра / Б. Варнеке. – СПб., 1903. – VIII, 236 с.</p> <p>Дата защиты: 11.05.1903.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	
	<p>Жебелев Сергей Александрович (1867 – 1941)</p> <p>Αχαικὴ: В области древностей Ахаии / С.Жебелев. – СПб., 1903. – X, 392 с.</p> <p>Дата защиты: 29.02.1904.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	
	<p>Шестаков Дмитрий</p>	

	<p>Петрович (1869 – 1937)</p> <p>Исследования в области греческих народных сказаний о святых / Д.П. Шестаков. – Варшава, 1910. – 268 с.</p> <p>Дата защиты: 03.04.1911.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Богаевский Борис Леонидович (1882 – 1942)</p> <p>Земледельческая религия Афин / Б.Л. Богаевский. – Пг., 1916.</p> <p>Т. 1. – VIII, 240 с.</p> <p>Дата защиты: 14.05.1916.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	
Греческая и римская	Холодняк Иван Ильич (1857 – 1913)	Денисов Яков Андреевич (1862 – 1919)

<p>словесность (чистая филология)</p>	<p>Очерк развития флексии genetivi singularis основ на А, Е, О / И.И. Холодняк. – СПб., 1888. – VIII, 158 с. Дата защиты: 04.12.1888. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Гельвих Николай Августович (1868 - ?) Наблюдение над именами прилагательными у Плавта / Н. Гельвих. – СПб., 1893. – IV, 332, 115 с. Дата защиты: 12.12.1893. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p>	<p>Дохмий: Глава из греческой метрики / Исследование Я.А. Денисова. - М., 1892. - II, 179 с. Дата защиты: 01.12.1892. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Покровский Михаил Михайлович (1868 – 1942) Семасиологические исследования в области древних языков / М.М. Покровский. - М. 1895. - VII, 124 с. Дата защиты: 18.02.1896. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Денисов Яков Андреевич (1862 – 1919) Дохмий у Эсхила / Исследование Я. Денисова. - Харьков, 1898. - III, 395, LXXXIV с. Дата защиты: 14.04.1898. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Покровский Михаил Михайлович (1868 – 1942) Материалы для исторической грамматики латинского языка / М.М. Покровский. - М., 1898. - VIII, 279 с. Дата защиты: 08.04.1899. Разряд науки: римская словесность.</p>
---	---	--

		<p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Грушка Аполлон Аполлонович (1869 – 1929)</p> <p>Исследования из области латинского словообразования / А. Грушка. - М., 1900. - 290 с. Дата защиты: 18.04.1900. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Грушка Аполлон Аполлонович (1869 – 1929)</p> <p>Этюды по латинскому именному словообразованию / А. Грушка. - М., 1906. - VII, 265 с. Дата защиты: 15.10.1906. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Дератани Николай Фёдорович (1884 – 1958)</p> <p>Artis rhetoricae in Ovidi carminibus dracipue amatories perspicuae carita quedam / Scripsit Nicolaus Deratani. – Mosquae, 1916. - 253 p. Дата защиты: 21.11.1916. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p>
Всеобщая история	<p>Щукарев Александр Николаевич (1861 – 1900)</p> <p>Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р.Х. (300-265 гг. до Р.Х.) /</p>	<p>Семенов Иван Иванович (1865 -?)</p> <p>Иудеи и греко-римский мир во втором веке христианской эры (Очерк по истории культурного взаимодействия народов Римской</p>

	<p>А. Щукарева. – СПб., 1889. – 187 с. Дата защиты: 02.12.1890. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Гревс Иван Михайлович (1860 – 1941) Очерки из истории римского землевладения (Преимущественно во время империи) / И.М. Гревс. – СПб., 1899. Т. 1. – XXIII, 651 с. Дата защиты: 21.05.1900. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Гримм Эрвин Давидович (1870 – 1940) Исследования по истории развития римской императорской власти / Э. Гримм. – СПб., 1900. Т. 1. Римская императорская власть от Августа до Нерона. – VIII, 515 с. Дата защиты: 29.05.1900. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p>	<p>империи) / И.И. Семёнов. - М. , 1905. - 114, II с. Дата защиты: 1906. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p>
--	---	--

	<p>Гримм Эрвин Давидович (1870 – 1940)</p> <p>Исследования по истории развития римской императорской власти / Э. Гримм. – СПб., 1901.</p> <p>Т. 2. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. – VIII, 466 с.</p> <p>Дата защиты: 31.03.1902.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Хвостов Михаил Михайлович (1972 – 1920)</p> <p>История восточной торговли греко-римского Египта / М.И. Хвостов. – Казань, 1907. – XXVII, 479 с.</p> <p>Дата защиты: 09.05.1907.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Хвостов Михаил Михайлович (1872 – 1920)</p> <p>Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте / М.М. Хвостов. – Казань, 1914.</p> <p>Ч. 1. Текстильная</p>	
--	---	--

	<p>промышленность. – 239 с. Дата защиты: 21.09.1914. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: доктор.</p>	
Теория и история искусств	<p>Мальмберг Владимир Константинович (1860 – 1921) Методы древнегреческих храмов: Исследование в области декоративной скульптуры / Вл. Мальберг. – Дрепт, 1892. – XVI, 198 с.: 4 л. табл. Дата защиты: 26.04.1892. Разряд науки: теория и история искусств. Учёная степень: магистр.</p>	<p>Аппельрот Владимир Германович (1865 – 1897) Великие греческие ваятели IV в. до Р.Х. / В. Аппельрот. - М., 1893. Дата защиты: 17.05.1893. Разряд науки: теория и история искусств. Учёная степень: магистр.</p> <p>Миронов Алексей Максимович (1866 - ?) Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах / А. Миронов. - М., 1895. - 234 с. Дата защиты: 12.04.1895. Разряд науки: теория и история искусств. Учёная степень: магистр.</p>
Философия	<p>Гиляров Алексей Никитич (1856 – 1938) Источники о софистах: Платон, как исторический свидетель: Опыт историко-</p>	<p>Гиляров Алексей Никитич (1856 – 1938) Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и</p>

	<p>философской критики / А.Н. Гилярова. – Киев, 1891.</p> <p>Ч. 1. Методология и свидетельства о философах. – VI, 358 с.</p> <p>Дата защиты: 17.11.1891.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Айналов Дмитрий Власьевич (1862 – 1939)</p> <p>Мозаики IV и V веков: Исследования в области иконографии и стиля древнехристианского искусства / Д.В. Айналова. – СПб., 1895. – VI, 198 с.</p> <p>Дата защиты: 01.10.1895.</p> <p>Разряд науки: теория и история искусств.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	<p>культурной историей Греции: Критическое исследование / А.Н. Гилярова. - М., 1888. - II, II, 208, III с.</p> <p>Дата защиты: 10.12.1888.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Трубецкой Сергей Николаевич (1862 – 1905)</p> <p>Метафизика в древней Греции / Сергей Трубецкой. - М., 1890. - VIII, 510 с.</p> <p>Дата защиты: 20.04.1890.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Трубецкой Сергей Николаевич (1862 – 1905)</p> <p>Учение о Логосе в его истории: философско-историческое исследование / С.Н. Трубецкой. - М., 1900.</p> <p>Т. 1. - 463 с.</p> <p>Дата защиты: 23.03.1900.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
--	--	--

*Составлено нами на основании: Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н.Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола». 2004. – 342 с.

Приложение 5

Диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах Харьковского и Казанского университетов в период с 1884 по 1917 гг. по антиковедению *

Разряды наук	Харьковский университет	Казанский университет
Греческая и римская словесность (антиковедение)	<p>Деревицкий Алексей Николаевич (1859 - ?)</p> <p>О начале историко-литературных занятий в древней Греции / А. Деревницкий. – Харьков, 1891. – VIII, 227 с.</p> <p>Дата защиты: 06.12.1891.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	<p>Луньяк Иван Иванович (1847 – 1935)</p> <p>Questiones Sappicae / Scripsit Jvhannes Lunak. - Casan, 1889. - (Объём издания установить не удалось).</p> <p>Дата защиты: 10.12.1889.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
	<p>Шульц Георгий Фёдорович (1853 – 1908)</p> <p>Критические заметки к тексту трагедии Софокла «Царь Эдип» / Г.Ф. Шульц. – Харьков, 1891. – 118 с.</p> <p>Дата защиты: 15.12.1891.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	<p>Шестаков Сергей Петрович (1864 – 1940)</p> <p>О происхождении поэм Гомера: Исследование / С.Шестаков. - Казань, 1892.</p> <p>Вып. 1. О происхождении Одиссеи. - XIV, 238 с.</p> <p>Дата защиты: 21.02.1893.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр</p>
	<p>Шерцль Ричард Иванович (1851 - ?)</p> <p>Римское монетное дело / Соч. Ричард Шерцль. – Харьков, 1893. – VIII, 210 с.:</p>	<p>Шестаков Сергей Петрович (1864 – 1940)</p> <p>О происхождении поэм Гомера: Исследование / С.П.Шестаков, - Казань, 1899.</p>

	<p>10 л. табл.</p> <p>Дата защиты: 1893.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Покровский Алексей Иванович (1868 – 1928)</p> <p>О красноречии у древних эллинов / А.И. Покровский. – Нежин, 1905. – 191 с.</p> <p>Дата защиты: 1906.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Покровский Алексей Иванович (1868 – 1928)</p> <p>О хронологии афинской истории VI столетия до Р.Х. / А.И. Покровский. – Киев, 1915. – 139 с.</p> <p>Дата защиты: 15.11.1915.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	<p>Вып. 2. О происхождении Илиады: Этюд из истории литературы гомеровского вопроса и анализ Илиады с точки зрения теории зерна. - 497 с.</p> <p>Дата защиты: 12.03.1900.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Шестаков Дмитрий Петрович (1869 – 1937)</p> <p>Опыт изучения народной речи в комедиях Аристофана / Д.П. Шестаков. - Казань, 1914. - V, 274 с.</p> <p>Дата защиты: 15.11.1915.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
<p>Греческая и римская словесность (чистая</p>	<p>Нетушил Иван Вячеславович (1850 – 1928)</p> <p>Этюды и материалы для научного синтаксиса</p>	<p>-</p>

филология)	<p>латинского языка / И.В. Нетушил. – Харьков, 1886.</p> <p>Т. 2. О падежах. – VIII, 376 с.</p> <p>Дата защиты: 1886.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	
Всеобщая история	<p>Бузескул Владислав Петрович (1858 – 1931)</p> <p>Перикл: Историко-критический этюд / В. Бузескула. – Харьков, 1889. – VIII, 418 с.</p> <p>Дата защиты: 01.10.1889.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Бузескул Владислав Петрович (1858 – 1931)</p> <p>Афинская полития Аристотеля, как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. [Дисс.] / В. Бузескул. – Харьков, 1895. – VI, 484, 4 с.</p> <p>Дата защиты: 14.05.1895.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>	-

Теория и история искусств	-	-
Философия	-	-

*Составлено нами на основании: Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н.Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола». 2004. – 342 с.

Приложение 6

Диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университета Св. Владимира и Новороссийского университета в период с 1884 по 1917 гг. по антиковедению *

Разряды наук	Университет Св. Владимира	Новороссийский университет
Греческая и римская словесность (антиковедение)	<p>Зенгер Григорий Эдуардович (1853 – 1919)</p> <p>Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация / Григорий Зенгер. – Варшава, 1886. – XI, 451 с.</p> <p>Дата защиты: 1886.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	<p>Шварц Александр Николаевич (1848 – 1915)</p> <p>О государстве афинском. – М., 1891. – 178 с.</p> <p>Дата защиты: 12.12.1891.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
	<p>Бурзи Бернгард Фридрихович (1863 – 1909)</p> <p>«De Aristotelis Politeia Athnaion partis alterius fonte et auctoritate». – (Выходные данные и объём издания установить не удалось).</p> <p>Дата защиты: 24.05.1897.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>	<p>Новосадский Николай Иванович (1859 – 1941)</p> <p>Орфические гимны / Н.И. Новосадского. – Варшава, 1900. – IV, 242, LXXXIV с.</p> <p>Дата защиты: 1901.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
		<p>Мандес Михаил Ильич (1866 – 1934)</p> <p>Историко-критические комментарии к «Греческой истории» Диодора / Исследование М. Мандеса. – Одесса, 1901. – 500 с.</p> <p>Дата защиты: 08.12.1901.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p>
		<p>Базинер Оскар Фёдорович (1857</p>

		<p>– 1909)</p> <p>Ludi saeculares. Древнеримские секулярные игры: Историко-филологическое исследование / О. Базинера. – Варшава, 1901. – 326, CXV с.: 12 л. илл., пл.</p> <p>Дата защиты: 24.02.1902.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Видеман Фридрих Эрнест (1869 – 1919)</p> <p>Начатки исторического греческого письма: Опыт исследования в области древнейшего греческого алфавита / Фридрих Видеман. – Лейпциг, 1908. – X, 202 с.: 13 л. табл.</p> <p>Дата защиты: 1912.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>
Греческая и римская словесность (чистая филология)	Брок Артур Александрович (1867 - ?) Questionum grammaticarum capita duo. - (Выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 27.04.1897. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.	

Всеобщая история	-	-
Теория и история искусств	-	-
Философия		<p>Казанский Александр Павлович (1859 - ?)</p> <p>Учение Аристотеля о значении опыта при познании / Исследование А. Казанского. – Одесса, 1891. – X, 420 с.</p> <p>Дата защиты: ?.12.1891.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>

*Составлено нами на основании: Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н.Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола». 2004. – 342 с.

Приложение 7

Диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Новороссийского университетов и университета Св. Владимира в период с 1850 по 1883 гг. по антиковедению. *****

Разряды наук	Диссертации
Греческая и римская словесность (антиковедение)	<p>Леонтьев Павел Михайлович (1822 – 1875) О поклонении Зевсу в древней Греции / Соч. П. Леонтьева. – М., 1850. – VIII, 344 с. Дата защиты: 04.02.1850. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Ордынский Борис Иванович (1823 – 1861) О поэзии. Сочинение Аристотеля / Перевёл, изложил и объяснил Б. Ордынский. – М., 1854. – IV, 135 с. Дата защиты: 05.02.1854. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Шварц Александр Николаевич (1848 – 1915) Речь Гиперида за Евксенипа / Исследование А.Н. Шварца. - М., 1875. - VIII, 173 с. Дата защиты: 31.03.1875. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Зубков Владимир Григорьевич (1849 – 1903) «Трахинянки» Софокла: Опыт критики текста / Владимира Зубкова. - М., 1879. - 184 с. Дата защиты: 24.04.1879. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p>

Томазини Карл Иванович (1850 – 1890)

Об основах для критики текста Динарховых речей / Исследование
Карла Томазини. - М. , 1881. – 90 с.

Дата защиты: 12.09.1881.

Разряд науки: греческая словесность.

Учёная степень: магистр.

Кулаковский Юлиан Андреевич (1855 – 1919)

Коллегии в древнем Риме: Опыт по истории римских учреждений /
Юлиана Кулаковского. – Киев, 1882. - II, 138 с.

Дата защиты: 26.01.1883.

Разряд науки: римская словесность.

Учёная степень: магистр.

Лемониус Вильгельм Христианович (1817 – 1903)

De Parascepius. – (Выходные данные и объём издания установить не
удалось).

Дата защиты: 20.05.1850.

Разряд науки: римская словесность.

Учёная степень: магистр.

Захаров В. (? - ?)

De una eademque omnium Latinorum nominum declinatione. –
(Выходные данные и объём издания установить не удалось).

Дата защиты: 1851.

Разряд науки: римская словесность.

Учёная степень: магистр.

Каттерфельд Трауготт ? (? - ?)

De Aeschil Prometeo vinito / Scripsit Tr. Katterfeld. - Petropoli, 1856. –
(Объём издания установить не удалось).

Дата защиты: 1856.

	<p>Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Люгебиль Карл Якимович (1830 – 1887) De Venere Coliade genetyllide: Liber singularis / Scripsit Carolus Lügebiehl. - Petropoli, 1859. – (Объём издания установить не удалось). Дата защиты: 18.01.1859.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Грефе Г.? (? - ?) De Coneordiae et Fidei imaginibus. – (Выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 15.02.1859.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Модестов Василий Иванович (1939 – 1907) Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование / В. Модестова. – СПб., 1864. – IV, 206 с. Дата защиты: 08.02.1865.</p> <p>Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Люгебиль Карл Якимович (1830 – 1887) Историко-филологические исследования: 1. Афинский царь Кодр и отмена царской власти в Афинах. 2. Архонты и стратегия в Афинах во время Персидских войн / К. Люгебиль. – СПб., 1868. – XII, 191 с. Дата защиты: ?.05.1868.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Помяловский Иван Васильевич (1845 – 1906) Марк Теренций Варрон реатинский и мениппова сатура /</p>
--	---

И.Помяловский. – СПб., 1869. – VIII, 305 с.

Дата защиты: 1869.

Разряд науки: римская словесность.

Учёная степень: магистр.

Мержинский Антон Фадеевич (1824 – 1907)

Исследование о Персее у древних эпиков, логографов, гириков, трагиков и комиков / А. Мержинского. – Варшава, 1872. – VI, 156 с.

Дата защиты: ?04.1872.

Разряд науки: греческая словесность.

Учёная степень: доктор.

Помяловский Иван Васильевич (1845 – 1906)

Этнографические этюды: 1. Древние наговоры (*tabulae defixionum*). 2.

Римские колумбарии / И.В. Помяловского. – СПб., 1873. – X, 305 с.: 6 л. илл.

Дата защиты: 26.03.1873.

Разряд науки: римская словесность.

Учёная степень: доктор.

Цветаев Иван Владимирович (1847 – 1913)

Cornelii Taciti Germania: Опыт критического обозрения текста / Ив. Цветаева. – Варшава, 1873. – 148 с.

Дата защиты: ?09.1873.

Разряд науки: римская словесность.

Учёная степень: магистр.

Беляев Дмитрий Фёдорович (1846 – 1901)

Омировские вопросы: 1. О зиянии в Одиссее. 2. О начальном согласном, отпавшем перед гласным в Одиссее / Д.Ф. Беляева. – СПб., 1875. – 208 с.

Дата защиты: 16.02.1875.

Разряд науки: греческая словесность.

Учёная степень: магистр.

	<p>Воеводский Леопольд Францевич (1846 – 1901) Каннибализм в греческих мифах: Опыт по истории развития нравственности / Л. Воеводского. – СПб., 1874. – 397 с. Дата защиты: 30.04.1875. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Никитин Павел Васильевич (1849 – 1916) Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита / П.В. Никитина. – Киев, 1876. – 101 с. Дата защиты: ?.05.1876. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Цветаев Иван Владимирович (1837 – 1913) Сборник осских надписей с очерками фонетики, морфологии и глоссарием / Ив. Цветаев. – Киев, 1877. – 124, 140 с.: 4 л. табл. Дата защиты: ?.10.1877. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Ернштедт Виктор Карлович (1854 – 1902) Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга / В.К.Ернштедт. – СПб., 1879. – 65 с. Дата защиты: 31.05.1880. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Тресс Карл Михайлович (1849 – 1886) Употребление условных предложений в Теренциевых комедиях / К. Тресс. – Варшава, 1880. – 60 с. Дата защиты: 21.12.1880. Разряд науки: римская словесность.</p>
--	---

	<p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Воеводский Леопольд Францевич (1846 – 1901) Введение в мифологию Одиссеи / Л.Ф. Воеводский. – Одесса, 1881. Ч. 1. – 235 с. Дата защиты: 06.12.1881. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Латышев Василий Васильевич (1855 – 1921) О некоторых эолических и дорических календарях: Эпиграфическое исследование / В.В. Латышева. – СПб., 1883. – VIII, 196 с. Дата защиты: 20.02.1883. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Никитин Пётр Васильевич (1849 – 1916) К истории афинских драматических состязаний / П. Никитина. – СПб., 1882. – 198, IV с. Дата защиты: ?04.1883. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Добиаш Антон Вячеславович (1846 – 1911) Синтаксис Аполлония Дискола / Антон Добиаш. – Киев, 1882. – VI, 184, XXXII с. Дата защиты: 01.05.1883. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Зелинский Фаддей Францевич (1859 – 1944) О синтагмах в древнегреческой комедии / Исследование Фаддея Зелинского. – СПб., 1883. – 233 с. Дата защиты: 06.11.1883.</p>
--	--

	<p>Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Нагуевский Дарий Ильич (1845 – 1918) Первая сатира Ювенала / Соч. Д. Нагуевского. – Рига, 1875. – VI, 132 с. Дата защиты: ?.05.1876. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Опацкий Сигизмунд Францевич (1847 - ?) Плиний Младший, литературный деятель времён Нервы и Траяна: Исследование на степень магистра / С. Опацкого. – Варшава, 1878. – 275 с. Дата защиты: ?.12.1879. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Угянский Андрей Онуфриевич (1816 – 1870) De statu reipublicae Atheniensium sub Pericle. (Обозначение автора на титульном листе, выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 15.05.1850. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Шарбе Алкуин Августович (1820 – 1873) De Agistophanis Acharensibus. – Casan, 1851. - (Объём издания установить не удалось). Дата защиты: 25.02.1851. Разряд науки: философия и древняя филология. Учёная степень: доктор.</p> <p>Благовещенский Николай Михайлович (1821 – 1892)</p>
--	--

	<p>De Romanorum tragoedia. (Обозначение автора на титульном листе, выходные данные и объём издания установить не удалось).</p> <p>Дата защиты: 14.03.1851.</p> <p>Разряд науки: философия и древняя филология.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Шарбе Раймунд Августович (1824 – 1875)</p> <p>De geniis, manibus et laribus / Scripsit R.Scharbe. - Casan, 1854. - 137 p.</p> <p>Дата защиты: 31.08.1854.</p> <p>Разряд науки: философия и древняя филология.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Модестов Василий Иванович (1839 – 1907)</p> <p>Римская письменность в период царей / Исследование В.И.Модестова. - Казань, 1868. - 159 с.</p> <p>Дата защиты: 17.11.1868.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Беляев Дмитрий Федорович (1846 – 1901)</p> <p>К вопросу о мировоззрении Эврипида: Историко-литературные этюды / Д.Ф. Беляева. - Казань, 1878. - VII, 134 с.</p> <p>Дата защиты: 14.05.1878.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Страшкевич Кондратий (1816 - 1868)</p> <p>De historia Thucedidea. – (Выходные данные и объём издания установить не удалось).</p> <p>Дата защиты: 13.05.1845.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>
--	---

	<p>Деллен Александр Карлович (1814 – 1883) Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Jun. Juvenalis. – (Выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 10.04.1864. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Коссович Игнатий Андреевич (1811 – 1878) Ge Horatio lerico poëta atque qui sui aevi hominos, quibuscum vixisse ac negotia habuisse illi obtigisset, fuissent. – (выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 07.12.1871. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Мищенко Фёдор Герасимович (1847 – 1906) Отношение трагедий Софокла к современной поэту действительной жизни в Афинах / Ф.Г. Мищенко. – Киев, 1874. – 188 с. Дата защиты: 12.10.1874. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Мищенко Фёдор Герасимович (1847 – 1906) Рационализм Фукидида в «Истории Пелопонесской войны» / Ф. Мищенко. – Киев, 1881. – (Объём издания установить не удалось). Дата защиты: 18.09.1881. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: доктор.</p> <p>Юргевич Владислав Норбертович (1818 – 1898) De Iovis Lecaëi natura cognominisque hujus ratione, commentatio. – Выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 18.02.1867. Разряд науки: римская словесность.</p>
--	--

	Учёная степень: доктор.
Греческая и римская словесность (чистая филология)	<p>Нетушил Иван Вячеславович (1850 – 1928)</p> <p>Об аористах в латинском языке: Историко-морфологический этюд из области латинского отчасти греческого и санскритского глагола / И.В. Нетушила. - Харьков, 1881. - VI, 242 с.</p> <p>Дата защиты: 21.02.1883.</p> <p>Разряд науки: римская словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Штейнман Иван Богданович (1819 – 1872)</p> <p>Questiones de derivatione vocabulorum graecorum / Scripsit Johannes Steinmann. – Petropoli, 1851. – (Объём издания установить не удалось).</p> <p>Дата защиты: 01.04.1851.</p> <p>Разряд науки: философия и древняя филология.</p> <p>Учёная степень: доктор</p> <p>Нейлисов Константин Фемистоклович (1832 – 1887)</p> <p>De digamate / Scripsit Constantin Neilisow. - Petropoli, 1854. – 48 p.</p> <p>Дата защиты: 05.12.1854.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Жданов Сергей Николаевич (1850 - ?)</p> <p>К учению о греческом ударении / С. Жданова. – СПб., 1878. – 92 с.</p> <p>Дата защиты: 11.03.1879.</p> <p>Разряд науки: греческая словесность.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>

	<p>Шерцль Ричард Иванович (1851 - ?) Разбор местного и дательного в классических языках сравнительно с санскритским / Р.И. Шерцль. – Харьков, 1880. – 127 с. Дата защиты: 1880. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Шульц Георгий Фёдорович (1853 – 1908) О значении косвенных падежей в греческом языке / Г.Ф. Шульц. – Харьков, 1880. Ч. I. Введение. Винительный падеж. – 101 с. Дата защиты: 15.02.1881. Разряд науки: греческая словесность. Учёная степень: магистр.</p> <p>Пётр Вячеслав Иванович (1848 - ?) Генетическое изложение форм <i>genitive singularis</i> в латинском языке на основании сравнительного языковедения / В.И. Пётр. – Одесса, 1881. – 108 с.: 1 л. табл. Дата защиты: 17.01.1882. Разряд науки: римская словесность. Учёная степень: магистр.</p>
<p>Всеобщая история</p>	<p>Медовиков Пётр Ефимович (1816 – 1855) Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владельцам греческим и туземному народонаселению вообще: Историческое исследование ... на степень магистра / П. Медовикова. – М., 1849. – XII, 184 с. Дата защиты: 17.01.1850. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Бабст Иван Кондратьевич (1824 – 1881)</p>

	<p>Государственные мужи древней Греции в эпоху её распада: Историческое рассуждение / Ивана Бабста. – М., 1851. – 264, II с. Дата защиты: 27.03.1851. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Ешевский Степан Васильевич (1829 – 1865) К.С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. / Соч. С. Ешевского. – М., 1855. – XVI, 346, III с. Дата защиты: 12.04.1855. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Георгиевский Александр Иванович (1830 - 1911) Галлы в эпоху Гая Юлия Цезаря / Соч. Александра Георгиевского. – М., 1865. – X, 502 с. Дата защиты: 17.12.1865. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Пирогов Владимир Николаевич (1846 – 1914) Исследование по римской истории преимущественно в области третьей декады Ливия / Владимира Пирогова. - СПб., 1878. - II, 284 с. Дата защиты: 29.11.1878. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Астафьев Николай Александрович (1825 – 1906) О правлении четырёхсот в Афинах. – (Выходные данные и объём издания установить не удалось). Дата защиты: 20.05.1850. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p>
--	---

	<p>Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826 – 1911) Ликург Афинский: Рассуждение ..., представленное ... для получения степени д-ра исторических наук / Михаила Стасюлевича. – СПб., 1851. – 123 с.: 1 л. табл. Дата защиты: 01.04.1851. Разряд науки: исторические науки, политическая экономия и статистика. Учёная степень: доктор.</p> <p>Бауер Василий Васильевич (1833 – 1884) Афинская игемонии: Рассуждение ...на получение степени м-ра всеобщей истории / Василия Бауера. – СПб., 1858. – 54 с.: 1 л. карт. Дата защиты: 04.05.1858. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Бауер Василий Васильевич (1833 – 1884) Эпоха древней тирании в Греции / Соч. Василия Бауэра. – СПб., 1863. – IV, 122 с. Дата защиты: 07.10.1863. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: доктор.</p> <p>Соколов Фёдор Фёдорович (1841 – 1909) Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии: Сочинение, представленное для получения степени м-ра всеобщей истории / Фёдором Соколовым. – СПб., 1865. – IV, 310 с. Дата защиты: 23.05.1865. Разряд науки: всеобщая история. Учёная степень: магистр.</p> <p>Люперсольский Пётр Иванович (1836 – 1903) Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифейского в</p>
--	---

	<p>древней Греции / П. Люперсольского. – СПб., 1869. – XVI, 162 с.: 1 л. табл.</p> <p>Дата защиты: 1869.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Васильевский Василий Григорьевич (1838 – 1899)</p> <p>Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период её упадка / В.Г. Васильевского. – СПб., 1869. – II, 326, II с.</p> <p>Дата защиты: ?.01.1870.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Драгоманов Михаил Петрович (1841 – 1895)</p> <p>Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит / М.П. Драгоманов. – Киев, 1869.</p> <p>Ч. 1. – VIII, 415 с.</p> <p>Дата защиты: 06.03.1870.</p> <p>Разряд науки: всеобщая история.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>
Теория и история искусств	<p>Прахов Андриан Викторович (1846 – 1916)</p> <p>Исследования по истории греческого искусства: 1. Древнейшие памятники из Ксанфа в Ликии. 2. О колонизации фронтонных групп Этинского храма Афины / А. Прахова. – СПб., 1871. – 81 с: атлас, 7 л. илл.</p> <p>Дата защиты: ?.05.1871.</p> <p>Разряд науки: теория и история искусств.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p>
Философия	<p>Скворцов Николай Ефремович (1836 – 1902)</p> <p>Менон, диалог Платона: Греческий текст с непрерывными к нему прим., с предисловием и анализом / Н.Скворцова. – М., 1868. – XX, 138 с.</p>

	<p>Дата защиты: 19.04.1868.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: магистр.</p> <p>Владиславлев Михаил Иванович (1840 – 1890)</p> <p>Философия Платона, основателя Новоплатоновской школы / Соч. М. Владиславлева. – СПб., 1868. – II, 330 с.</p> <p>Дата защиты: 12.01.1869.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: доктор.</p> <p>Козлов Александр Александрович (1831 – 1901)</p> <p>Метод и направление философии Платона / А. Козлов. – Киев, 1880. – II, 202 с.</p> <p>Дата защиты: 07.04.1880.</p> <p>Разряд науки: философия.</p> <p>Учёная степень: магистр</p>
--	--

*Составлено нами на основании: Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н.Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола». 2004. – 342 с.

Приложение 8

Диссертации по антиковедению защищенные в шести университетах Российской Империи в конце XIX – начале XX века по десятилетиям*****

Период	Всего защищено диссертаций по шести университетам	Количество защищенных магистерских диссертаций	Количество защищенных докторских диссертаций
1884-1893	23	13	10
1894-1903	20	9	11
1904-1914	13	5	8

*Составлено нами на основании: Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н.Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола». 2004. – 342 с.

Приложение 9

Тематическая структура отдела классической филологии ЖМНП*

* Всего 354 статьи. Подсчитано нами по материалам журнала.

Приложение 10

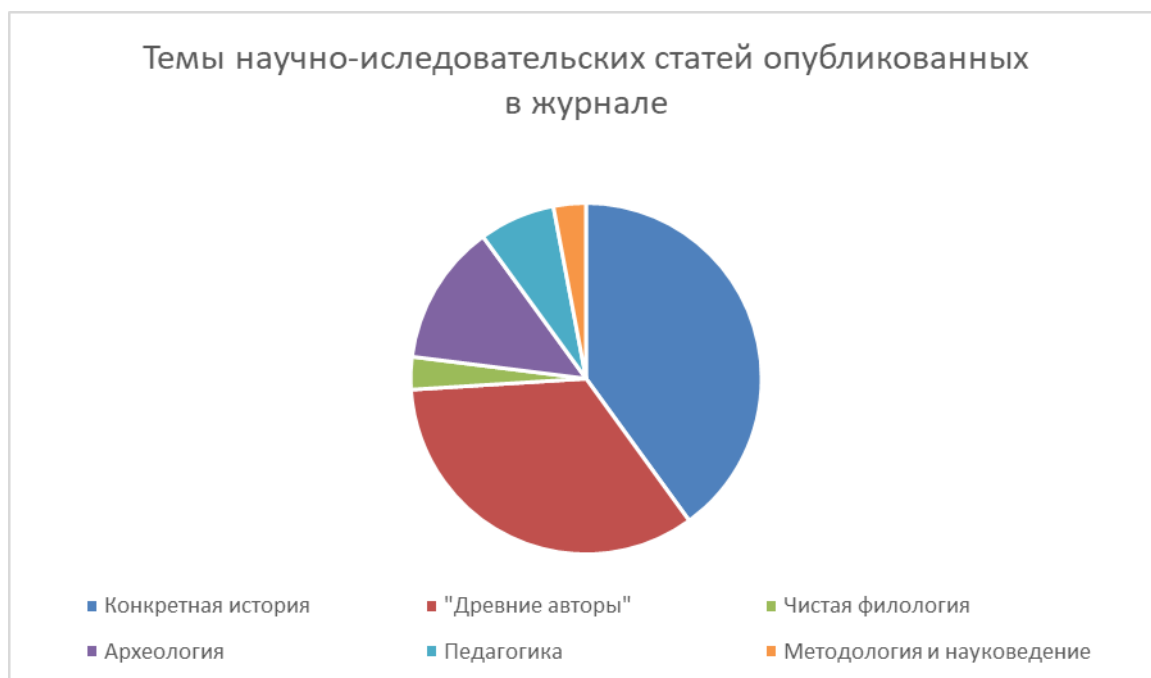
Тематическая структура журнала «Филологическое обозрение» *

* 393 статьи в 21 томе, без учета раздела «Критика и библиография» и «varia». Подсчитано нами по материалам журнала.

Приложение 11

Тематическая структура журнала «Гермес» *

* Без учета статей раздела «Библиография», «Хроника», «Иллюстрации», а также публицистических работ. в выборку вошли тома: 2-3 т. 1908 г., 4-5 т. 1909 г., 6-7 т. 1910 г., всего 123 статьи. Подсчитано нами по материалам журнала.

Приложение 12

Лица, подписавшие прошение об учреждении Общества классической филологии и педагогики*

1. Л.А. Георгиевский	26. -
2. Ф.А. Струве	27. -
3. В.Х. Лемониус	28. Ю.К. Фенкель
4. А.К. Наук	29. И.П. Новиков
5. Л.А. Миллер	30. С.М. Широков
6. -	31. -
7. К.А. Коссович	32. -
8. Л.О. Лавровский	33. -
9. -	34. -
10. Р.А. Фохт	35. -
11. -	36. -
12. А.И. Чистяков	37. -
13. Н.М. Аничков	38. -
14. Ф.Ф. Гельбке	39. -
15. М.М. Янко	40. -
16. А.А. Гофман	41. -
17. -	42. -
18. И.В. Помяловский	43. -
19. -	44. -
20. Н.Ф. Фоков	45. -
21. Э.А. Верт	46. -
22. -	47. директор 4-й гимназии ---
23. М.В. Прахов	48. директор 3-й гимназии ---
24. -	49. -
25. А.? Бауер	50. -

51. К.К. Прахов

53.

52.

54.

* Составлено нами на основании: Дело об утверждении устава Общества классической филологии и педагогики // РГИА Ф. 733. Оп. 142. Д. 534. Л. 14-15.

тайствовати оному утверждение въ
установленномъ порядкѣ.

Еще въ томъ числѣ напечатана притѣхуня

1. А. Топольский

~~В. Смирновъ~~

~~В. Смирновъ~~

А. Кларк.

5. Л. Миллеръ

А. Рейсманъ

Н. Коссаго

А. Сабуровъ

В. Шрамко.

10. Р. Поанто.

В. Поанто.

А. Кучменко

Н. Антонъ

А. Стефанко.

15. М. Дико.

Р. Топольский

О. Саатъ.

20. Топольский

М. Топольский

20. Н. Фоксакъ.

Р. Бизинъ

О. Топольский

Мемориалъ Кривоше

В. Карункъ

25. А. Трагера.

Николай Александрович

Ульянов Павел

Иван Степанович

Ульянов Николай

30. Павел Александрович

Н. Карпович

Николай Константинович

Н. Иванов

Н. Хрущев

35. Ул. Корсаков

Н. Павлов

В. М. Терехов

В. Давыдов

Н. Захаров

40. Е. Иванов

Н. Трунов

В. Трунов

В. Бобков

А. Семенов

45. М. Кузнецов

К. Макаров

Директор и Тимашев Преподователь

Директор и Букачев В. Станислав

Директор и Букачев В. Станислав

50. Юрий Лодовицкий

Василий Павлович

А. Киреев

Н. Волков

Н. Колесников

Приложение 13

Известные члены Общества классической филологии и педагогики*

Адрианов П.А.	Кеммерлинг А.А.	Некрасов Б.Н.
Аничков Н.М.	Кербер Э.Ю.	Некрасов Н.П.
Анненский И.Ф.	Кесслер Э.Э.	Нетушил И.В.
Аралов И.О.	Клименчич О.Ю.	Никитин П.В.
Беллярминов П.И.	Корш О.Е.	Новиков И.П.
Боголепов Н.И.	Коссович К.А.	Окуньков С.Г.
Бюриг Г.В.	Куторга М.С.	Павликовский К.К.
Вайсман А.Д.	Лаврентьев Л.И.	Помяловский И.В.
Варнеке Б.В.	Лавровский Л.О.	Прахов М.В.
Васильевский В.Г.	Латышев В.В.	Пустонский М.В.
Верт Э.А.	Лемониус В.Х.	Радонежский А.А.
Видеман Ф.Э.	Леонтьев П.М.	Ростовцев М.И.
Виноградов И.И.	Ливанов И.В.	Рубинский Н.В.
Воронович Г.Ф.	Ловягин А.М.	Рубинский Н.В.
Гельбке Ф.Ф.	Ловягин М.А.	Савинов Н.И.
Гинтовт С.И.	Лютер Ф.А.	Савицкий А.О.
Гофман А.А.	Майков А.Н.	Скворцов Н.Е.
Давиденков А.И.	Майков В.В.	Смирнов И.А.
Ернштедт В.К.	Малеин А.И.	Смирнов К.И.
Жебелев С.А.	Мещерский Н.П.	Соколов П.П.
Зверев Н.А.	Миллер Л.А.	Сонин Н.Я.
Зелинский Ф.Ф.	Митрофанов П.П.	
Зоргенфрей Г.Г.	Модестов В.И.	
Канский В.А.	Мор Г.Я.	
Капустин М.Н.	Наука А.К.	
Катков М.Н.	Невзоров Н.К.	

Струве Ф.А.	Широков С.М.
Фармаковский Б.В.	Шмид Г.К.
Фоков Н.Ф.	Шубин Н.Я.
Фортулатов Ф.Ф.	Щукарев А.Н.
Фохт Р.А.	Энман А.Ф.
Чистяков А.И.	Якимах А.М.
Шестаков П.Д.	Янко М.

*Составлено нами на основании: Малеин А.И. К истории классической филологии в России. Краткий очерк деятельности Общества классической филологии и педагогики за первое 25-летие его существования // Филологическое обозрение. 1899. № 17. С. 53-78; Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики в 1904 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Часть I. С. 47-61; Отчет С-петербургского общества классической филологии и педагогики за 1874-1877 годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Часть СХСVI. С. 831-840; Краткий отчет о деятельности Общества классической филологии и педагогики за 1898-99, 1899-900, 1900-901, 1901-902 учебные годы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть СССLI. С. 311. 311-348.

Приложение 14
Академики антиковеды*

ФИО	Ступени членства	Период членства	специальность
Байер Зигфрид Теофиль	Профессор	1725-1737	Греческие и римские древности
Лоттер Иоган Георг	Профессор	1735-1737	Элоквенция и греко-римские древности
Крузиус Христиан Готфрид	Адъюнкт Профессор	1740-146 146-1750	Древности и история литературы
Вовилье Жан- Франсуа	Одинарный академик	1798-1801	Древности греческие и римские
Келер Егор Егорович (Гейнрих Карл Эрнст)	Ординарный академик	1817-1838	Литература и древности греческие и римские
Грефе Федр Богданович (Христиан Фридрих)	Ординарный академик	1820-1851	Греческая и римская словесность
Стефани Лудольф Эдуардович	Ординарный академик	1850-1887	Греческие и римские древности
Наук Карл Августович	Экстраординарный академик Ординарный	1858-1861 1861-1892	Классическая филология

	академик		
Никитин Петр Васильевич	Адъюнкт Экстраординарный академик Ординарный академик	1888-1892 1892-1898 1898-1916	Классическая филология
Латышев Василий Васильевич	Ординарный академик	1893-1921	Классическая филология
Ернштедт Виктор Карлович	Адъюнкт Ординарный академик	1893-1898 1898-1902	Классическая филология
Кондаков Никодим Павлович	Ординарный академик (сверх штата)	1898-1900 В 1900 г. перешел на отделение русского языка и словесности	Классическая филология
Никитский Александр Васильевич	Член- корреспондент Ординарный академик	1902-1917 1917-1921	Классическая филология
Ростовцев Михаил Иванович	Член- корреспондент Ординарный академик	1908-1917 1917-1928	Классическая филология

* Составлено на основании: Список членов Императорской академии наук, 1725-1907. сост. Б. Л. Модзалевский. СПб: Тип. Императорской акад. наук. 1908. 404 с; Персональный состав РАН // Информационная система «Архивы Российской Академии наук». URL: <https://www.isaran.ru/?q=ru/node/66> (дата обращения 12.07.2022).